ПИСЕМСКІЙ

18.177.3.41.

Из фондов Российской национальной библиотеки

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

Из фондов Российской национальной библиотеки

Из фондов Российской национальной библиотеки

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО

второе посмертное полное изданіе, дополненное, свѣренное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, ПЯТАЯ И ШЕСТАЯ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиный дворъ, № 18

МОСКВА
Кузнецкій мостъ, домъ № 12

1895

Из фондов Российской национальной библиотеки

Из фондов Российской национальной библиотеки

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I.

Хоть и прошлая, но несовсѣмъ милая картина.

Если читатель дастъ себѣ трудъ пробѣжать въ умѣ своемъ весь предъидущій разсказъ мой, то онъ, не смотря на случайность выведенныхъ мною лицъ, не смотря на несходство ихъ между собой, прослѣдитъ одну общую всѣмъ имъ черту: всѣ они живутъ по какому-то, точно навсегда уже установившемуся для русскаго царства механизму. Разумѣется, всѣмъ, кто поумнѣй и почестнѣй, какъ-то неловко; но всѣ, въ то же время, располагаютъ жизнь свою по тѣмъ правиламъ, которыя скорѣй пришли къ нимъ черезъ ухо, чѣмъ выработались изъ собственнаго сердца и пониманія.

Герой мой, напримѣръ, не имѣя ни способности и никакой наклонности къ службѣ, служитъ, и думаетъ, что тѣмъ онъ исполняетъ долгъ свой. Женившись на богатой дѣвушкѣ, онъ давно уже былъ къ ней болѣе чѣмъ

равнодушенъ, но считалъ своимъ долгомъ по возможности скрывать это.

Бѣдная моя Софи Ленева, живя подъ покровительствомъ Эммануила Захаровича, тоже врядъ-ли не полагала, что это долгъ ея. Окружавшее ее богатство заставляло забывать все: многія молодыя дамы, обыкновенно дѣлавшія при ея имени гримаску, въ душѣ завидовали ея положенію; всѣ пріѣзжіе артисты и артистки и вся мѣстная молодежь считали себѣ за честь бывать у нея на вечерахъ и были въ восторгѣ отъ ея роскоши и красоты.

Изъ другихъ знакомыхъ намъ лицъ, молодые Галкины, не смотря на ограниченныя способности, хоть и плохо, но учились.

Николинька, сынъ доброй губернаторши, если только помнитъ его еще читатель, тоже состоялъ въ одномъ военно-учебномъ заведеніи и наскучалъ матери только тѣмъ, что съѣдалъ, по крайней мѣрѣ, по полпуду въ день конфектъ, и это ужасно пугало ее насчетъ его здоровья.

Но самымъ лучшимъ примѣромъ, какихъ звѣрковъ то суровое время могло усмирять, служилъ Викторъ Басардинъ. Возвратясь изъ отпуска, на которомъ мы съ нимъ встрѣтились, онъ на первыхъ же порахъ, по юношеской неопытности, вздумалъ было схватить полковаго командира за воротъ. Его за это разжаловали въ солдаты и сослали на Кавказъ. Тамъ онъ едва выклянялъ, чтобъ его произвели въ офицеры, и сейчасъ же вышелъ въ отставку. Въ это время умерла Надежда Павловна; имѣньице свое она отдала мужу. Викторъ, пріѣхавъ на родину и ошибшись въ разсчетѣ, избилъ до полусмерти бѣднаго Петра Григорьевича. Тотъ пожаловался на него губернатору и предводителю. Виктора, за оскорбленіе отца, посадили на годъ въ смирительный домъ, откуда освободясь и проживъ потомъ въ Москвѣ, безъ куска

хлѣба и безъ сапогъ, онъ, холодный и голодный, пришелъ смиренно къ сестрѣ. Та сжалилась надъ нимъ и опредѣлила его у Эммануила Захаровича по откупу. И такимъ образомъ, наученный горькими опытами жизни, молодой человѣкъ обнаруживалъ къ сестрѣ величайшую нѣжность, а къ Галкину почти благоговѣніе.

Въ дѣйствующихъ средахъ общества, между тѣмъ, рѣшительно царствовала какая-то военная сила. Въ Петербургѣ придумали, что Англія будто бы страна торговли, Германія—учености, Италія искусствъ, Франція—оселокъ, на которомъ пробуются разныя политическія учрежденія, а Россія—государство военное. Въ самомъ дѣлѣ, оно, должно быть, было военное! Какой-нибудь нашъ знакомый презусъ, гарнизонный полковникъ, получалъ въ годъ съ батальона тысячъ по пятнадцати. Въ карабинерныхъ полкахъ, для образованія бравыхъ и молодцоватыхъ унтеръ-офицеровъ, изъ пяти кантонистовъ забивали двоихъ.

Губернаторы въ своей милой власти разыгрывались до послѣдней прелести.

За ними властвовалъ и господствовалъ откупъ. Разные Ардаки, разные Эммануилы Захаровичи и разные изъ русскихъ плуты, по одной рожѣ-то каторжные, считались за геніевъ.

Люди, въ родѣ Нетопоренка, трактовались за людей необходимыхъ и полезнѣйшихъ для общества.

Дворянство, хоть и сильно курившее ѳиміамъ всевозможнымъ властямъ и почти поголовно лѣзшее въ службу, все еще обнаруживало нѣкоторое трепетаніе; даже нашъ скромнѣйшій Петръ Григорьевичъ говорилъ: «Мы, дворяне, кое-что значимъ! Все не мужики, не купцы и не мѣщане!»

Купечество, по разнымъ казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, плутовало спокойнымъ образомъ, зная, что деньгами всякую дыру, если только ее найдутъ, замазать можно.

Простой народъ сталъ приходить, наконецъ, въ отупѣніе: съ него брали и въ казну, и барину, и чиновникамъ, да его же еще чуть не ежегодно въ солдаты отдавали.

Какъ бы въ отместку за все это, онъ неистово пилъ отравленную откупную водку, и приходя отъ того въ скотское бѣшенство, дрался, какъ звѣрь, или со своимъ братомъ, или съ женой, и безпрестанно попадалъ за то на каторгу.

Образованіе по всѣмъ вѣдомствамъ все больше и больше суживалось: въ корпусахъ было безсмысленно подтянутое, по гимназіямъ совершенно распущенное, а по семинаріямъ, чтобы не отстать отъ вѣка, стали учить только-что не танцовать. Оттуда, отсюда и отовсюду молодые люди выходили ничего несмыслящіе.

Всюду слышался неумолкающій ни на минуту, но въ то же время глухой и затаенный ропотъ.

Сама природа, какъ бы раздѣляя это раздраженно-напряженное состояніе, насылала то тутъ, то тамъ холеру.

II.

Что-то вѣетъ другое!

Въ сентябрѣ 1853 года, нашъ посолъ князь Меншиковъ выѣхалъ изъ Константинополя.

Зачѣмъ и изъ-за чего эта война началась — въ народѣ и въ обществѣ никто понять не могъ. Впрочемъ, не особенно и безпокоились: турокъ мы такъ привыкли побѣждать! Но Европа двинула на насъ флоты англійскій, французскій и турецкій!

Хомяковъ писалъ въ стихахъ, что это на судъ Божій сбираются народы.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Не смотря на нечеловѣческое самоотверженіе войска, стало однако оказываться, что мы несовсѣмъ военное государство; но зато государство совсѣмъ ужь безъ путей сообщенія...

Въ Европѣ удивлялись нашимъ полуголоднымъ солдатамъ и смѣялись надъ генералами.

Съ 18 февраля 1855 года, Россія надѣла годичный трауръ.

Героизмъ Нахимова, горѣвшій какъ отрадный свѣточъ, передъ очами народными, и тотъ, наконецъ, погасъ. Въ сентябрѣ 1855 года была напечатана лаконическая депеша изъ Севастополя: «наши верки страдаютъ!»

Исходъ дѣла сталъ для всѣхъ понятенъ.

Всѣ почувствовали общее, и нельзя сказать что-бы несправедливое, къ самимъ себѣ презрѣніе.

Русскій Вѣстникъ уже выходилъ. Щедринъ ст печатать свои очерки. По губерніямъ только поеживались и пошевеливались, и почти со слезами на глазахъ говорили: «Ей-богу, это вѣдь онъ насъ учитъ, а мы и не умѣли никогда такъ плутовать!»

Въ Петербургѣ тоже закопошились.

Добрый нашъ пріятель, цензоръ Ф***, можетъ быть лучше многихъ понимавшій состояніе общественной атмосферы, нашелъ совершенно невозможнымъ служить.

— Цензуры нѣтъ! шепнулъ онъ намъ однажды. — Нѣтъ ея! воскликнулъ онъ потомъ съ увлеченіемъ. Затѣмъ, будучи самъ большимъ шалуномъ по женской части, объяснилъ подробнѣе свою мысль: — Я прежде, въ повѣстяхъ, если одинъ любовникъ являлся у героини, такъ заставлялъ автора непремѣнно женить въ концѣ повѣсти: а теперь, помилуйте, передъ героиней торчатъ трое обожателей, и къ концу всѣ разбѣгаются, какъ собаченки.

По другимъ вѣдомствамъ совѣтники Нетопоренки вдругъ найдены несовременными.

Старый дубъ, Евсевій Осиповичъ, счелъ за лучшее успокоить себя въ званіи сенатора.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1857 года, на Сенатской площади собрался народъ, говоря, что выдается указъ о волѣ. Но указъ выходилъ о порядкѣ перехода помѣщичьихъ крестьянъ въ казенные, и толпу разогнала полиція.

Вслѣдъ затѣмъ раздались довольно неопредѣленные толки, что дворянству поручено говорить на выборахъ объ улучшеніи быта крестьянъ.

Въ провинціи, впрочемъ, все это отражалось какимъ-то глухимъ и неопредѣленнымъ эхомъ.

Въ описываемый мною городъ пріѣхалъ одинъ вновь опредѣленный правовѣдъ и привезъ какой-то листокъ, напечатанный въ Лондонѣ.

Молодой человѣкъ читалъ это въ большомъ обществѣ, многіе имѣли неосторожность смѣяться. Чтеца на другой-же день отправили въ Петербургъ съ жандармомъ и съ секретнымъ донесеніемъ, но тамъ его—всего продержали три дня и выпустили.

Странно!!

Герой мой, Бакланов, все время передъ тѣмъ, какъ мы знаемъ, служившій и получившій даже Станислава на шею, вдругъ началъ находить, что ему неприлично это дѣлать, тѣмъ болѣе, что все неслужебное около него какъ-то шевелилось, попридумывало, изобрѣтало кое-что.

— Я выйду, другъ мой, въ отставку, — сказалъ онъ однажды, женѣ, — и займусь лучше коммерческими дѣлами.

— Хорошо! — отвѣчала та, и потомъ, съ обычнымъ своимъ благоразуміемъ, прибавила: — съумѣешь-ли только?

— Я думаю... тутъ не служба... я никѣмъ и ничѣмъ обязанъ не буду!—отвѣчалъ Бакланов.

Евпраксія ничего на это не сказала и ушла къ дѣтямъ.

Баклановъ вскорѣ потомъ подалъ въ отставку и сталъ отращивать себѣ усы и бороду.

III.

Скука среди семейнаго счастія.

Былъ вечеръ; въ большой гостиной, передъ карселевскою лампой, мирнымъ и тихимъ свѣтомъ освѣщавшею стѣны, картины и мебель, въ покойномъ плисовомъ сюртукѣ сидѣлъ Баклановъ. Его лицо, сдѣлавшееся отъ отпущенныхъ усовъ и бороды еще красивѣе, было печально.

Евпраксія, тоже значительно пополнѣвшая, съ солидною, хотя и съ спокойною физіономіей, сидѣла около него и работала.

Мальчикъ лѣтъ четырехъ, ихъ старшій сынишка, прелестный какъ ангелъ, стоялъ на ногахъ на диванѣ и своими ручонками обнималъ Казиміру, которая совсѣмъ стала похожа на добрую, французскую *bonne*. Мужъ ея уже померъ. Съ появленіемъ Бакланова, окончательно оставленный женою, онъ началъ еще больше пить и предаваться волокитству и, по свойственной этого рода жизни случайности, найденъ былъ утонувшимъ въ пруду. Самъ-ли онъ какъ-нибудь залѣзъ туда или его кинули, никто даже и узнать особенно не постарался.

Другой мальчикъ, лѣтъ около двухъ, пузанчикъ, подъ строжайшимъ присмотромъ няньки нѣмки, едва переступая съ ножонки на ножонку, шагалъ по мягкому и волнистому ковру и, нерѣдко спотыкаясь, клюкался носомъ въ коверъ; но не плакалъ при этомъ, а обернувъ личико къ нянькѣ, смѣялся!

При подобной обстановкѣ, среди которой жилъ герой мой,— казалось, и желать было нечего болѣе; но сердце человѣческое тайна неисповѣдимая: Баклановъ на свое положеніе смотрѣлъ совершенно иначе!

Въ настоящій вечеръ у нихъ была въ гостяхъ madame Базелейнъ.

Прежде эта дама была даже мало знакома съ ними; но въ послѣднее время вдругъ повадилась и начала ѣздить довольно часто.

Евпраксія не любила ея; а Баклановъ, напротивъ, находилъ, что она — очень умная и развитая женщина.

Послѣдній эпитетъ онъ нерѣдко и съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ употреблялъ при женѣ. Евпраксія при этомъ, кажется, усмѣхалась про себя.

— Какъ хотите, говорилъ онъ, обращаясь къ madame Базелейнъ, — но женатый человѣкъ рѣшительно отрѣзанный отъ всего ломоть.

— Но почему-же? спрашивала она его въ недоумѣніи.

— Во-первыхъ-съ, началъ перечислять ей Баклановъ, — для остальныхъ женщинъ, кромѣ жены своей, онъ не существуетъ. Знаете-ли, какое первое ощущеніе мое было, когда я женился? Мнѣ показалось, что я въ томъ обществѣ, для котораго все-таки имѣлъ нѣкоторое значеніе, съ которымъ, наконецъ, былъ связанъ, вдругъ сталъ совершенно чужимъ и одинокимъ.

— Но зачѣмъ-же вамъ эта связь съ обществомъ? возражала ему madame Базелейнъ.

— Я не про то говорю-съ, а про тѣ ощущенія, которыя слѣдуютъ за бракомъ, и которыя если не непріятны, то все-таки странны: изъ богача вы дѣлаетесь бѣднякомъ, тысячи субъектовъ мѣняете на одинъ.

Madame Базелейнъ пожала плечами.

— Въ отношеніи друзей тоже, продолжалъ Баклановъ, — ужь неловко съ ними поразгуляться и позашалиться... Пѣшій, по пословицѣ, конному не товарищъ!

— Но зачѣмъ-же вамъ все это? повторила воздушная madame Базелейнъ: — у васъ есть жена, дѣти!..

— Да, это все есть! подтвердилъ Баклановъ насмѣшливымъ голосомъ.

Евпраксія въ продолженіе всего этого разговора соблюдала строгое молчаніе, и только при послѣднихъ словахъ мужа какъ-бы легкая краска выступила на лицѣ ея, а Казимірѣ точно стало неловко и стыдно. Она внимательно принялась разсматривать лежавшій подъ лампою коврикъ.

Въ это время, однако, Евпраксію вызвали кормить грудью третьяго ребенка, а старшій сынокъ, соскочивъ съ дивана, побѣжалъ въ залу. Казиміра, ни на шагъ его обыкновенно не оставлявшая, пошла за нимъ.

Баклановъ и madame Базелейнъ осталась вдвоемъ.

— Ахъ, мужчины, мужчины, всего-то вамъ мало, сказала та и покачала головой.

— Да чего всего-то? чего?—перебилъ ее Баклановъ.

Съ нѣкотораго времени онъ все болѣе и болѣе сталъ прикидываться, особенно передъ молодыми дамами, несовсѣмъ счастливымъ мужемъ.

— Вы будете у генералъ-губернатора на балѣ?— перемѣнила гостья разговоръ на другой предметъ.

— Да не знаю, позовутъ-ли? отвѣчалъ Баклановъ.

— О, непремѣнно! подхватила Базелейнъ: — вы знаете: онъ нынче тактику совсѣмъ хочетъ перемѣнить... Ему изъ Петербурга прямо написали и поставили на видъ Суворова, что вотъ человѣкъ — съумѣлъ-же сойтись съ цѣлымъ краемъ. Онъ просто хочетъ теперь искать въ обществѣ.

— Дай Богъ, отвѣчалъ Баклановъ, — чтобъ они для общества жили, а не общество для нихъ.

— Ужъ именно, именно! подтвердила восторженно madame Базелейнъ.

Дама эта, за какой-нибудь годъ передъ тѣмъ, видѣла

только что не у башмака своего лежавшимъ все К—е общество, а теперь, чтобы сблизить своего патрона съ лицами, попреимуществу державшими себя въ отношеніи его непріязненно, она ѣздила къ нимъ и въ дождь, и въ слякоть. Баклановы, въ этомъ случаѣ, были одними изъ первыхъ.

Когда Евпраксія возвратилась, madame Базелейнъ начала безконечно къ ней ласкаться. Съ какимъ-то благоговѣйнымъ вниманіемъ она разспрашивала ее: какъ она кормитъ ребенка, не безпокоитъ-ли онъ ее.

Евпраксія на все это отвѣчала ей серьезно сухо.

— А что ваша дочь? спросила она ее въ свою очередь.

— Ахъ, она у меня чудо какъ развивается, чудо! отвѣчала Базелейнъ.

Выраженіе лица Евпраксіи было насмѣшливо.

Гостья наконецъ стала собираться.

Баклановъ пошелъ провожать ее.

— Какъ все это мило!.. — говорила Базелейнъ, проходя мраморную залу и Богъ знаетъ на кого показывая: на самую-ли залу, или на игравшихъ въ ней дѣтей.

— И скучно! добавилъ, идя вслѣдъ за ней, Баклановъ.

Madame Базелейнъ покачала только головой.

Проводивъ ее, Баклановъ сѣлъ на полъ около дѣтей

— Валерка! крикнулъ онъ старшему сыну, — ну, хочешь кататься?

Мальчикъ сейчасъ-же забрался ему верхомъ на шею и началъ на немъ скакать, какъ на лошади.

— Ну, поди и ты, карапузикъ! крикнулъ Баклановъ маленькому.

Тотъ переправился къ нему.

— Ну, цѣлуйте! скомандовалъ Баклановъ.

Валерьянъ сейчасъ-же нагнулся и началъ его цѣловать несчетно разъ. Маленькій тоже тянулся къ нему со своими губенками.

Панна Казиміра смотрѣла на всю эту сцену съ сложенными руками и потупленными глазами.

Дѣти цѣловали отца по крайней мѣрѣ съ полчаса.

— Однако, какіе это безсмысленные поцѣлуи дѣтскіе, — обратился онъ вдругъ къ Казимірѣ.

— Отчего-же? спросила та краснѣя.

— Такъ! отвѣчалъ Баклановъ и всталъ.

— Чтожъ поиграйте еще съ дѣтьми, — сказала было ему Казиміра.

— Нѣтъ! скучно! — повторилъ онъ зѣвая, и ушелъ къ себѣ въ спальню спать, хоть всего еще только было десять часовъ.

IV.

Праздныя и порочныя мечтанія.

Баклановы обѣдали.

Евпраксія, какъ честная и пышная римская матрона, сидѣла на концѣ стола. По правую руку отъ нея помѣщались: Казиміра съ старшимъ, Валеркой, какъ его звалъ отецъ, а по лѣвую — нянька-нѣмка со вторымъ, Колькой. У обоихъ дѣтей были особые серебряные приборы, и оба скромнѣйшимъ образомъ сидѣли на своихъ высокихъ стульчикахъ.

Обѣдъ у Баклановыхъ былъ всегда отличный: поваръ ихъ врядъ-ли былъ не искуснѣй повара Эммануила Захаровича; вина самаго высокаго сорта, прислуга скромная, вѣжливая. Но ничто это не плѣняло Александра!.. Въ его воспоминаніи проходилъ другой, скудный обѣдъ въ Ковригинѣ, когда онъ сидѣлъ около молоденькой дѣвушки и пожималъ подъ столомъ ея ножку: о, какая то была поэзія, — и какая все окружавшее его теперь проза!

Из фондов Российской национальной библиотеки

Къ концу обѣда зашелъ разговоръ о приглашеніи на балъ, которое въ самомъ дѣлѣ было получено отъ генералъ-губернатора.

— Я не поѣду! сказала Евпраксія рѣшительно.

— Отчего-же? спросилъ ее Баклановъ вспыхивая.

— Потому что я никуда не ѣзжу, отвѣчала Евпраксія.

Баклановъ насмѣшливо улыбнулся.

— Къ другимъ вы можете не ѣздить, началъ онъ,— но тутъ вѣжливость требуетъ! Наконецъ, вы обывательница здѣшняя; у васъ могутъ случиться дѣла, другое прочее.

— У меня никакихъ нѣтъ дѣлъ.

— Но у меня могутъ быть.

— Ну такъ ты и поѣзжай!

Баклановъ опять и еще ядовитѣе усмѣхнулся.

— По обыкновенію: ни для кого — ничего, ни шагу! произнесъ онъ.

— Ну да, ни шагу, повторила Евпраксія.

Въ сущности, Бакланову рѣшительно было все равно, поѣдетъ-ли жена на балъ или нѣтъ; но ему хотѣлось только съ ней поспорить и побраниться.

Если маленькія причины имѣютъ иногда большія послѣдствія, то и наоборотъ: большія явленія имѣютъ, между прочимъ, самые миніатюрные результаты.

На героя моего ужасно вліяла литература; съ каждымъ смѣлымъ и откровеннымъ словомъ ея міросозерцаніе его мѣнялось: сначала опротивѣла ему служба, а теперь стала казаться ненавистна и семейная жизнь. Поэтическій и высокохудожественный протестъ противъ брака Жоржъ Занда казался ему послѣднимъ словомъ человѣческой мудрости — только жертвой въ этомъ случаѣ онъ находилъ не женщину, а мужчину, то-есть себя.

— Вѣдь, этакъ трактовать цѣлое общество нельзя... нельзя! повторялъ онъ насмѣшливо, обращаясь къ Евпраксіи: — что мы-де вотъ выше всѣхъ и никого знать

не хотимъ; надобно спросить, какъ и другіе насъ понимаютъ!

— Я и не считаю себя выше другихъ. Что ты такимъ образомъ перетолковываешь мои дѣйствія? сказала Евпраксія, уже разсердившись на мужа.

— Отчего-жъ вы не ѣдете? спросилъ онъ.

— Потому что тамъ все будутъ свѣтскія дамы, а я не свѣтская.

— Что-же вы такое? Вотъ-бы интересно знать, что это такое?.. Что-то очень ужъ, должно быть, необыкновенное! говорилъ Баклановъ, — въ этотъ день онъ былъ до гадости золъ.

— Когда женились на мнѣ, такъ видѣли, что я такое! сказала Евпраксія.

Лицо ея попрежнему оставалось спокойно.

— Нѣтъ, не видалъ, отвѣчалъ Баклановъ: — и теперь не вижу, да и врядъ-ли когда увижу.

— Ну да, повторила опять Евпраксія и замолчала, а потомъ, когда обѣдъ кончился, тотчасъ же встала и ушла въ гостиную.

Баклановъ остался еще за столомъ.

Онъ налилъ себѣ стаканъ вина и велѣлъ подать сигару.

Равнодушный уходъ жены еще больше раздражилъ его.

— Вѣдь камень, и тотъ не живетъ, какъ мы живемъ, говорилъ онъ совершенно громко и обращаясь къ Казимірѣ, которая осталась, потому что Валерка доѣдалъ еще пирожное:—и тотъ что-нибудь, хоть пыль, да даетъ въ воздухѣ, и самъ, наконецъ, притягиваетъ песчинки, а мы — ничего?

Положеніе Казиміры было очень щекотливое.

— Что еслибы состоянія у насъ не было? продолжалъ громко Баклановъ: — куда бы и на что мы годились! — Ѣсть, спать, родить дѣтей, кормить ихъ на убой!

При этихъ словахъ, Евпраксія, все это слышавшая, подняла наконецъ глаза на образъ.

— Онъ и ихъ ненавидитъ, Боже, Боже мой! проговорила она и склонила голову.

Баклановъ, между тѣмъ, продолжалъ разсуждать:

— По моему, человѣкъ безъ темперамента, безъ этого прометеевскаго огонька, который одинъ только и заставляетъ насъ безпокоиться и волноваться, хуже тряпки, хуже всякаго животнаго!

И затѣмъ, видя, что въ залѣ никого нѣтъ, ни Казиміры, ни даже лакеевъ, онъ всталъ и пошелъ въ кабинетъ.

Одною изъ главныхъ причинъ недовольства его бракомъ было то, что холодная Евпраксія не представляла ужь никакой для него прелести, и его мучило нестерпимое желаніе завести интрижку.

Но съ кѣмъ?

Чаще всего, въ этомъ случаѣ, онъ думалъ о Софи.

Лично онъ съ ней, въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ, не встрѣчался и только стороной слыхалъ, какъ она на какомъ-нибудь пикникѣ каталась, окруженная толпою молодежи, видалъ ее иногда издали въ театрѣ, блистающую красотой и нарядами.

Богъ съ ней, съ кѣмъ бы эта прелестная женщина ни интриговала: но она могла бы доставить ему море блаженства, а всего этого онъ лишалъ себя тѣмъ, что былъ женатъ.

V.

Акціи.

Евпраксія настояла на своемъ и не поѣхала на балъ. Баклановъ пріѣхалъ одинъ.

Въ первой же комнатѣ онъ встрѣтилъ косаго Никтополіонова.

Тотъ сейчасъ же подхватилъ его подъ руку и отвелъ въ сторону.

— Что вы тамъ, батюшка, сидите, а? спросилъ онъ обыкновеннымъ своимъ тономъ, чтобы сразу напугать человѣка.

— Что такое? спросилъ Баклановъ въ свою очередь.

— Есть у васъ акціи общества «Таврида и Сирена?»

— Нѣтъ.

— Такъ что же это вы?.. что это такое? кричалъ Никтополіоновъ: — сидите съ деньгами, съ домами, и неберете!

— Я, право, еще даже и не думалъ объ этомъ, отвѣчалъ Баклановъ.

— Онъ и не думалъ, а!.. скажите пожалуйста! Ассюрировано 4 процента отъ правительства, помильная плата и перевозъ отъ казны провіанта. Онъ не думалъ объ этомъ! Въ банкѣ-то что? По двѣ ужъ копѣйки на рубль даютъ... Пора подумать-то объ этомъ!

Баклановъ въ самомъ дѣлѣ думалъ. У него у самого были небольшія деньги, а у жены такъ и довольно серьезныя.

— Тутъ, вѣдь, можно проиграть и выиграть, возразилъ онъ, смутно припоминая себѣ и соображая, что такое значитъ акція.

— Какимъ же образомъ проиграть? Такъ ужь всѣ сумасшедшіе. Теперь на каждую акцію по пятидесяти рублей преміи.

— Значитъ, надо приплатить? спросилъ Баклановъ.

— Такъ чтожъ изъ того!.. Вонъ я вчера далъ лишнихъ по тридцати рублей, а сегодня самъ получилъ по пятидесяти. Всего только одну ночь пролежали въ карманѣ: не великъ, кажется, трудъ-то.

— Это не дурно! — сказалъ Баклановъ.

— Еще бы! — подхватилъ Никтополіоновъ: — дѣло въ отличнѣйшемъ порядкѣ... Я сдѣланъ распорядителемъ на здѣшней дистанціи.

«Вотъ это-то ужь дурно! — подумалъ Баклановъ.

— Учредитель этого дѣла геніальный человѣкъ!.. Первая, можетъ быть, голова въ Россіи! — продолжалъ Никтополіоновъ, имѣвшій привычку такъ же сильно хвалить, какъ и порицать. — Ну, такъ какъ же?.. Ахъ вы, тюлени русскіе! — прибавилъ онъ, глядя ужь съ ужасомъ на Бакланова.

— Я подумаю! — отвѣчалъ тотъ.

— Подумаю! Подумаю!.. И ничего не подумаетъ!— передразнилъ его Никтополіоновъ.

Но Баклановъ подумалъ и довольно серьезно.

«Въ самомъ дѣлѣ, глупо же держать деньги въ банкѣ, когда вся Европа, всѣ образованные люди играютъ на биржѣ!» — разсуждалъ онъ.

VI.

Опьянѣніе одного и отрезвленіе другой.

Балъ, дававшійся для сближенія съ обществомъ, должно быть въ самомъ дѣлѣ заключалъ въ себѣ все общество. Въ слѣдующихъ комнатахъ была толпа мужчинъ — все, по большей части, черноволосыхъ, и нельзя сказать, чтобы съ особенно благородными физіономіями. Баклановъ замѣтилъ только одного благообразнаго старика, съ вьющимися сѣдыми волосами и съ широкою бородой, — но и то потомъ оказалось, что это былъ проѣзжій музыкантъ-нѣмецъ.

Дамы, напротивъ, блистали прекрасными нарядами и было много хорошенькихъ.

Вѣжливый хозяинъ принималъ всѣхъ въ дверяхъ.

— Старый другъ лучше новыхъ двухъ! — сказалъ онъ, когда мимо его проходилъ Баклановъ.

— Ждетъ Ѳедотъ у своихъ воротъ! — объяснилъ онъ и проходившему потомъ чиновнику.

Между всѣми дамами Баклановъ сейчасъ же замѣтилъ Софи Леневу въ чудесномъ бархатномъ платьѣ, стройную, высокую и съ какою-то короной на головѣ. Тутъ онъ невольно вспомнилъ свою супругу, всегда одѣтую просто и гораздо больше занятую дѣтьми, чѣмъ нарядами.

Софи, по ея щекотливому положенію, была въ первый еще разъ на великосвѣтскомъ балу. Начальникъ края, въ этомъ случаѣ, хотѣлъ показать совершенно равное вниманіе ко всему обществу; но дамы его круга (обыкновенно подличавшіе передъ madame Базелейнъ) нѣсколько обидѣлись этимъ приглашеніемъ и даже старались ходить подальше отъ Софи, но за то она была окружена всѣми лучшими молодыми людьми.

Бакланову ужасно хотѣлось продраться въ эту толпу: онъ рѣшился непремѣнно поговорить съ Софи и возобновить съ ней старое знакомство.

Случай ему поблагопріятствовалъ.

Софи прошла мимо его.

— Bon jour, Баклановъ! — сказала она ему сама, и сама же протянула къ нему руку, обтянутую въ бѣлую лайковую перчатку. Цѣлый потокъ электричества проникъ при этомъ въ Бакланова.

Онъ подмѣтилъ, что рука Софи немножко дрожала.

— Могу я просить васъ протанцовать со мной кадриль? — сказалъ онъ догоняя ее.

— Очень рада! — отвѣчала Софи, обертывая къ нему головку и кланяясь ему немножко величественно, какъ обыкновенно кланяются актрисы-королевы.

Баклановъ понялъ, что это была ужъ не прежняя дѣвочка кокетка, не прежняя даже, юная и пылкая, но еще робкая вдова, а интриганка, которая умѣла смотрѣть и на васъ, и на другаго, и на третьяго.

Но все это еще больше поднядо ее въ его глазахъ.

Они стали въ кадриль и, надобно сказать, представ-

ляли собой, по изяществу своихъ манеръ, лучшую пару.

Это замѣтилъ даже начальникъ края и, по обыкновенію своему, объяснилъ поговоркой, чертъ знаетъ что ужъ и значившею:

— Пара не пара, а такъ надо!

Баклановъ посадилъ Софи на стулъ и самъ сталъ около нея.

Довольно открытая въ бальномъ платьѣ и приподнятая на корсетѣ грудь Софи — страстно и порывисто дышала.

Баклановъ не могъ видѣть этого безъ трепета и рѣшительно не находился, о чемъ бы заговорить.

Софи, хоть и съ поддѣльнымъ спокойствіемъ, но молчала.

Баклановъ думалъ:

«Вотъ женщина, на которую я когда-то имѣлъ права, но которая теперь совершенно далеко отъ меня. Думаетъ ли она въ эти минуты о томъ же?»

— Я къ вамъ давно хотѣлъ, взять смѣлость, заѣхать, — началъ онъ глупо и ненаходчиво.

— Очень рада! — отвѣчала Софи, поправляя платье.

Бакланову показалось, что она при этомъ ласково взглянула на него.

— Софи, вы на меня сердитесь еще? осмѣлился онъ, наконецъ, заговорить искреннѣе.

— Нѣтъ! — отвѣчала она.

Баклановъ явственно слышалъ, что голосъ ея былъ грустенъ и полонъ значенія.

— Значитъ, я въ самомъ дѣлѣ могу къ вамъ пріѣхать? — продолжалъ онъ.

— Пожалуйста! У меня вечера по середамъ, — сказала Софи.

Самый отвѣтъ и голосъ ея при этомъ ничего уже не выражали.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Баклановъ видѣлъ одно, что Софи была ни весела, ни счастлива.

— Это же самое замѣтилъ и подошедшій къ ней инженерный офицеръ, премолоденькій и преглупый, должно быть.

— Вы съ каждымъ днемъ, какъ заря вечерняя, все становитесь грустнѣй и грустнѣй, — сказалъ онъ.

— Старѣю-съ! — отвѣчала ему Софи съ улыбкой.

— О, нѣтъ, вы прелестны еще, какъ гурія, объяснилъ прапорщикъ, пожимая плечами.

— Что за пошлости вы говорите, сказала ему безъ церемоніи Софи и встала.

Въ это время кадриль кончилась.

— Я буду у васъ, — повторилъ еще разъ Баклановъ.

— Пожалуйста! — повторила Софи и опять совершенно равнодушнымъ голосомъ.

Баклановъ ушелъ въ другія комнаты и сѣлъ играть въ карты.

Молодые люди не давали Софи вздохнуть. Ее безпрестанно приглашали на вальсъ, на польки, на кадриль, наконецъ къ ней разлетѣлся и самъ Эммануилъ Захаровичъ, въ бѣломъ жилетѣ, въ бѣломъ галстухѣ, отчего рожа его сдѣлалась еще чернѣе. Софи взмахнула на него непривѣтливо глазами: отказать ему не было никакой возможности. Онъ пригласилъ ее при всѣхъ и вслухъ.

Они встали.

По лицамъ большей части гостей пробѣжала улыбка, но музыка въ это время заиграла и пары задвигались.

— Что это вы, съ ума сошли! — сказала шепотомъ и бѣшеннымъ голосомъ Софи своему кавалеру, хотя по наружности и улыбалась.

— Сто-зе? — спросилъ ее робко почтенный еврей. За деньги, онъ полагалъ, вездѣ и все можно дѣлать.

— Я не позволю вамъ нигдѣ бывать, гдѣ я бываю,— шептала Софи.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Сто-зе я сдѣлалъ? — спрашивалъ тотъ въ недоумѣніи.

— Вы оселъ, дуракъ, потому и не понимаете, — продолжала Софи, дѣлая съ нимъ шенъ.

Эммануилъ Захаровичъ краснѣлъ въ лицѣ.

— Извольте сейчасъ же идти и просить другихъ дамъ, чтобы танцовала съ вами не я одна!

Эммануилъ Захаровичъ, кончивъ кадриль, пошелъ по всѣмъ дамамъ; но съ нимъ согласилась протанцовать одна только жена Іосифа Яковлевича, очень молоденькая дама, на которой тотъ только-что женился.

— Эммануилка-то все съ своими возится! — замѣтилъ вслухъ и на всю почти залу Никтополіоновъ.

Софи послѣ кадрили немедля уѣхала.

Она была взбѣшена, какъ только возможно, и проплакала всю ночь.

Бѣдная женщина! она тоже, хоть читать ничего не читала, но за то отъ ѣздившихъ къ ней молодыхъ людей безпрестанно слышала: «подлость!..» «гадость!..» «подкупъ!...» И съ каждымъ ихъ словомъ она все болѣе и болѣе начинала сознавать весь ужасъ своего положенія.

То, что Бакланова сбивало съ панталыку, ее наводило на путь истинный: при нахлынувшемъ со всѣхъ сторонъ болѣе свободномъ воздухѣ, въ комъ какіе были инстинкты, тѣ и начинали заявлять себя.

VII.

Сокровища пріобрѣтены.

Не болѣе, какъ черезъ недѣлю, Никтополіоновъ снова поймалъ Бакланова въ клубѣ и стыдилъ его при всѣхъ.

— Вотъ вамъ, рекомендую, господа, — говорилъ

онъ, показывая на него евреямъ, грекамъ, армянамъ и русскимъ: — вотъ господинъ, у котораго сто тысячъ въ карманѣ, и онъ ихъ держитъ за двѣ копѣйки въ банкѣ.

Греки, армяне и русскіе при этомъ усмѣхнулись, а евреи такъ даже воскликнули:

— Зацѣмъ-зе это онъ такъ дѣлаетъ съ своими деньгами?

— Но гдѣ же сто тысячъ! — возражалъ стыдливо Баклановъ и, возвратясь домой, рѣшился сдѣлать то, что ему всѣ совѣтовали. Но преждѣ, впрочемъ, ему надобно было переговорить съ женой.

— Что за вздоръ такой, пускаться въ эту игру? — возразила ему Евпраксія съ первыхъ же словъ.

Согласись она съ нимъ и не оспаривай, Баклановъ можетъ быть еще подумалъ бы, и вообще сдѣлалъ бы это дѣло нѣсколько осмотрительнѣй; но тутъ онъ разсердился на жену и потерялъ всякій здравый смыслъ.

— Вѣдь это не осторожность, а одна тюленья неповоротливость, только! — развивалъ онъ мысль Никтополіонова.

Евпраксія на это, по обыкновенію, молчала.

Бакланова это еще болѣе выводило изъ терпѣнія...

— Дайте мнѣ мои деньги. Я не намѣренъ ихъ безполезно держать, какъ полѣнья, въ своемъ шкапу, — говорилъ онъ.

Евпраксія пошла и принесла ему.

— Вашихъ вы мнѣ, конечно, не довѣрите, потому что я, вѣдь, дуракъ... ничего несмыслящій... способный только разорить семью... беру эти деньги на карточную игру, на любовницъ!

— На-те вамъ и мои деньги, если вы полагаете, что это меня останавливаетъ! — сказала Евпраксія и подала ему и свои приданыя пятьдесятъ тысячъ. — А остальныя двадцать пять тысячъ не мои, а дѣтскія; я не могу ими располагать! — сказала она.

— Стало-быть, я мужемъ еще сноснымъ могу быть, а отцомъ нѣтъ, — благодарю хоть и за то! сказалъ онъ, кладя деньги въ карманъ.

Евпраксія, наконецъ, разсердилась.

— Что это за страсть, Александръ, у васъ, перетолковывать каждый мой шагъ, каждое слово? Если что вы находите дурнымъ во мнѣ, скажите прямо.... Къ чему же всѣ эти колкости-то?

— Ну, поѣхала! только этого не доставало!.... — отвѣчалъ Баклановъ и, хлопнувъ дверьми, ушелъ изъ комнаты.

Евпраксія поспѣшила отереть слезы и сѣла на свое мѣсто.

На другой день Баклановъ, заплативъ огромную премію, накупилъ акцій — все больше общества «Таврида и Сирена».

— Вотъ извольте-съ, не промоталъ ни копѣйки! Все обращено, только въ болѣе производительную форму, — говорилъ онъ, раскладывая акціи и любуясь ихъ купонами, нарисованными на нихъ пароходами и такъ внушительно выставленными цифрами ихъ стоимости.

Евпраксія, однако, совершенно равнодушно и холодно приняла всѣ эти бумаги и положила ихъ въ комодъ.

Бакланова опять разсердило это равнодушіе.

«У этой женщины рѣшительно кровь по три раза въ сутки обращается... Кругомъ ея кипитъ и просыпаются всѣ народныя силы, а она — точно не видитъ и не чувствуетъ этого.!»

Впрочемъ, онъ ничего ей не сказалъ, а ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и, улегшись на диванъ, сталъ вычислять въ умѣ, сколько онъ будетъ получать процентовъ.

«Вашъ герой, какъ ребенокъ поступаетъ!» — замѣтятъ мнѣ, можетъ быть, нѣкоторые.

А сами вы лучше, благоразумнѣе накупили акцій, признайтесь-ка?

VIII.

Общество Софи.

Середа наступила, наконецъ. У Софи уже былъ кой-кто: благообразный старикъ-музыкантъ, обѣщавшій у нея играть на вечерѣ; французская актриса, m-me Круаль, очень милая и изящная женщина; русская дама, въ черномъ платье и четкахъ, ѣхавшая въ Іерусалимъ на богомолье и отрекомендованная Софи Евсевіемъ Осиповичемъ Ливановымъ, который въ послѣднее время съ нашей юной героиней почему-то вступилъ въ переписку; двое, трое молодыхъ людей изъ обожателей Софи и, наконецъ, молодая дѣвица, какая-то m-lle Похорская или Покровская, мечтавшая составить себѣ такую же карьеру, какъ и Ленева.

Викторъ Басардинъ, въ статскомъ платье, съ бородой, довольно красивый изъ себя, но съ изборожденнымъ отъ несовсѣмъ, должно быть, скромной жизни лицомъ, тоже былъ у сестры и, ходя по ея роскошному будуару, о чемъ-то серьезно съ ней разговаривалъ, или, лучше сказать, просилъ ее.

— Ты ему скажи это, что же это такое! Нынче не прежнее время... Онъ тамъ, чортъ знаетъ, въ палатахъ какихъ возится, а мнѣ дровъ не на что купить.

— Возьми у меня денегъ, если нуждаешься, — говорила Софи.

— Да что мнѣ твои деньги? Пусть онъ устроитъ меня посолиднѣе... Впрочемъ дай, если есть у тебя лишнія!— прибавилъ онъ.

Софи подала все, сколько было у нея въ кошелькѣ.

— Ты ему скажи: онъ у меня теперь въ рукахъ; я все опишу.

— Мнѣ и говорить съ нимъ не хочется,—возразила Софи.

— Да это не для себя, а для меня сдѣлай. Будетъ ужъ, пограбили; пускай и подѣлятся.

Софи было очень скучно слушать ворчаніе брата.

— Пожалуйста, — повторилъ онъ, надѣвая перчатки и беря шляпу.

— Куда-жъ ты уходишь! У меня музыка сегодня будетъ! — сказала она.

— О, чортъ! терпѣть не могу этого. Мнѣ бы денегъ надо, вотъ что,— говорилъ онъ, и пошелъ черезъ заднее крыльцо.

Его провожать пошла Иродіада, все время подслушивавшая разговоръ его съ сестрой.

— Барыня-то не знаетъ, какія штуки онъ и противъ ихъ-то дѣлаетъ,—говорила она, подавая Виктору пальто.

— Да, подтверждалъ тотъ.

— Этта мясника къ нимъ послали раздѣлать,— такъ ругалъ, ругалъ госпожу-то при простомъ мужикѣ.

— Скотина этакая! — сказалъ Викторъ, завязывая кашне.

— А вѣдь и про нихъ тоже знаемъ мы не мало...— продолжала Иродіада,— говорить то только не хочется...

— Ты приди какъ-нибудь на квартиру ко мнѣ, — говорилъ Викторъ, сходя съ лѣстницы.

— Слушаю-съ,—отвѣчала Иродіада.

— Какая хорошенькая она!.. О, такъ бы взялъ и поцѣловалъ, — говорилъ Викторъ, и въ самомъ дѣлѣ, взявъ ее за подбородокъ, поцѣловалъ.

Иродіада на этотъ разъ нисколько ему въ томъ не воспрепятствовала.

Послѣднее время она очень похудѣла, и лицо ея сдѣлалось совсѣмъ сердитое: коварный обожатель ея, Мозеръ, оставилъ ее и, какъ мы видѣли, женился на другой. Иродіада не любила его; но, по самолюбивому ха-

рактеру, ей было досадно: наболѣвшее сердце ея совсѣмъ окаменѣло, и она поклялась ко всему ихъ, по ея понятію, поганому роду ненавистью.

Софи, когда братъ ушелъ, вышла въ гостиную. Тамъ всѣ соблюдали величайшую тишину. Старикъ-музыкантъ игралъ на фортепіано пьесу собственнаго сочиненія.

Пріѣхалъ Баклановъ.

Софи подала ему руку и тихимъ наклоненіемъ головы указала ему на мѣсто подлѣ себя.

Баклановъ сѣлъ.

То, что онъ встрѣтилъ тутъ, его сильно поразило: самая послѣдняя мода, самая изящная роскошь глядѣли на него отовсюду.

Дама, путешествующая ко святымъ мѣстамъ, должно быть, была очень веселаго и живаго характера. Она совершенно безцеремонно стояла около старика-музыканта и съ божьимъ чувствомъ глядѣла ему въ затылокъ и чѣмъ-то тутъ любовалась: волосами-ли его вьющимися, или довольно еще мускулистою шеей, — рѣшить невозможно, равно какъ и того, чѣмъ ея религіозное сердце въ настоящую минуту было преисполнено.

Прелестная m-me Круаль, какъ истая француженка любившая показать свои ножки, такъ свободно расположила свой кринолинъ, что Баклановъ, сидѣвшій нѣсколько нагнувъ голову, видѣлъ почти весь чулокъ ея.

M-lle Похорская сидѣла, явно прислонясь къ своему кавалеру, молодому человѣку, который, тоже явно держа руку за спинкой стула, обнималъ ее.

Бакланову, привыкшему, въ продолженіе пяти лѣтъ, къ своему благочестивому семейству и выѣзжавшему только въ дома солидные, все это было очень пріятно и чрезвычайно раздражало его. Онъ съ какимъ то упоеніемъ смотрѣлъ на складки платья Софи, на ея немного выставившуюся ботинку.

— Что, ваша жена здорова? — почти разбудила его Софи своимъ вопросомъ.

— Здорова,—отвѣчалъ Баклановъ, поднявъ голову.— Почему вы меня прежде всего объ этомъ спросили?— прибавилъ онъ.

— Да потому что...—отвѣчала Софи, и далѣе не находилась, какъ объяснить.—Она, говорятъ, такая добрая; просто, говорятъ, ангелъ по характеру,—прибавила она наконецъ.

— Все это прекрасно-съ!—подхватилъ Баклановъ:— но знаете ли что: такой милой и прелестной женщинѣ, какъ вы...

Софи смотрѣла на него.

— Молодаго человѣка, каковъ я все еще пока, и который былъ въ васъ влюбленъ...

Софи не спускала съ него глазъ.

— И который, наконецъ, вы очень хорошо знаете, и теперь отъ васъ безъ памяти.

— Нѣтъ, я этого не знаю,—возразила Софи спокойно.

— Нѣтъ, вы это знаете!—подтвердилъ Баклановъ:— говорить ему и спрашивать его о женѣ, значитъ, обидѣть его и навѣрное ужь огорчить.

— Зафантазировались, мой милый кузенъ, зафантазировались! — сказала Софи, вставая и отходя отъ него.

Въ это время пріѣхало еще новое лицо, графъ З***, женатый человѣкъ, съ которымъ Баклановъ встрѣчался иногда въ обществѣ, но теперь онъ явился съ своею содержанкою Маріей-Терезой-Каролиной Лопандулло. Дѣвушка эта начала свою карьеру тѣмъ, что играла по трактирамъ на арфѣ, а теперь ѣздила въ каретѣ и ходила постоянно въ шелковыхъ платьяхъ, у которыхъ только лифъ на груди, по ея собственному вкусу, былъ очень ужь низко вырѣзанъ.

— Ручку вашу! — сказалъ довольно безцеремонно графъ, обращаясь къ Софи.

Она хлопнула свою ручку въ его огромную ладонь. Графъ поцѣловалъ ее нѣсколько разъ.

— А я преревную! — сказала дѣвица Марія-Каролина-Терезія ломанымъ русскимъ языкомъ.

— Можете! — отвѣчала Софи кокетливо.

Бакановъ, чтобы не представить изъ себя глуповлюбленнаго, подошелъ къ madame Круаль и сталъ съ ней любезничать. Дѣло шло о большомъ кольцѣ на рукѣ ея: Бакановъ просилъ открыть это кольцо, а француженка говорила, что нельзя.

— Ваше кольцо, значитъ, никогда еще не открывалось? — спрашивалъ Бакановъ.

— Нѣтъ, разъ было открыто.

— Только всего разъ? — спросилъ Бакановъ печальнымъ голосомъ.

— Разъ всего! — отвѣчала ему француженка тоже печально.

Къ нимъ подошла Софи.

— Этотъ господинъ страстно влюбленъ въ жену свою и запирается еще въ томъ! — сказала она, показывая француженкѣ на Бакланова.

— О, такъ вы вотъ какой! Такъ подите же прочь отъ меня! — весело подхватила та.

— Послушайте, Софья Петровна: — воскликнулъ Бакановъ: — вы мало что женой преграждаете мнѣ совершенно къ себѣ дорогу, но вредите мнѣ этимъ и у другихъ дамъ.

— Зачѣмъ женились! — сказала Софи, пожимая плечами.

— Я женатыхъ терпѣть не могу, фи! — подтвердила француженка.

— Это ужасно! — говорилъ Бакановъ.

По наружности онъ шутилъ только; но въ душѣ ему, въ самомъ дѣлѣ, было досадно.

— Monsieur Готфридъ! сыграйте намъ что-нибудь

веселенькое! — сказала Софи, прохаживаясь небрежной походкой по залѣ.

— Fort bien, madame! — сказалъ нѣмецъ и сѣлъ.

Дама, путешествующая на Востокъ, опять помѣстилась около него.

«Ну, старику отъ этой госпожи не спастись!» подумалъ Баклановъ.

Готфридъ началъ одушевленнѣйшій вальсъ.

Софи сама подала руку графу и пошла съ нимъ вальсировать.

Молодой человѣкъ взялъ m-lle Похорскую или Покровскую.

Баклановъ замѣтилъ, что кавалеры очень безцеремонно повертывали дамъ и нарочно, кажется, старались, чтобы платья у нихъ выше поднимались. Дамы тоже какъ-то очень близко держались къ кавалерамъ, кромѣ, впрочемъ Софи, которая своимъ приличнымъ и нѣсколько даже аристократическимъ тономъ отличалась отъ всѣхъ.

Баклановъ пригласилъ ее на вальсъ.

Онъ чувствовалъ, что Софи, невольно и врядъ-ли сама догадываясь, пожимала его руку.

— Могу-ли я къ вамъ пріѣзжать? — спросилъ онъ ее пламеннымъ голосомъ.

Софи, вертясь съ нимъ въ вальсѣ, молча смотрѣла на него своими прекрасными глазами.

— Могу-ли? — повторилъ Баклановъ, когда они кончили туръ.

— Пожалуйста! отвѣчала Софи, и голосъ ея опять ничего не выражалъ.

Часовъ въ двѣнадцать Баклановъ, видя, что другіе молодые люди прощаются и уѣзжаютъ, тоже взялъ шляпу и подошелъ къ Софи. Она въ это время о чемъ-то дружески шепталась съ дѣвицей Маріей-Терезіей-Каролиной.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Adieu! проговорила она, довольно небрежно подавая ему руку.

Баклановъ вышелъ.

Онъ былъ очень взволнованъ.

IX.

Онъ пошутилъ!

Мужчина съ табакомъ и виномъ дѣлается похожъ на чорта!—говоритъ нѣмецкая поговорка.

Баклановъ, возвратясь домой, спросилъ себѣ бутылку вина, закурилъ сигару, человѣка отпустилъ спать, а самъ началъ пить и курить.

Болѣе ясно проходившія въ головѣ мысли были слѣдующія:

«Славная вещь — эти немножко шаловливыя женщины.»

Сильная затяжка сигарой и рюмка портвейну.

«Какъ бы отлично теперь, вмѣсто того, чтобъ ѣхать домой, заѣхать къ какой-нибудь госпожѣ и учинить съ нею оргію.»

Еще рюмка и затяжка сигарой.

«Что я Казиміру пропускаю... Она, должно быть, страстная женщина!»

Новая рюмка и новая затяжка.

«Сходить развѣ къ ней?»

У Бакланова при этомъ въ головѣ даже помутилось.

«Чортъ, пожалуй, разсердится!» продолжалъ онъ... Однако всталъ. Шаги его были уже неровны.

«Скажу, что заболѣлъ, люди всѣ спятъ, и пришелъ къ ней.»

И, недолго думая, онъ запахнулъ халатъ, прошелъ на цыпочкахъ залу, корридоръ и отворилъ дверь въ

комнату, гдѣ спала Казиміра. Та сейчасъ же услыхала.

— Кто это? спросила она немножко испуганнымъ голосомъ.

— Это я, Казиміра, не тревожьтесь! говорилъ Баклановъ, подходя къ ней и дотрогиваясь до нея рукою.

— Ахъ, Александръ Николаичъ, не случилось ли чего-нибудь? воскликнула Казиміра привставая.

— Нѣтъ, ничего: я такъ пришелъ, побыть съ вами, отвѣчалъ онъ; голосъ его былъ не твердъ.

— Что-й-то, какъ же возможно въ такое время! Придутъ, пожалуй, кто-нибудь.

— Никто не придетъ, никто! говорилъ Баклановъ, беря и цѣлуя ея руку.

— Да какъ никто? Тутъ вотъ дѣти, Валеринька спитъ! говорила Казиміра.

— Ну, пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ.

— Зачѣмъ я пойду къ вамъ? что мнѣ тамъ дѣлать!

— Мы будемъ сидѣть, разговаривать.

— Нѣтъ, Александръ, ступайте, ступайте! говорила Казиміра, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Если вы не пойдете, я на васъ ужасно разсержусь.

— Какъ это возможно! Душечка, Александръ, это невозможно.

— Отчего же невозможно?

— Оттого что у васъ жена есть! Что вы!

— Убирайтесь вы съ женой! Не люблю я ее. Пойдемте, ангелъ мой!

— Александръ! Умоляю, оставьте меня! оставь! говорила Казиміра.

— Не оставлю, говорилъ онъ, обнимая ее и насильно подводя къ двери.

— Александръ!—вздумала было еще разъ воспротивиться Казиміра.

— Если ты для меня этого не сдѣлаешь, я возне-

навижу тебя! проговорилъ Баклановъ; голосъ его при этомъ звучалъ почти бѣшенствомъ.

— Ахъ, Господи! воскликнула бѣдная женщина, вся пылая въ его объятіяхъ.—Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, надѣть на себя что-нибудь.

— Ну, надѣньте.

Она торопливо накинула на себя капотъ и надѣла туфли.

Баклановъ обнялъ ее и увелъ.

X.

Бѣдная жертва.

Въ семействѣ Баклановыхъ все шло какъ бы попрежнему; но въ самомъ дѣлѣ это было не такъ: безумная Казиміра начала чувствовать страхъ непреодолимый къ Евпраксіи и почти что избѣгала ее видѣть, стремясь всей душой быть съ Александромъ, единственнымъ ея спасителемъ и покровителемъ; а онъ, напротивъ, удовлетворивъ минутному увлеченію, почувствовалъ къ Казимірѣ болѣе чѣмъ равнодушіе, почти что отвращеніе; сначала онъ превозмогалъ себя, а потомъ и скрывать этого не могъ, и не только самымъ тщательнымъ образомъ старался не оставаться съ Казимірой съ глазу на глазъ, но даже уходилъ изъ комнаты, въ которую она входила. — Казиміра наконецъ замѣтила это и поняла: что бы тамъ ни чувствовало сердце, но въ ней заговорила гордость, она сама не стала обращать вниманія на Бакланова, а между тѣмъ, когда ее начинали невыносимо душить слезы, она пила холодную воду, глотала ледъ, ходила почти босыми ногами по замерзшей землѣ. Все сіе, наконецъ, воспріяло свои дѣйствія!

Въ одно утро, Евпраксія ранѣе обыкновеннаго подошла къ спальнѣ мужа и отворила дверь.

— Что ты спишь? вставай!—сказала она.

Баклановъ взмахнулъ глазами.

— Казиміра больна,—продолжала Евпраксія.

— Больна, чѣмъ? — спросилъ сначала очень равнодушно Александръ.

— Не знаю, вся въ жару, бредитъ, почти ужь безъ памяти.

— Что же такое она бредитъ?—спросилъ Баклановъ, приподнимаясь ужь съ постели.

— Да такъ, разную безсмыслицу говоритъ, — я ужь за докторомъ послала.

— Да, да, за докторомъ, говорилъ Баклановъ, и вслѣдъ за женой несмѣло вошелъ въ комнату Казиміры.

Она лежала на постели и, при входѣ Баклановыхъ, взмахнула было глазами, потомъ что-то въ родѣ грустной улыбки на мгновеніе явилось на ея лицѣ, затѣмъ она снова закрыла глаза и обернулась къ стѣнѣ.

— Доктора бы скорѣй, доктора, повторялъ Баклановъ.

Ему наконецъ стало жаль своей бѣдной жертвы.

— Что если она умретъ! Я самъ не перенесу этого! Она мнѣ день и ночь станетъ представляться! мелькнуло въ его головѣ, когда онъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ. Докторъ пріѣхалъ.

Евпраксія, съ встревоженнымъ лицомъ, ходила за нимъ.

— Горячка у ней, и очень сильная. Она, должно-быть, или простудилась, или съ ней было какое-нибудь нравственное потрясеніе,—говорилъ тотъ.

— Ничего не было, рѣшительно, — увѣряла его Евпраксія.

— Есть за жизнь опасность, говорилъ докторъ.

Евпраксія еще больше поблѣднѣла.

Баклановъ продолжалъ сидѣть въ кабинетѣ.

На другой день Казимірѣ стало еще хуже.

Евпраксія отъ нея не отходила. Старшій мальчикъ,

никакъ не хотѣвшій ни съ кѣмъ быть кромѣ своей милой нянюшки, все просился къ ней въ комнату.

Мать взяла его къ себѣ на руки и сидѣла съ нимъ около больной.

Баклановъ совершенно притихъ въ своемъ кабинетѣ: горесть его, въ эти минуты, была непритворная!

Въ продолженіе недѣли, Евпраксія не пила, не ѣла, и все сидѣла около Казиміры, брала ее за руку, успокоивала ее, когда та, остававшаяся по большей части въ безпамятствѣ, начинала метаться.

На седьмой день докторъ сказалъ, чтобы больную исповѣдали и причастили.

Послали за католическимъ священникомъ.

У Бакланова посинѣли ногти, когда онъ услыхалъ звонъ колокольчиковъ, которыми звенѣли мальчики, входя въ комнату умирающей.

Уходя и прощаясь ксендзъ лукаво и сурово посмотрѣлъ на Бакланова.

Въ ночь Евпраксія вошла въ кабинетъ своего мужа съ встревоженнымъ лицомъ.

— Она, кажется, кончается, сказала она всхлипывающимъ голосомъ.

— А! — зарыдалъ Баклановъ на весь домъ.

— Что-й-то, помилуй, — стала его успокоивать Евпраксія.

— О, она чудная женщина! кричалъ Баклановъ. — Мы неправы противъ нея, — о-о-о!

— Перестань, другъ мой, говорила Евпраксія, садясь возлѣ него. — Чѣмъ же мы противъ нея неправы? Мы ее любили, а теперь будемъ молиться за нее.

— Нѣтъ, она не проститъ насъ, нѣтъ!—рыдалъ Баклановъ.

— Она и не сердится на насъ; напротивъ... пойдемъ къ ней!

И Евпраксія почти насильно ввела мужа въ комнату больной.

Въ головахъ у той стоялъ ужь образъ съ зажженною свѣчей.

Евпраксія, въ бѣломъ платьѣ, страдающая, но спокойная, подошла къ Казимірѣ, положила ей на грудь руку, потомъ показала что то глазами горничной.

Та подала ей домашній требникъ.

Евпраксія сама начала читать отходную.

Баклановъ осмѣлился выглянуть изъ-за нея на умирающую. Та въ эту самую минуту вдругъ начала дрожать, дрожать всѣмъ тѣломъ.

Горничная стала было ее одѣвать.

— Не нужно ужь!—сказала Евпраксія.

Черезъ минуту Казиміры не стало.

Баклановъ въ ужасѣ убѣжалъ опять въ свой кабинетъ и бросился внизъ лицомъ на диванъ.

Онъ только всего одинъ разъ, и то проходя случайно по залѣ, увидѣлъ Казиміру, съ обвалившимся лицомъ и съ закрытыми глазами, лежавшую на столѣ въ бѣломъ платьѣ и съ цвѣтами на головѣ. Ему показалось, что она опять насмѣшливо улыбается, какъ-бы желая тѣмъ сказать: «Что рады? довели до гроба!»

Все это неизгладимо врѣзалось въ его воображеніи.

Ночи, пока покойница была въ домѣ, онъ спалъ не только въ женіной комнатѣ, но даже на одной кровати съ нею, и даже лежалъ постоянно къ стѣнѣ, точно прячась за нее.

Черезъ нѣсколько дней онъ и самъ наконецъ заболѣлъ.

Евпраксія просто не помнила себя, однако такъ-же неутомимо, какъ за Казимірой, ходила и за больнымъ мужемъ.

XI.

Собраніе обличительныхъ свѣдѣній.

Викторъ Басардинъ, въ своей небольшой квартиркѣ, сидѣлъ на диванѣ и разговаривалъ съ Иродіадой, которая тоже сидѣла около него и даже склонивъ къ нему голову на плечо.

Дѣвушка эта, придя къ нему послѣ описаннаго нами свиданія, безъ всякой борьбы сдѣлалась его любовницей, и теперь каждый вечеръ бѣгала къ нему.

Не столько связанныя любовью, сколько чѣмъ-то болѣе серьезнымъ, они все толковали между собою.

— Она при мнѣ-съ говорила ему!... «Что, говоритъ, что еще мнѣ ему дѣлать!...» — объясняла Иродіада.

— Ну ладно, хорошо!... хорошо!... — произносилъ Викторъ, кусая себѣ ногти.

— Вы, баринъ, какъ-бы Михайлѣ паспортъ, али-бы вольную, что-ли, дали, онъ все-бы вамъ поразсказалъ.

— Я готовъ!

— Двѣ тысячи цѣлковыхъ они тогда этому человѣку и передали черезъ него.

— Какими, канальи, кушами помахивали!

— Да-съ! А что бухгалтеръ-то, въ острогѣ сидючи, прямо говорилъ: «я, говоритъ, все опишу...» какъ тоже вотъ теперь въ кабакахъ, убьютъ человѣка, ограбятъ его, — половину цѣловальникъ оставитъ у себя, а половину въ откупъ пришлетъ-съ; или теперь вещи какія кто украдетъ — все туда-съ деньгами чистыми и выдаютъ.

— Чистыми деньгами? — спросилъ Викторъ, не мог-

шій, кат ется, слышать слова «деньги» безъ нервнаго раздраж нія.

— Извѣстно ужь,—отвѣчала Иродіада,—вещь теперь сто́итъ денегъ, а за нее даютъ копѣйки какія-нибудь. Самъ управляющій, чу! иногда и сортировалъ. Это, говоритъ, на пароходѣ отправить за границу, а это, что подешевле, въ степь отправить продавать.

— Ты, вѣдь, жила съ нимъ?—спросилъ Викторъ.

Иродіада усмѣхнулась, а потомъ прибавила со вздохомъ:

— Не мало тоже, грѣшница, потерпѣла изъ-за этого.

— Отчего-же?

— Противенъ онъ мнѣ очень былъ... не русскій человѣкъ, извѣстно... — И Иродіада при этомъ обняла и даже поцѣловала Виктора.

— Тогда, какъ нашъ Александръ Николаичъ принялся было за это дѣло, что у нихъ переполоху было.

— Переполоху?

— Да-съ!... Михайла-то они допрежде еще того въ степь отправили, а тутъ Мозеръ самъ ужь ѣздилъ туда и упросили, чтобъ онъ на Кавказъ ѣхалъ... Тотъ мнѣ писалъ оттуда.

— Писалъ?—повторилъ Викторъ.

— Да!... «что ежели теперича, говоритъ, они мнѣ тысячи цѣлковыхъ не пришлютъ, я все дѣло начальству разскажу». Я говорила тогда Мозеру объ этомъ.

— А письмо это цѣло у тебя?

— Цѣло-съ!

— Ты мнѣ покажи его.

— Слушаю-съ. Чтобы, баринъ, мнѣ только самой какъ тутъ не попасться

— Вотъ вздоръ! пусти-ка, однако!... — проговорилъ Викторъ, освобождаясь изъ объятій Иродіады и подходя къ письменному столу.

Тутъ онъ засвѣтилъ свѣчу, развернулъ свои бумаги и началъ писать.

Оставшись одна на диванѣ, Иродіада начала зѣвать.

— Да подите сюда, что вы тутъ дѣлаете?—говорила она нѣсколько разъ Виктору.

— Отвяжись! — отвѣчалъ онъ ей на это сердито, и продолжалъ заниматься. Занимался онъ часовъ до двухъ утра. Онъ теръ себѣ при этомъ лобъ, грызъ перо, ногти и вообще, какъ видно, углубленъ былъ въ серьезное дѣло.

XII.

Провинціальная гласность.

На нашъ городъ нежданно и негаданно упало невиданное до сего явленіе.

Въ одной изъ издаваемыхъ, для умственнаго-бы, кажется, развлеченія, газетокъ была напечатана статья:

«Въ Китаѣ, въ городѣ Дзянь-дзинь-дзю, жилъ большой господинъ Захаръ Эммануиловичъ Лянъ-линъ-лю. Владѣлъ онъ милліонами бочекъ настоящей рисовой водки и милліонами рублей чистаго золота. Украли у этого господина книгу, а книга была знатная: записывались въ ней все имена великія, высокопревосходительныя, кому сколько отъ большаго барина, Захара Эммануиловича, большимъ барамъ превосходительнымъ было дано.

«Какъ эту книгу достать?

«Достали они злаго человѣка, дали они ему денегъ тьму-тьмущую и булатный ножъ, и убилъ тотъ человѣкъ того волшебника, который книгу ту хранилъ, средь бѣлаго дня, и засыпалъ большой баринъ, Захаръ Эммануиловичъ, его могилушку деньгами крупными, непро-

глядными, все бумажками сторублевыми, и никто-то сквозь ихъ стѣну плотную не видалъ и не слыхалъ, только видѣла все это красна дѣвица, разсказала она ясну соколу, а у сокола глазокъ зоркій, голосокъ звонкій, пропѣлъ онъ эту сказку на весь Божій міръ, и не знаетъ, понравилась-ли она жителямъ города Дзянь-дзинь-дзю, а если не понравилась, такъ онъ и другую пропоетъ.»

О статейкѣ этой благообразный правитель канцеляріи почему-то счелъ за нужное доложить начальнику края.

— Ну-съ, читайте!—произнесъ тотъ на первыхъ порахъ довольно равнодушно.

Правитель канцеляріи началъ, но на половинѣ голосъ ему измѣнилъ.

— Тутъ такія выраженія!...—проговорилъ онъ.

— Дайте мнѣ!—сказалъ генералъ и, со свойственною его званію храбростью, дочиталъ, но однако сильно поблѣднѣлъ.

— Что-же это такое? Что такое?—спрашивалъ онъ, все возвышая и возвышая голосъ.—Что-же это такое?—крикнулъ наконецъ онъ и заскрежеталъ зубами.—Я Государю Императору моему буду жаловаться! Полиціймейстера мнѣ!

Правитель канцеляріи, съ наклоненною головой, поспѣшилъ быстро выйдти.

Начальникъ края остался въ положеніи человѣка, котораго сейчасъ только треснули по головѣ.

Въ кабинетъ къ нему тихо вошла было его супруга, прелестнѣйшая великосвѣтская дама, и начала свое обычное привѣтствіе: «Здравствуй, папаша!»

Но начальникъ края вдругъ свирѣпо взглянулъ на нее.

— Подите, подите! — закричалъ онъ и замахалъ неистово руками.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Начальница края остановилась въ дверяхъ на нѣсколько минутъ.

— Подите вонъ, не надо васъ, не надо! — кричалъ между тѣмъ супругъ.

Начальница края въ самомъ дѣлѣ сочла за лучшее уйдти отъ сумасшедшаго.

Явился полиціймейстеръ, тоже слышавшій уже объ несчастіи и тоже блѣдный.

— Это вы видѣли?.. Видѣли? — говорилъ начальникъ края, тыча почти въ носъ ему бумагою. — Кто-же эти превосходительные?.. Я, что-ли, я?

— Служить ужь, ваше превосходительство, становится невозможно! — произнесъ полиціймейстеръ.

— Нѣтъ-съ, возможно! закричалъ генералъ: — возможно, кабы вы не такой были вислоухъ! Кто это писалъ? Вы начальникъ полиціи, вы должны знать все.

— Кому писать, ваше превосходительство? Кромѣ Никтополіонова, некому-съ... Это вчера, вѣдь, еще пришло-съ... Онъ при всемъ клубѣ читалъ и хохоталъ, и потомъ ѣздилъ по всѣмъ домамъ.

— А! — произнесъ протянувъ начальникъ края: — я его посажу въ острогъ! — прибавилъ онъ, какъ-бы больше совѣтуясь съ полиціймейстеромъ.

— Да что-же, помилуйте, — отвѣчалъ тотъ, — теперь онъ служитъ въ обществѣ, развѣ можно такихъ людей держать? Плутуетъ, мошенничаетъ и съ дровами, и въ пріемѣ багажа... На рынкѣ даже всѣ, вонъ, торговцы смѣются.

— Нѣтъ, онъ у меня не будетъ тутъ служить, не будетъ! — кричалъ начальникъ края: — попросите ко мнѣ кого-нибудь изъ моихъ товарищей-директоровъ.

Полиціймейстеръ поѣхалъ за директоромъ.

Начальникъ края сталъ ходить по своему кабинету.

— Такъ вотъ какіе у меня гуси завелись, вотъ ка-

кіе! — говорилъ онъ, зачѣмъ-то раскланиваясь передъ каждымъ своимъ окномъ.

Пріѣхалъ директоръ, пожилой и чрезвычайно, должно быть, скромный и молчаливый мужчина.

— Господа! Между нами есть подлецъ!—началъ ему прямо начальникъ края.

Директоръ какъ-бы сообразилъ и ничего не нашелъ возразить противъ этого.

— Вотъ-съ!—продолжалъ начальникъ края, и подалъ ему листокъ газеты.

Директоръ прочелъ, и ему, кажется, понравилось прочитанное; но онъ нашелъ, однако, нужнымъ покачать съ грустною усмѣшкою головой.

— Это писалъ-съ Никтополіоновъ, нашъ подчиненный,—объяснилъ начальникъ края.

Директоръ все продолжалъ молчать: онъ не любилъ говорить пустыхъ словъ.

— Кто его опредѣлилъ къ намъ?—спросилъ начальникъ края.

— Вы сами, ваше превосходительство, — проговорилъ наконецъ директоръ.

— Но я человѣкъ!.. Я могу ошибиться!.. Отчего же было не предостеречь меня! — кричалъ начальникъ. — Стыдитесь, господа, стыдитесь! — продолжалъ онъ уже съ чувствомъ: — что между нами есть такіе мерзавцы... Чтобы не было его на службѣ, не было...

— Хорошо-съ, можно будетъ удалить, — произнесъ директоръ довольно покойно.

— Да не «хорошо», а сейчасъ надо это сдѣлать!... сію секунду!.. — кричалъ начальникъ.

— И сію секунду можно-съ,—сказалъ директоръ, и, пріѣхавъ въ правленіе, въ самомъ дѣлѣ сейчасъ же написалъ журналъ объ удаленіи Никтополіонова.

Безумцы! Они и въ головѣ не имѣли, какого новаго и серьезнаго врага наживали себѣ.

XIII.

Сѣтованіе Израильтянъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, въ клубѣ, Эммануилъ Захаровичъ и Іосифъ Яковлевичъ преспокойно сидѣли и играли въ карты; своимъ равнодушнымъ видомъ они старались показать, что надѣлавшая въ городѣ столько шума статейка нисколько до нихъ не относится, но не такъ на это дѣло смотрѣлъ Никтополіоновъ.

Узнавъ о своемъ удаленіи, онъ, какъ разъяренный тигръ пріѣхалъ въ клубъ.

— Эй, вы, язи-вази, что это такое? подлетѣлъ онъ прямо къ Эммануилу Захаровичу.

Тотъ протянулъ на него длинный и нѣсколько робкій взглядъ.

— Тамъ на васъ, чортъ знаетъ, кто что пишетъ, а вы на меня, — продолжалъ Никтополіоновъ.

— Сто мы на васъ? — сказалъ Эммануилъ Захаровичъ, въ самомъ дѣлѣ ничего не знавшій.

— Да кто же? Меня вонъ изъ службы вытурили,— отвѣчалъ съ пѣной у рта Никтополіоновъ. — Они тамъ убійства дѣлаютъ, людей рѣжутъ, — продолжалъ онъ безъ всякой церемоніи, обращаясь ко всей компаніи, собравшейся въ довольно значительномъ количествѣ около нихъ, — а я стану писать на нихъ.

Сто зе это такое вы говорите? — произнесъ блѣднѣя Эммануилъ Захаровичъ.

— Писать!.. — повторялъ ничего уже не слышавшій Никтополіоновъ. — Да ежели бы что вы мнѣ сдѣлали, такъ я прямо палкой отдую.

— Вы не мозете меня дуть! — вспѣтушился, наконецъ, Эммануилъ Захаровичъ,

— Нѣтъ, могу! — возразилъ ему Никтополіоновъ: — я еще прапорщикомъ вашему брату рожи лаписомъ смазывалъ... Стану я тутъ на нихъ писать!

— Про меня ницего зе не написано, — сказалъ Эммануилъ Захаровичъ.

— Нѣтъ, написано, врешь! Только не я писалъ... Я писать не стану, а доказывать теперъ буду.

— И доказывайте! позалуста, позалуста! — отвѣчалъ ему гордо и злобно Эммануилъ Захаровичъ.

— И докажу, погань вы проклятая! — заключилъ вслухъ Никтополіоновъ и уѣхалъ куда-то въ другое мѣсто браниться, врядъ-ли не къ самому начальнику края.

Эммануилъ Захаровичъ, весь красный, но старающійся владѣть собою, сталъ продолжать играть. Іосифъ Яковлевичъ тоже игралъ, хоть и былъ блѣденъ.

Кончивъ пульку, они, какъ бы по командѣ, подошли другъ къ другу.

— Ну, поѣдемте зе! — сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Ja! — отвѣчалъ другой.

Въ каретѣ они нѣсколько времени молчали.

— Вы слышали, сто онъ сказалъ! — началъ Эммануилъ Захаровичъ.

— О зе ницего то, ницего! — отвѣчалъ Іосифъ.

— Кто зе писалъ-то? — спросилъ Эммануилъ Захаровичъ.

— О, это зе узнать надо! — отвѣчалъ Іосифъ. — Я зе знаю про одного целовѣка... Онъ зе говорилъ мнѣ про Михаила.

— Гм! отозвался Эммануилъ Захаровичъ.

— Теперь зе я знать буду, къ какому целовѣку тотъ ходитъ. Тому целовѣку онъ, знацитъ, говорилъ, и тотъ писалъ!

— Гм! промычалъ Эммануилъ Захаровичъ.

Далѣе они ничего не говорили и только, когда подъѣхали къ крыльцу, Эммануилъ Захаровичъ произнесъ:

Зить нынче нельзя, зить!

— Нельзя, нельзя! — подтвердилъ съ чувствомъ и Іосифъ.

XIV.

Новая радость изъ Петербурга.

Баклановъ, заболѣвшій послѣ смерти Казиміры горячкой, началъ, наконецъ, поправляться.

Послѣднее время къ нему безпрестанно стали ѣздить мѣстные помѣщики. Они запирались въ кабинетѣ, толковали что-то такое между собой.

Къ Евпраксіи тоже около этого времени пріѣхалъ братъ ея, Валеріанъ Сабакѣевъ, широколицый молодой человѣкъ, съ голубыми глазами и похожій на сестру. Онъ передъ тѣмъ только кончилъ курсъ въ университетѣ.

Однажды ихъ обоихъ позвали къ Бакланову въ кабинетъ. Тамъ сидѣлъ гость, помѣщикъ, солидной и печальной наружности мужчина, но, должно-быть, очень не глупый.

Евпраксія и молодой Сабакѣевъ вошли и сѣли.

Баклановъ былъ очень худъ и въ замѣтно раздраженномъ состояніи.

— Ты знаешь, — началъ онъ, обращаясь къ женѣ, — — присланъ манифестъ о составленіи по губерніямъ комитетовъ объ улучшеніи быта крестьянъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала Евпраксія и совершенно спокойно.

— Я думаю, не объ улучшеніи, а просто объ освобожденіи! — вмѣшался въ разговоръ Сабакѣевъ.

— Да-съ, прекрасно! — подхватилъ Баклановъ.—Но что же намъ-то дадутъ?.. Заплатятъ-ли по крайней мѣрѣ? — обратился онъ болѣе къ помѣщику.

— Вѣроятно что-нибудъ въ этомъ родѣ будетъ, — отвѣчалъ тотъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Лицо Бакланова горѣло.

— Но какъ же «вѣроятно»! Это главное.. Нельзя же разорять цѣлое сословіе.

— Нельзя разорять только рабочую, производительную силу, вмѣшался въ разговоръ Сабакѣевъ: — а что такое «сословіе» — это даже понять трудно.

— Тутъ пострадаетъ-съ не одно сословіе, возразилъ ему помѣщикъ, а все государственное хозяйство, потому что парализируются большіе землевладѣльцы.

— Чѣмъ же?

— Да тѣмъ, что мы должны будемъ запустить наши поля.

Кто-жъ васъ заставляетъ? Наемный трудъ всегда выгоднѣй!—сказалъ съ насмѣшкой Сабакѣевъ.

— Нѣтъ, не выгоднѣе! — перебилъ его съ азартомъ Баклановъ: — у меня вотъ, напримѣръ, въ имѣніи вы за сто рублей въ мѣсяцъ не наймете: его и теперь, каналью, только силой держатъ около земли, а тутъ всѣ уйдутъ въ Питеръ, эти вотъ замочки какіе-нибудь дѣлать, стѣны обойками обклеивать, въ сущности пьянствовать.

— Не у однихъ у васъ, а вездѣ, подхватилъ помѣщикъ: —мужикъ, какъ узнаетъ, что онъ нуженъ, такъ цѣны себѣ не уставитъ.

— И прекрасно сдѣлаетъ! — произнесъ негромко Сабакѣевъ: — по крайней мѣрѣ хоть поздно, но заплатятъ ему за старый гнетъ.

— Да вѣдь-съ это и на немъ самомъ отразится! — сказалъ помѣщикъ. — Мы не въ состояніи будемъ обрабатывать столько, сколько прежде обработывали, а мужики у себя тоже не прибавятъ; значитъ, прямо будетъ убытокъ въ трудѣ.

— А и чортъ съ нимъ, произнесъ Собакѣевъ.

Помѣщикъ усмѣхнулся.

— Какъ чортъ съ нимъ! хлѣбомъ у насъ держится

и заграничная торговля, хлѣбъ нуженъ и войску, и на винокуренные заводы, и въ города, — все это должно значить, потрястись.

— Сначала, можетъ-быть, поколеблется, но потомъ образуются большія общинныя хозяйства.

Баклановъ, все время едва сдерживавшій себя отъ досады, наконецъ не вытерпѣлъ.

— То-то-то! — воскликнулъ онъ: — на общину надѣется! О, молодость неопытная и невинная.

— Община вздоръ-съ! — произнесъ и помѣщикъ.

— Какъ вздоръ? — сказалъ, въ свою очередь Сабакѣевъ, не мало тоже удивленный.

— А такъ... Евпраксія Алексѣевна! — продолжалъ Баклановъ, обращаясь къ женѣ: — намъ вашъ братъ, можетъ-быть, не повѣритъ; скажите ему, что нашъ мужикъ ничего такъ не боится, ни медвѣдя, ни чорта, какъ міра и общины.

— Да, они всѣ почти желаютъ имѣть хоть маленькую, но свою собственность, — подтвердила та.

— Очень дурно, — отвѣчалъ Сабакѣевъ, — если нашъ народъ разлюбилъ и забылъ эту форму.

— Да вѣдь это-съ форма дикихъ племенъ, поймите вы это! — кричалъ Баклановъ: — но какъ землю начали обработывать, какъ положенъ въ нее сталъ трудъ, такъ она должна сдѣлаться собственностью.

— Мы имѣемъ прекрасную форму общины, артель, — настаивалъ на своемъ Сабакѣевъ.

— Гмъ, артель! — произнесъ съ улыбкою помѣщикъ: — да вы изволите ли знать-съ, изъ кого у насъ артели состоятъ?

— Для меня это все равно! — сказалъ Сабакѣевъ.

— Нѣтъ, не все равно-съ! Артели обыкновенно составляютъ отставные солдаты, безсемейные мужики, на дѣло, на которое кромѣ физической силы ничего не требуется: на перетаскиванье тяжестей, бѣгать коммис-

сіонеромъ, а хлѣбопашество требуетъ ума. Я, напримѣръ, полосу свою трудомъ и догадкой улучшилъ, а пришелъ передѣлъ, она отъ меня и отошла, — пріятно-ли это?

— Можетъ-быть, и непріятно, но спасаетъ отъ другаго зла, отъ пролетаріата.

— Да вѣдь пролетаріатъ является въ государствахъ, гдѣ народонаселеніе переросло землю; а у насъ, слава Богу, родись только люди и работай!

— Мы, наконецъ, имѣемъ и другія артели, плотниковъ, каменьщиковъ, — присоединилъ, какъ-бы вспомнивъ Сабакѣевъ.

— Что за чортъ! — воскликнулъ, пожимая плечами, Баклановъ: — да это развѣ общинное что-нибудь?... Они всѣ наняты отъ подрядчика.

— У котораго они, кромѣ того, всегда еще въ кабалѣ хуже, чѣмъ въ крѣпостномъ правѣ, — присовокупилъ помѣщикъ.

— Общину нашъ народъ имѣлъ, имѣетъ и будетъ имѣть, — сказалъ увѣреннымъ тономъ Сабакѣевъ.

— Ваше дѣло! — произнесъ помѣщикъ.

— Вѣдь, вотъ что бѣситъ, — говорилъ Баклановъ, выходя изъ себя (отъ болѣзни онъ сталъ очень нетерпѣливъ): — Россія рѣшительно перестраивается и управляется или вотъ этакими господами мальчиками, или петербургскими чиновниками, которые, пожалуй, не знаютъ, на чемъ и хлѣбъ-то родится...

Помѣщикъ при этомъ потупился, а Сабакѣевъ покраснѣлъ.

XV.

Бѣдное существо.

У Софи происходила сцена: къ ней вдругъ пріѣхалъ Эммануилъ Захарычъ, въ одно и то же время красный и зеленый.

— Я зе дѣлалъ для вазъ все, а на меня зе писутъ! — закричалъ онъ на Софи.

— Что вы? — возразила ему та.

— Писутъ, цто я целовѣка убилъ.

— Кто на васъ пишетъ? — спросила Софи.

— Васъ зе братъ пишетъ... Я въ острогъ его сазатъ буду.

Въ припадкѣ гнѣва, Эммануилъ Захарычъ, и не замѣтилъ, что Басардинъ былъ у сестры и сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ. При послѣднихъ словахъ его, Викторъ вышелъ.

— Поди, онъ кричитъ на меня за тебя, — сказала ему Софи.

— Какъ вы смѣете кричать на сестру мою? — придрался Викторъ къ первому же слову.

— Я не крицу. Вы зацѣмъ писете на меня?—отвѣчалъ Эммануилъ Захарычъ, попячиваясь.

— Я васъ спрашиваю, какъ вы смѣете кричать на сестру мою? — говорилъ Викторъ, хватая Эммануила Захарыча за галстухъ. — Сейчасъ тысячу цѣлковыхъ давайте, а не то въ окно вышвырну! — крикнулъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ потянулъ Эммануила Захарыча къ окну

— Сто зе вы дѣлаете! — кричалъ тотъ, отпихиваясь отъ него своими огромными, но трусливыми руками.

— Боже мой! что вы? звонятъ! перестаньте... — говорила перепугавшаяся Софи.

Звонилъ Баклановъ, который недавно лишь сталъ выѣзжать, и пріѣхалъ къ первой Софи.

— Какъ вы похудѣли, кузенъ! — воскликнула та, сколько могла овладѣвъ собою и радушно встрѣчая его въ дверяхъ гостиной.

— Что дѣлать! Боленъ былъ.

— Но отчего же?

— Впечатлѣніе прошедшаго меня такъ потрясло...— отвѣчалъ съ улыбкой Баклановъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Какого-же это прошедшаго? — спросила Софи, какъ-бы не понявъ. — Братъ мой Викторъ, — поспѣшно прибавила она потомъ, желая показать, что не одна была съ Эммануиломъ Захарычемъ, усѣвшимся уже въ темномъ углу.

Викторъ мрачно поклонился Баклановy. Ему всего досаднѣе было, что въ такую славную минуту помѣшали:

«Его-бы немножко только, думалъ онъ: въ окно-то повысунуть, онъ непремѣнно-бы тысячу цѣлковыхъ далъ.»

— Это кузенъ нашъ, Баклановъ, — пояснила ему Софи.

— Нѣтъ, племянникъ,—поправилъ ее Баклановъ.

— Ну, все равно, это еще лучше; вы меня, значитъ, должны слушаться.

— Во всемъ, въ чемъ вамъ угодно, и что прикажете! — отвѣчалъ Баклановъ, вѣжливо склоняя передъ ней голову.

Эммануилъ Захарычъ при этомъ пошевелился своимъ неуклюжимъ тѣломъ. Его, кажется, обезпокоила новая мысль, что, пожалуй, и этотъ братецъ за шиворотъ его тряхнетъ!

— Вы, вѣдь, здѣсь служите? — спросилъ Баклановъ Басардина.

— Да, какъ-же, по откупу-съ, — отвѣчалъ тотъ съ насмѣшливою гримасой. — Хочу, впрочемъ, бросить, кинуть,— прибавилъ онъ.

Баклановъ придалъ своему лицу вопросительное выраженіе.

— Въ наше время стыдно ужь... Тутъ такія гадости и мерзости происходятъ... — объяснилъ Викторъ.

Баклановъ при этомъ невольно взглянулъ на Эммануила Захарыча; но лица того было не видать, потому что онъ сидѣлъ, совершенно наклонивъ голову.

Софи тоже сконфузилась; но Викторъ не унимался.

— Можете себѣ представить, — говорилъ онъ: — у насъ ни одинъ цѣловальникъ не получаетъ жалованья, а напротивъ, еще откупу платитъ. Откуда они берутъ, позвольте васъ спросить?

— Скажите! — произнесъ Баклановъ тономъ удивленія. (Его начинало ужь все это забавлять) — Говорятъ, они и прибавляютъ чего-то въ вино.

— Чортъ знаетъ чего! Всего: и перцу, и навозу, и жидовскихъ клоповъ своихъ.

Этого Эммануилъ Захарычъ не въ состояніи былъ выдержать и вышелъ.

— Какъ это можно! — сказала Софи брату.

— Однако онъ премилый! — замѣтилъ ей Баклановъ, указывая головой на уходящаго Эммануила Захарыча.

— Ужасно! — отвѣчала она: — я видѣть его почти не могу.

Вслѣдъ за тѣмъ Софи, однако, вызвали въ заднія комнаты. Тамъ разъяреннымъ барсукомъ ходилъ Эммануилъ Захарычъ.

— Я зе для васъ ницего не залѣлъ, а надо мной, знацитъ, только смѣютца, — началъ онъ.

— О, полноте, пожалуйста, отвяжитесь! — отвѣчала ему Софи.

— Езели теперица стараго братца и этого новаго, знацитъ, не прогоните, я денегъ давать больсе не буду...

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, пожалуйста; я только о томъ и молила Бога! — воскликнула Софи.

— Я-зе не дуракъ!

— А когда не дуракъ, такъ и отправляйтесь — нечего вамъ здѣсь оставаться! — проговорила Софи и пошла; но въ спальнѣ у себя она встрѣтилась съ Викторомъ.

— Если ты,— началъ онъ: — этому подлецу не скажешь, чтобъ онъ далъ мнѣ тысячу цѣлковыхъ, я всю исторію съ тобой опишу.

— Пишите, что хотите! что хотите! — отвѣчала, съ отчаянной досадой Софи, зажимая себѣ уши.

— Я все опишу, какъ онъ съ мужемъ твоимъ поступалъ и какъ тебя потомъ опуталъ... Я не пощажу и тебя — мнѣ, матушка, все равно!

— Викторъ! — воскликнула Софи: — я просила тебя всегда объ одномъ... оставь меня въ покоѣ. Брани меня гдѣ хочешь и какъ хочешь, пренебрегай мною совершенно; но не ходи только ко мнѣ.

— Ишь, какъ-же, да! ловка очень!... нѣтъ, шалишь! — отвѣчалъ онъ ей своимъ незабытымъ еще кадетскимъ тономъ. — Продалась жиду, дура этакая, да и въ руки взять его не умѣетъ.

— О, Господи! — стонала Софи, ломая руки.

— Я все напишу! Нынче не старыя времена, — говорилъ Викторъ уходя.

Софи едва совладѣла съ собой и вышла къ Баклановy.

— Что такое съ вами? — спросилъ тотъ, сейчасъ-же замѣтивъ ея встревоженное лицо.

— Ахъ, кузенъ, я отовсюду окружена врагами! — произнесла она садясь около него.

— Э, полноте, неужели-же и я вашъ врагъ?— успокаивалъ ее Баклановъ.

— Вы-то больше всѣхъ мой врагъ, — сказала Софи, покачавъ головою: — не была-бы я такая, еслибъ ты не поступилъ со мною такъ жестоко.

— Да,— произнесъ протяжно Баклановъ: — но я имѣлъ на то большое право.

— Никакого! никакого! — воскликнула Софи. — Я была чиста, какъ ангелъ, предъ тобой!

— Ну!...—произнесъ многозначительно Баклановъ.

— Какъ хочешь, вѣрь или не вѣрь!—отвѣчала Софи, пожимая плечами.

— Но, во всякомъ случаѣ, я теперь просила-бы тебя по крайней мѣрѣ сохранить дружбу твою ко мнѣ, — прибавила она, протягивая къ нему руку.

— Но я-то дружбой не удовлетворюсь, — отвѣчалъ Баклановъ, цѣлуя ея руку.

— О, полно-ка, перестань, пожалуйста, шутить!...— отвѣчала Софи, которой, въ самомъ дѣлѣ, въ эти минуты было, видно, не до чего. — Отъ враговъ моихъ лучше спаси меня! — говорила она.

— И грудью, и рукой моей! — отвѣчалъ Баклановъ: — но только опять повторяю: дружбой я не удовлетворюсь.

Софи посмотрѣла на него.

— Знаешь, мнѣ ужасно непріятно и тяжело это слышать: неужели-же я такъ ужь низко пала, что меня никто хоть сколько-нибудь благородно и любить не захочетъ.

— О, Богъ съ вами, что вы кузина? — перебилъ ее Баклановъ.

— Да, я знаю, вы всѣ думаете: э, она такая, что отъ нея сейчасъ всего требовать можно... это не то, что наши жены, сестры... она женщина падшая — все это я, другъ мой, очень хорошо знаю.

— О, Бога ради, кузина!... — повторилъ Баклановъ еще разъ, и во весь остальной вечеръ былъ глубоко почтителенъ къ ней.

— Я у васъ буду на этой же недѣлѣ, и вообще когда вы только позволите и прикажете, — сказалъ онъ, раскланиваясь при прощаньи.

— Пожалуйста! — повторила ему Софи свое обычное слово.

«Она чудная женщина! чудная!» — повторялъ онъ мысленно всю дорогу.

XVI.

Начинающееся служеніе идеѣ.

На другой день, часовъ въ девять вечера, Бакановъ подъѣхалъ къ огромному генералъ-губернаторскому дому.

— Зачѣмъ меня звали, и кто у губернатора? — спросилъ онъ, входя.

— Дворянство! — отвѣчалъ жандармъ снимая съ него шинель.

Бакановъ пошелъ. Въ большой пріемной залѣ онъ увидѣлъ, что за огромнымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣло нѣсколько дворянъ. Пріятель Бакланова, солидный помѣщикъ, съ своимъ печальнымъ лицомъ, тоже былъ тутъ.

Начальникъ края, съ близко придвинутыми съ обѣихъ сторонъ восковыми свѣчами и съ очками на носу, что-то такое читалъ.

Около него, по лѣвую руку, стоялъ красивый правитель канцеляріи, а по правую — сидѣлъ губернскій предводитель дворянства, мужчина ужасно похожій на кота и съ явнымъ умиленіемъ слушавшій то, что читалъ генералъ.

— Что это такое? — спросилъ его Бакановъ.

— Рѣчь говоритъ! — отвѣчалъ ему предводитель, указывая головой на начальника края.

— О чемъ?

— Крестьянъ у насъ отбираютъ на волю! — отвѣчалъ предводитель, какъ-то странно скосивъ глаза.

— «Господа!» — продолжалъ начальникъ края, не совсѣмъ разбирая написанное: — «русское дворянство, всегда являвшее доблестные примѣры любви къ отече-

ству и въ двѣнадцатомъ еще году проливавшее кровь на поляхъ Бородина»...

На этомъ мѣстѣ старикъ пріостановился.

— Гдѣ и я имѣлъ счастіе получить этотъ небольшой знакъ моего участія! — прибавилъ онъ, показывая на одинъ изъ множества висѣвшихъ на немъ крестовъ.

— «Русское дворянство,» — продолжалъ онъ снова читать: — «свое крѣпостное право не завоевало, подобно»...

— «Феодаламъ!» — поспѣшилъ ему подсказать правитель канцеляріи.

— «Феодаламъ», — повторилъ генералъ: — «но оно получило его отъ монаршей воли, которой теперь благоугодно измѣнить его въ видахъ счастья и благоденствія всѣмъ любезнаго намъ отечества»...

Начальникъ края опять остановился, поправилъ очки и многозначительно на всѣхъ посмотрѣлъ.

— «Этотъ пахарь, трудящійся теперь скорбно около сохи своей, вознесетъ радостный взоръ къ небу!»—говорилъ онъ и поморщился.

Рѣчь эту, какъ и всѣ прочія бумаги, ему сочинялъ правитель канцеляріи, и старый генералъ мѣсто это находилъ черезъ-чуръ ужь буколическимъ. Но правитель канцеляріи, напротивъ, считалъ его совершенно необходимымъ; сей молодой дѣйствительный статскій совѣтникъ послѣднее время сдѣлался ужаснымъ демократомъ: о дворянствѣ иначе не выражался, какъ — «дрянное сословіе», — а о мужикахъ говорилъ: «нашъ добрый, умный, честный мужичекъ.»

— «Видимое мною на всѣхъ лицахъ вашихъ, милостивые государи, одушевленіе,» продолжалъ начальникъ края, «исполняетъ меня надеждою, что мы къ сему святому дѣлу приступимъ и исполнимъ его съ полною готовностью»...

— Все? — спросилъ онъ, остановясь, правителя канцеляріи.

Замѣчаемыя, однако, начальникомъ края одушевленныя лица сидѣли насупившись, и никто слова не начиналъ говорить.

Поднялся губернскій предводитель.

— Милостивые государи! — началъ онъ, заморгавъ въ тоже время глазами, что ужасно, говорятъ, скрывало таимыя имъ мысли. — Милостивые государи! я радуюсь, что несу званіе губернскаго предводителя въ такое великое время. Первое мое желаніе выразить передъ престоломъ Монарха ваши чувства радости и благодарности. Вамъ, милостивые государи, дана возможность сдѣлать великое и благодѣтельное дѣло для вашихъ меньшихъ братій! — Дайте адресъ! — прибавилъ онъ торопливо, обращаясь къ правителю канцеляріи.

Тотъ подалъ бисернымъ почеркомъ написанную бумагу. Она стала переходить изъ рукъ въ руки, и всѣ, не читавъ, подписали ее. Баклановъ тоже такъ подмахнулъ.

— Еще вчера только эту меньшую-то братію, своего лакея, въ полиціи отодралъ! — сказалъ ему предводитель его уѣзда, показывая на губернскаго предводителя.

— Ужасная каналья, теперь за крестъ и чинъ все продастъ! — проговорилъ Баклановъ.

Губернскій предводитель, между тѣмъ, что-то сѣменилъ на своемъ мѣстѣ.

— Господа! — снова началъ онъ и окончательно закрылъ лѣвый глазъ: — обязанности предводителей въ настоящее время слишкомъ важны: я полагаю, слѣдуетъ имъ положить жалованье.

Лица предводителей просіяли, а у дворянства вытянулись.

— Изъ какихъ-же суммъ? — отозвался было солидный помѣщикъ.

— Суммы есть! — подхватили въ одинъ голосъ предводители.

Губернскій предводитель, между тѣмъ, спѣшилъ воспользоваться удобною минутой.

— По такому росписанію-съ, — сказалъ онъ: — губернскому предводителю пять тысячъ рублей, уѣзднымъ по три тысячи рублей и депутатамъ по двѣ тысячи рублей.

При послѣднихъ словахъ у дворянства ужь лица повеселѣли. — Авось попаду въ депутаты и хоть тысченку-другую сорву, — подумалъ почти каждый изъ нихъ.

— Хорошо-съ! — раздалось почти со всѣхъ сторонъ.

Губернскій предводитель и начальникъ края пожали другъ у друга руку, какъ люди совершившіе немаловажное дѣло.

— До свиданья, господа! — сказалъ послѣдній, обращаясь къ прочимъ своимъ гостямъ: — завтра надо рано вставать, ума-разума припасать!

Всѣ пошли какъ накормленные мякиной. Каждый чувствовалъ, что слѣдовало-бы что-нибудь возразить и хоть въ чемъ-нибудь заявить свои права или интересы, а между тѣмъ никто не рѣшался: постарше — боялись начальства, а молодые изъ чувства врядъ-ли еще не болѣе неодобрительнаго — изъ боязни прослыть консерваторомъ и отсталымъ.

Въ обществѣ, не привыкшемъ къ самомышленію, явно уже начиналось, послѣ раскаго повиновенія властямъ и преданіямъ, такое-же насильственное и безотчетное подчиненіе моднымъ идейкамъ.

XVII.

Сорокалѣтній идеалистъ и двадцатилѣтній матеріалистъ.

Баклановъ все больше и больше начиналъ спорить съ своимъ шуриномъ, и всего чаще они сталкивались на крестьянскомъ дѣлѣ.

— Что-же васъ-то такъ тутъ раздражаетъ?— спрашивалъ его Сабакѣевъ.

— А то-съ, — отвѣчалъ насмѣшливо Баклановъ:— я вовсе не съ такою великою душой, чтобы мнѣ страдать любовью ко всему человѣчеству; достаточно будетъ, если я стану заботиться о самомъ себѣ и о семействѣ, и нисколько не скрываюсь, что Аполлонъ Бельведерскій все-таки дороже мнѣ печнаго горшка.

— Печной горшокъ — очень полезная вещь! — сказалъ Сабакѣевъ и ни слова не прибавилъ въ пользу Аполлона Бельведерскаго.

— Ну да, разумѣется, — подхватилъ Баклановъ: — и клѣточка, вѣдь, самое важное открытіе въ мірѣ; смѣло ставь ее вмѣсто Бога.

— Клѣточка очень важное открытіе, — повторилъ опять Сабакѣевъ.

— Да, и Шиллеръ, и Гете, и Шекспиръ — ступайте къ чорту! дрянь они, — продолжалъ досадливо Баклановъ.

— Шиллеръ, Гете и Шекспиръ дѣлали въ свое время хорошо.

— А теперь на поверхности всего мы съ вами, не такъ-ли?

— Нѣтъ, не мы, а идеи.

— Желательно-бы мнѣ знать, какіе это именно? — проговорилъ Баклановъ.

— Идеи народности, демократизма, идеи матеріализма, наконецъ соціальныя идеи.

— Все это около 48 года мы знали, переживали, и все это французская революція рѣшила для насъ самымъ наглядным образомъ.

— Ну что французская революція! — произнесъ съ презрѣніемъ Сабакѣевъ.

— А у насъ лучше будетъ, не такъ-ли?

— Вѣроятно, — отвѣчалъ Сабакѣевъ.

Из фонда Российской национальной библиотеки

— Почва цѣлостнѣе!.... непосредственнѣе, чище примемъ.

— Конечно!

Евпраксія улыбнулась, а Баклановъ развелъ только руками, и съ обѣихъ спорящихъ сторонъ продолжалось нѣсколько минутъ несовсѣмъ пріязненное молчаніе.

— Вы, напримѣръ, — продолжалъ Баклановъ снова, обращаясь къ шурину: — вы превосходный человѣкъ, но въ тоже время, извините меня, вы нравственный уродъ!

— Почему же? — спросилъ Сабакѣевъ.

Евпраксія тоже взглянула на мужа вопросительно.

— Вы не любили еще женщинъ до сихъ поръ, — объяснилъ Баклановъ.

Сабакѣевъ нѣсколько покраснѣлъ.

— А мы въ ваше время были уже влюблены, какъ коты... любовницъ имѣли... стихи къ нимъ сочиняли...

— Оттого хороши и женились! — замѣтила Евпраксія.

— Что-жъ, я кажется, сохранилъ еще до сихъ поръ пылъ юности.

— Ужь конечно не идеальный! — отвѣтила Евпраксія.

— Нѣтъ, идеальный! — возразилъ Баклановъ: — вотъ они такъ дѣйствительно матеріалисты, — продолжалъ онъ, указывая на шурина:—а мы вѣдь что?... Поэтики, идеалисты, мечтатели.

— Вотъ ужь нѣтъ, вотъ ужь неправда! — даже воскликнула Евпраксія: — они, а не вы, идеалисты и мечтатели.

— Ты думаешь? — спросилъ ее братъ.

— Да! А Александръ чистѣйшій матеріалистъ.

— Почему же ты это такъ думаешь? — спросилъ ее тотъ.

— Потому что ты только о своемъ тѣлѣ и думаешь.

— Вотъ что!... такъ объяснить все можно! — произнесъ Баклановъ, уже начинавшій нѣсколько конфузиться: — Ну-съ, такъ какъ-же: угодно вамъ перемѣниться именами? — спросилъ онъ, обращаясь къ шурину.

— Не знаю, что вы такое, а я не идеалистъ! — повторилъ тотъ настойчиво.

— Идеалистъ, идеалистъ! — повторила ему еще настойчивѣе сестра.

— Но почему-же?

— А потому, что это все тоже, какъ и они въ молодости восхищались стихами, а вы — теоріями разными.

— Браво, — подхватилъ Баклановъ.

XVIII.

Обличитель чужихъ нравовъ въ своихъ домашнихъ непосредственныхъ движеніяхъ.

На столѣ горѣла сальная свѣчка; въ комнатѣ было почти не топлено.

Викторъ Басардинъ сидѣлъ и писалъ новый извѣтъ на Эммануила Захарыча.

Онъ описывалъ исторію сестры и только относился къ ней въ нѣсколько нѣжномъ тонѣ: онъ описывалъ эту бѣдную овечку, которая, подъ вліяніемъ нужды, пала предъ злодѣемъ, который теперь не даетъ ей ни копѣйки...

«Во имя всѣхъ святыхъ правъ человѣчества,» рисовало его расходившееся перо, «я требую у общества, чтобъ оно этого человѣка, такъ низко низведшаго и оскорбившаго женщину, забросало, по іудейскому закону, каменьями, а кстати онъ и самъ еврей и живетъ въ К..., на Котловской улицѣ.»

Послѣднее было прибавлено въ видѣ легонькаго намека на дѣйствительный случай.

Единственная свидѣтельница его писательскихъ трудовъ, Иродіада, все это время лежала у него преважно на диванѣ и курила папироску.

Викторъ, дописавъ свое твореніе, потянулъ изподлобья на нее взоръ и нѣсколько поморщился. Ему не нравилась ея черезчуръ ужь свободная поза.

— Иродіада, поди, сними съ меня сапоги: ноги что-то жметъ!—сказалъ онъ, желая напомнить ей, кто она такая.

— Да что вы сами развѣ не снимете,—отвѣчала та,

— Снимай!—сказалъ ей Викторъ, не отвѣчая прямо на вопросъ и протягивая къ ней ногу.

Иродіада очень неохотно и неловко принялась стягивать съ него сапоги.

— Очень весело! — говорила она.

— Тащи сильнѣй! — сказалъ ей Викторъ.

Иродіада стащила сапогъ и бросила его съ пренебреженіемъ на полъ.

— Тащи сильнѣй! — сказалъ ей Викторъ.

— Подите! силы у меня нѣтъ,—отвѣчала Иродіада.

— Говорятъ тебѣ, тащи! хуже, заставлю, — продолжалъ Викторъ, уже блѣднѣя.

— Какъ-же вы меня заставите? Руки еще коротки.

— А вотъ и заставлю!—проговорилъ Викторъ и, не долго думая, схватилъ Иродіаду за шею и пригнулъ ее къ ногѣ.

— Тащи!—повторилъ онъ.

— Караулъ! крикнула было Иродіада.

— Не кричи, а то бить еще буду!—проговорилъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ другою рукой досталъ со стола хлыстъ.

Иродіада лежала у ногъ его молча, но сапога не снимала. Такъ прошло съ четверть часа.

Викторъ её не пускалъ:

— Ну давайте, ужь сниму! — сказала наконецъ она и сняла.

Викторъ ее сейчасъ же отпустилъ. Иродіада опрометью бросилась бѣжать отъ него.

— Чортъ!.. дьяволъ!.. лѣшій!.. тфу!.. — проговорила она въ передней.

Викторъ только посмотрѣлъ ей вслѣдъ, потомъ, взявъ шляпу, надѣлъ шинель и пошелъ къ сестрѣ. Главная, впрочемъ, причина его неудовольствія на Иродіаду заключалась въ томъ, что онъ просилъ у нея передъ тѣмъ взаймы денегъ, а она разбожилась, что у нея нѣтъ ни копѣйки, тогда какъ онъ очень хорошо зналъ, что у ней есть больше тысячи, которыя она накопила, когда была любовницей Іосифа.

— Ты Иродіаду прогони!—началъ онъ прямо, придя къ сестрѣ.

Та знала уже о его связи съ ней и сначала не обратила было никакого вниманія на его слова.

— Она, чортъ знаетъ, что про тебя всѣмъ разсказываетъ! — продолжалъ онъ.

Викторъ хотѣлъ придать видъ, что онъ въ этомъ случаѣ оскорбился за сестру.

Софи сконфузилась и взглянула на брата не совсѣмъ спокойными глазами.

— Что-же она можетъ про меня разсказывать? — спросила она.

— Во-первыхъ, какъ ты хотѣла за Бакланова выйдти замужъ и какъ тотъ тебя прибилъ, — говорилъ Викторъ.

— О, вздоръ! — воскликнула Софи. Ея красивыя ноздри начинали уже раздуваться.

— Разсказывала еще...

— Перестань, Викторъ!—прикрикнула на него Софи.

Иродіада, во время нѣжно-любовныхъ сценъ, въ самомъ дѣлѣ, многое ему поразсказала.

— Я ей откажу,—проговорила Софи прерывающимся отъ досады голосомъ.

— Нѣтъ, ее прежде надобно обыскать... Она, я думаю, у тебя денегъ наворовала... я сначала ее обыщу да деньги у нея отберу!..—билъ Викторъ прямѣе въ цѣль.

— Нѣтъ, пожалуйста! Я только прогоню ее и больше никакихъ съ ней объясненій не желаю имѣть,—сказала Софи.

Она боялась, что Иродіада еще больше наплететъ на нее.

Викторъ, по своему обыкновенію, разсердился и на сестру.

— Обѣ вы, видно, Даха Парахи не лучше!—проговорилъ онъ и сталъ прощаться.

Софи сдѣлала видъ, будто этихъ послѣднихъ словъ не слыхала.

— Иродіада! — крикнула она послѣ его ухода.

Та вошла къ ней съ довольно покойнымъ видомъ.

— Ты безпрестанно куда-то уходишь; я вижу, что тебѣ служба у меня непріятна, а потому можешь искать себѣ другаго мѣста,—сказала ей Софи.

Иродіада, слышавшая, что Викторъ былъ у сестры, почти ожидала этого.

— Что-жъ, мнѣ не на улицу же сейчасъ идти и выбросить себя! — сказала она дерзко.

— Ты можешь еще жить у меня; только я услуги твоей больше не желаю.

Иродіада на это усмѣхнулась.

— Не раскайтесь!—пробормотала она себѣ подъ носъ.

— Что такое?—спросила ее Софи.

— Не раскайтесь! Найдите еще другую такую, которая такъ-бы вамъ служила, какъ я, — сказала вслухъ Иродіада и, хлопнувъ дверью, ушла.

Затѣмъ, собравъ всѣ свои вещи, перетащила ихъ изъ горницы въ баню.

XIX.

Израильтянинъ и русскій.

Въ своемъ роскошномъ кабинетѣ Эммануилъ Захарычъ, въ очкахъ, съ густо-нависшими бровями, озабоченно разсматривалъ наваленныя на столѣ книги, бумаги, письма, счеты.

Передъ нимъ стоялъ рыжеватый, худощавый мѣщанинъ, тоже одинъ изъ его повѣренныхъ и молоканъ по вѣрѣ.

— Что-зе такое зъ нимъ? — спрашивалъ съ досадой Эммануилъ Захарычъ.

— Богъ ихъ знаетъ-съ!—отвѣчалъ повѣренный, пожимая плечами. — Изволили пріѣхать домой... затосковали... хуже, хуже, такъ что за докторомъ послать не успѣли.

Эммануилъ Захарычъ сдѣлалъ грустное и печальнсе лицо.

— Отчего-зе могло то быть?—повторялъ онъ.

Повѣренный стоялъ нѣкоторое время въ недоумѣніи.

— До свадьбы своей они гуляли, значитъ, съ горничной госпожи Леневой.

— Н-ну?

— Ну, и какъ люди вотъ ихъ тоже разсказываютъ: опять начали свиданье съ ней имѣть-съ.

— Сто-зе изъ того?

— Да то, что какъ есть тоже наше глупое, русское обыкновеніе: приворотить его снова не желала ли къ себѣ, али, можетъ, и такъ, по злости, чего дала.

— Ну, такъ взять ее и сазать въ острогъ.

— Нѣтъ, ужъ сдѣлайте милость! — отвѣчалъ повѣренный съ испуганнымъ лицомъ:—она и допрежь того,

изволите знать, болтала; а тутъ и не то наговоритъ, коли захватятъ ее. Изволите вотъ прочесть, что пишутъ-то!

— Ну, цитай, сто писутъ! произнесъ сердито Эммануилъ Захарычъ.

Самъ онъ несовсѣмъ хорошо разбиралъ письменную русскую грамоту.

Повѣренный взялъ со стола письмо, откашлянулся и началъ читать его.

«Ваше высокостепенство, государь мой, Эммануилъ Захарычъ.

«Такъ какъ будучи присланный человѣкъ отъ васъ Михайло очень пьянствуетъ, сталъ я ему то говорить, а онъ, сказавши на это, что поѣдетъ въ К..., я ему дѣлать то запретилъ; онъ вчерашняго числа уѣхалъ секретно на пароходѣ Колхида къ барину своему, г. Басардину, какъ говорилъ то одному своему знакомому другу армянину, который мнѣ то, будучи мною уговаривaемъ, открылъ за 5 руб. сер.

«Переговоры же о томъ шли черезъ какую-то дѣвицу Иродіаду, которая, надо полагать, была его любовница, о чемъ вашему высокостепенству донести и желаю и при семъ присовокупляю, что на цымлянское...»

Дальше повѣренный не сталъ читать.

— Ну взять его, какъ пріѣдетъ Колхида... Я плацу имъ деньги... Сто-зе? Пускай берутъ! — проговорилъ Эммануилъ Захарычъ.

Повѣреннаго, при этомъ, точно передернуло.

— Нѣтъ-съ, и этого нельзя. Теперича Іосифъ Яковличъ жизнь кончили... Я, значитъ, одинъ въ отвѣтѣ и остался... — сказалъ онъ.

— Ницего я не знаю, ницего! — возразилъ Эммануилъ Захарычъ, отстраняясь руками.

— Ваше степенство, — началъ повѣренный: — словъ Іосифа Яковлевича тоже слушались мы, все равно, что отъ васъ они шли...

— И не говорите мнѣ, не знаю я ницего того! — перебилъ опять Эммануилъ Захарычъ, зажимая уши.

Повѣренный вздохнулъ.

— Маленькаго человѣка погубить долго-ли... Хорошо, что тогда постерегся, — черезъ другаго, а не самъ дѣло дѣлалъ: теперь хоть увертка есть. Никакихъ-бы денегъ, кажись, не взялъ въ этакое дѣло влопаться.

— Ну, молци, позалуста, безъ разсужденій! — прикрикнулъ на него Эммануилъ Захарычъ.

— Спина-то, ваше степенство, своя-съ, за неволю разсуждать начнешь: не васъ, а нашу братью на кобылѣ-то драть станутъ.

— Молци! — прикрикнулъ на него еще разъ Эммануилъ Захарычъ; — грубый народъ... музикъ!

Повѣренный замолчалъ, но попрежнему оставался съ мрачнымъ лицомъ.

Эммануилъ Захарычъ принялся снова разбирать и разсматривать бумаги.

— Подайте зе это ко взысканію! — сказалъ онъ, подавая повѣренному заемное письмо.

Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

Заемное письмо было на имя Софьи Леневой въ 25 тысячъ рублей серебромъ.

XX.

Разные взгляды на общественное служеніе.

Въ газетѣ *Петербургское Безкорыстіе* было съ благороднымъ негодованіемъ напечатано:

«Скажите, отчего въ директоры акціонерныхъ компаній выбираются люди, не спеціально знакомые съ дѣломъ, а по большей части графы и генералы? Откуда и какимъ образомъ могли у акціонеровъ явиться подобные аристократическіе вкусы? Зачѣмъ они позволяютъ этимъ

господамъ говорить себѣ въ собраніи дерзости, и изъ какихъ, наконецъ, видовъ благополучія допускается, что главный директоръ компаніи *Таврида* и *Сирена*, самъ начальникъ края, производитъ разработку каменнаго угля у себя въ имѣніи, который стоитъ такимъ образомъ обществу вдвое дороже, чѣмъ привезенный и купленный изъ Америки? (См. отчетъ общества за 1859 г. и американскую газету *Herald*)».

Строкъ этихъ достаточно было, чтобы начальникъ края, ни съ кѣмъ не переговоривъ и не посовѣтовавшись, стукнулъ по столу два раза линейкой.

Вошелъ адъютантъ.

— Полиціймейстера мнѣ-съ!— произнесъ начальникъ края, по видимому, спокойно.

Адъютантъ ушелъ.

Начальникъ края, будучи не въ состояніи удержаться, продолжалъ однимъ глазомъ заглядывать въ продолженіе статьи.

Тамъ, Богъ знаетъ, чего ужь не было наговорено. Говорили, что, «на Солдатской пристани, для житья чиновниковъ, на деньги акціонеровъ построенъ цѣлый городокъ.»

И въ самомъ дѣлѣ это было такъ!

«Машина, выписанная для паровой мельницы, не входила въ самое зданіе, такъ что или ее надо было ломать, или зданіе».

И то была правда!

Гнѣвомъ и горестью исполнялось сердце старика.

Полиціймейстеръ, наконецъ, явился.

— Гдѣ здѣсь живетъ нѣкто Басардинъ? — спросилъ генералъ какимъ-то таинственнымъ голосомъ.

— Живетъ-съ! — отвѣчалъ полиціймейстеръ.

— Взять его сейчасъ въ часть и произвести у него въ домѣ обыскъ.

— Это, вѣрно, ваше превосходительство, по случаю акціонерной статьи... — началъ было полиціймейстеръ.

— Да-съ!

— Статью эту, ваше превосходительство, писалъ Никтополіоновъ.

— Пожалуйста, безъ возраженій!.. Я и въ тотъ разъ по вашимъ стопамъ шелъ, да не далеко дошелъ.

О томъ, что виновникомъ прошлой статьи былъ Викторъ Басардинъ, начальникъ края узналъ отъ Эммануила Захарыча.

— Извольте произвести строжайшее слѣдствіе! — заключилъ онъ.

— О чемъ-съ?

— О чемъ? — крикнулъ генералъ. — Вы спрашиваете меня: о чемъ? Человѣкъ пишетъ на честныхъ людей пасквили, человѣкъ подрываетъ общественный кредитъ, и вы преспокойно говорите «о чемъ?» Полковникъ! вы служить послѣ того не можете!

Полковникъ поклонился и прямо отправился къ исполненію возложеннаго на него порученія.

Викторъ въ это время только было засунулъ свою, извѣстную намъ статью, въ конвертъ, чтобъ отправить ее для напечатанія въ журналъ, какъ вбѣжала къ нему впопыхахъ нанимаемая имъ кухарка.

— Батюшка, Викторъ Петровичъ, — сказала она: — полиціймейстеръ съ солдатами пришелъ.

Викторъ поблѣднѣлъ. Но полиціймейстеръ входилъ уже въ комнату и прямо устремился къ письменному столу.

— Письмо!.. — проговорилъ онъ, тотчасъ-же беря конвертъ и распечатывая его.

— Но какъ вы можете чужія письма... возразилъ было Викторъ.

— Могу, — отвѣчалъ полиціймейстеръ. — Это ужь объ родной сестрѣ сочинили, — прибавилъ онъ, прочитавъ и передавая письмо жандармскому офицеру.

Затѣмъ начался обыскъ.

Викторъ ходилъ за всѣми, какъ потерянный.

— *Колоколъ*!... — произнесъ мрачнымъ голосомъ жандармскій офицеръ.

— Откладывайте, — сказалъ ему полиціймейстеръ.

— *Ненапечатанныя русскія стихотворенія*, — продолжалъ офицеръ.

— Какія это? — спрашивалъ полиціймейстеръ.

— Да я не знаю-съ, *О ты Рылѣевъ, другъ*...—прибавилъ онъ, пробѣжавъ первый стихъ.

— Откладывайте, — сказалъ полиціймейстеръ.

— Еще стихотвореніе: *Буяновъ мой сосѣдъ*, произнесъ жандармскій офицеръ.

— Откладывайте! — сказалъ полиціймейстеръ.

— Картины голыхъ женщинъ, — продолжалъ жандармъ.

— Тоже! — повторилъ полиціймейстеръ и потомъ, обратившись къ Басардину, прибавилъ: — я думалъ, что вы молодой еще очень человѣкъ, а по лицу-то видно собрались съ годками... Стыдно... оченъ стыдно..

— Но, скажите, что же я такое сдѣлалъ? — говорилъ Басардинъ, стараясь улыбнуться, но въ сущности совершенно упавъ духомъ.

— Сами понимаете, я думаю... не маленькіе... Собрали бумаги? — спросилъ полиціймейстеръ у жандарма.

— Собралъ-съ!

— Ну поѣдемте и вы! — прибавилъ полиціймейстеръ Виктору: — въ часть васъ свезу. Велите себѣ принести матрасъ, что-ли; у васъ ничего тамъ нѣтъ!

— Какъ въ часть?.. это... это... — говорилъ Викторъ: — это ужь подло! — возразилъ онъ наконецъ.

— А пасквили писать благородно? — спросилъ его полиціймейстеръ.

— Это я писалъ для пользы общества, — объяснилъ Басардинъ.

— А я васъ для пользы общества сажаю въ часть... Вы такъ понимаете, а я иначе!

— Это чортъ знаетъ, что такое! — говорилъ Басардинъ, садясь съ полиціймейстеромъ на пролетки.

— Не чортъ знаетъ, а только то, что эта общественная польза — вещь очень многообразная! — объяснилъ ему полиціймейстеръ.

XXI.

Новый обличитель.

Около К... буря страшно шумѣла. Вѣтеръ, казалось, хотѣлъ сорвать флаги и флюгера съ крѣпостныхъ башенъ. У обрывистаго берега валы бились и разсыпались о каменистый утесъ.

Впереди хоть бы капля свѣта, и только дулъ оттуда холодный вѣтеръ; но вотъ вдали, въ безднѣ темноты, мелькнули двѣ свѣтящіяся точки, скрылись было сначала, но потомъ снова появились и не пропадали ужь болѣе.

Это шелъ пароходъ Колхида. Пассажировъ было немного: мужъ съ женой, сидѣвшіе на палубѣ и завернувшіеся въ одну кожу, чтобы спасти себя отъ брызгавшей на нихъ воды, а у самой кормы, въ совершенной темнотѣ, стоялъ высокій мужикъ, опершись на перила и глядя на воду.

Матросы заботливо бѣгали на палубѣ.

Вѣтеръ начиналъ дуть порывистѣе и сильнѣй.

На носу засвѣтили фалшфейеръ.

Съ виднѣвшагося маяка отвѣтили тѣмъ же.

Мужикъ спросилъ проходившаго мимо матроса:

— А что, служба, не далече до города?

— Да вонъ! — отвѣчалъ тотъ, указывая на довольно близкіе огни.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— А это таможенная коса? — спросилъ опять мужикъ, указывая на огонь, мелькавшій вдали отъ прочихъ.

— Да, — отвѣчалъ матросъ, уходя отъ него.

Вслѣдъ за тѣмъ мужика какъ бы не бывало на палубѣ.

— Что такое въ воду упало? — спросилъ капитанъ съ своей вышки.

— Кто свалился? — повторилъ онъ еще разъ и ужь строго.

— Мужикъ, надо быть, ваше благородіе.

— Спустить катеръ! — скомандовалъ капитанъ.

Нѣсколько матросовъ бросились и стали спускать его, но лодка не шла.

— Спускайте скорѣй! Разорву васъ, какъ собакъ! — кричалъ съ вышки капитанъ.

Лодку, наконецъ, спустили, и человѣка четыре матросовъ соскочили въ нее.

— А на смазку-то, я самъ видѣлъ, въ отчетахъ сказано, что употребляется по 3,000 руб. сер. въ годъ! — объяснилъ прозябнувшій супругъ своей супругѣ подъ кожей.

Они, видно, были изъ несчастныхъ акціонеровъ, а потому ничего больше ужь и не сказали, а еще крѣпче прижались другъ къ другу.

Матросы въ лодкѣ, сначала, проѣхали по прямой линіи отъ парохода къ берегу, потомъ заѣхали вправо. Ничего не видать, кромѣ пѣнящихся волнъ.

— Чортъ найдетъ его! — проговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Да что его угораздило? Пьянъ что-ли былъ? — спросилъ другой.

— Нѣтъ, чай, надо быть нарочно! — объяснилъ третій.

— Гдѣ-жь тутъ ловить-то его... Поди, чай, засосало подъ пароходъ, и плыветъ подъ кормой.

— И пилъ-же онъ, паря, на пароходѣ-то шибко.

— Пилъ?

— И, Господи! Маркитантъ сказывалъ, рублевъ на двадцать онъ напилъ у него... Заберите-ка, однако-че, влѣво! — заключилъ матросъ, но и влѣвѣ ничего.

— На пароходъ, робята, ну его къ праху, гдѣ тутъ сыщешь! — сказали почти всѣ въ одинъ голосъ и поѣхали на пароходъ.

Мужикъ, между тѣмъ, былъ не далеко отъ нихъ и, при ихъ приближеніи только нырнулъ въ воду и вынырнулъ потомъ далеко отъ нихъ. Подплывъ къ косѣ, онъ сталъ на ноги. Тутъ ему было всего по поясъ. Онъ не пошелъ прямо на берегъ, а сталъ обходить всю косу кругомъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ и подъѣзду не было, ухватился за камень, сталъ взбираться, какъ кошка, на утесъ и только по временамъ ругался.

— Всѣ рученьки-то, дьяволъ, раззонозилъ каменьями этими... Ну, поѣхала, лѣшая! — говорилъ онъ, когда нога его случайно скользила и опускалась. — Какъ идти-то въ этой мокротѣ? — прибавилъ онъ, ставъ наконецъ на вершину скалы и осматривая свой костюмъ.

— Ну, чортъ, велика барыня,—заключилъ онъ и пошелъ.

На набережной онъ вошелъ во дворъ квартиры Софи; вѣроятно, очень знакомый съ мѣстностью, онъ сейчасъ-же забрался черезъ перила на галлерею и приложилъ свое лицо къ освѣщенному стеклу дѣвичьей.

Тамъ сидѣла молоденькая горничная.

— О, чортъ, это другая какая-то лѣшая! — сказалъ онъ и постучалъ пальцемъ.

Горничная съ испугомъ взглянула на окно.

— Иродіада Никаноровна гдѣ-съ? — спросилъ у ней мужикъ.

Горничную успокоилъ этотъ вопросъ.

— Она не здѣсь, въ банѣ живетъ.

— Вотъ куда чортъ ее занесъ! Родила, что-ли? — сказалъ самъ съ собой мужикъ и слѣзъ съ галлереи.

Гдѣ находится баня, онъ тоже, видно, хорошо зналъ, потому что прямо пошелъ къ ней и опять приложилъ лицо къ окну.

Иродіада сидѣла тамъ одна и что-то шила.

Мужикъ вошелъ къ ней.

— Ай, Господи, Михайло!—проговорила она, взмахнувъ на него глазами.

— Мы самые и есть! — отвѣчалъ тотъ.

— Да что-же ты весь мокрый?

— Водой ужь шелъ, коли сушью не пускаютъ, — отвѣчалъ Михайло.

— Ну, разоболакайся!... Что стоишь, — сказала ему Иродіада съ видимымъ участіемъ.

— Что-же я надѣну?... весь мокрехонекъ, — сказалъ мужикъ, снимая, впрочемъ, кафтанъ.

— Пойду, схожу, попрошу у кучера и портковъ, и рубахи.

— Да какъ-же ты скажешь?

— Скажу, что для полюбовника, да и баста!

— Ой-ли! хватъ дѣвка! — проговорилъ ей вслѣдъ Михайло.

Читатель, конечно, не узналъ въ этомъ человѣкѣ того самаго Михайла, который, въ началѣ нашего романа, ѣхалъ молодымъ кучеромъ съ Надеждой Павловной. Судьба его и въ то уже время была связана съ судьбою Иродіады. Онъ именно былъ отцомъ ея ребенка, за котораго она столько страдала.

Получивъ вольную, Иродіада, первое что, написала Михайлу своею рукою письмецо:— «Душенька Михайло! Неизмѣнно вамъ кланяюсь и прошу васъ, проситесь у господъ вашихъ на оброкъ и пріѣзжайте за мной въ К..., гдѣ и ожидаетъ васъ со всею душою своею открытою, по гробъ вамъ вѣрная Иродіада.»

Михайло сейчасъ сталъ проситься у Петра Григорьевича; но тотъ его не пускалъ. Михайло нагрубилъ ему,

Из фондов Российской национальной библиотеки

или, лучше сказать, прямо объяснилъ: — «дуракъ вы, а не баринъ — право!»

Петръ Григорьевичъ повезъ его въ солдаты. Михайло убѣжалъ отъ него и пришелъ въ К... оборванный, голодный и врядъ-ли не совершившій дорогой преступленія.

Иродіаду онъ нашелъ не совсѣмъ вѣрною себѣ. Она была любима управляющимъ откупомъ, Іосифомъ. Михайло, впрочемъ, нисколько этимъ не обидѣлся и просилъ только, чтобы какъ-нибудь ему прожить безъ паспорта и хоть-бы какое-нибудь найти мѣстечко. По вліянію Иродіады, его сдѣлали цѣловальникомъ; потомъ, по какимъ-то соображеніямъ, перевели сначала въ уѣздъ, и наконецъ отправили на Кавказъ. Въ продолженіе всего этого времени, Михайло страшно распился, разъѣлся: краснощекій, съ черною окладистою бородой, онъ скорѣе походилъ на эсаула разбойничьяго, чѣмъ на бывшаго нѣкогда господскаго кучера. Запахъ спирту отъ него ужь и не прекращался, точно всѣ поры его были пропитаны имъ.

Иродіада, возвратившись, принесла Михайлѣ все чистое бѣлье. Тотъ при ней-же началъ переодѣваться. Иродіада немножко отъ него отвернулась.

— Чаю, что-ли, хочешь? — спросила она.

— Нѣтъ, лучше-бы горьконькаго! — отвѣчалъ Михайло.

— Все попрежнему, зелья-то этого проклятаго, — сказала Иродіада.

— Человѣкъ рабочій, — отвѣчалъ Михайло.

Иродіада сходила въ горницу и принесла цѣлый барскій графинъ водки и огромный кусокъ, тоже барской, телятины.

Михайло принялся все это пить и ѣсть.

— Что, ты получилъ мое письмо? — спросила его Иродіада.

— Получилъ; на него я и шелъ.

— Съ бариномъ твоимъ несчастье случилось: — въ часть али въ острогъ, что-ли-то, посадили.

— Ахъ ты, Боже ты мой! — произнесъ Михайло съ нѣкоторымъ даже испугомъ.— За что-же это такъ?

— Сочиненіе, что-ли, какое-то написалъ на здѣшнихъ господъ, такъ за то... Въ Сибирь, говорятъ, сошлютъ.

— Какъ-же быть-то дѣвка, а?

— Чего быть-то?... Я вотъ отсюда завтра переѣду, поживемъ тамъ, поглядимъ.

— Эхъ-ма!— горевалъ Михайло:— а мнѣ такъ было и думалось, что онъ далъ-бы мнѣ какую бумагу, я-бы ему все открылъ.

— Чего открывать-то? Мозеръ-то померъ!

— Бѣда, значитъ, теперь, безъ пачпорту-то, — проговорилъ опять Михайло.

— Ничего!... Нынче ужь насчетъ этого свободно стало.

— Да, какъ-же? — произнесъ недовѣрчиво Михайло.

— Начальство само говоритъ:— «Живите, говоритъ, ничего и безъ бумагъ.» Воля, говорятъ, всѣмъ настоящая скоро выйдетъ.

— Слышалъ я...— отозвался Михайло:— господамъ-то только подъ домомъ землю и оставятъ, дьяволамъ этимъ,— прибавилъ онъ и зѣвнулъ.

— Такъ имъ, злодѣямъ, и надо! — повторила Иродіада. — Что зѣваешь?... Поди, полѣзай на полокъ спать.

Михайло пошелъ; потомъ пріостановился и хотѣлъ что-то такое сказать Иродіадѣ; но, видно, раздумался и молча взлѣзъ на полокъ.

XXII.

На яраго сатира надѣтъ намордникъ.

Виктора все еще продолжали держать въ части. Онъ начиналъ терять всякое терпѣніе и, въ продол-

женіе этого времени, успѣлъ поколотить полицейскаго солдата, непускавшаго его одного гулять по саду: объ этомъ было составлено постановленіе и присоединено къ дѣлу. Онъ показалъ потомъ женѣ частнаго пристава, когда та проходила мимо его оконъ, кукишъ: объ этомъ тоже составлено было постановленіе и снова присоединено къ дѣлу.

Начальство всему этому только радовалось, чтобы побольше скопить на него обвиненій.

Викторъ, въ отчаяніи, началъ, наконецъ, молиться Богу, и молитва его была услышана. Въ послѣдній вечеръ, передъ нимъ стоялъ знакомый намъ повѣренный Эммануила Захаровича, молоканъ Емельяновъ, съ своею обычною кислою улыбкой и заложивъ руки за бортъ сюртука.

Викторъ все еще продолжалъ ершиться.

Емельяновъ пожималъ насмѣшливо плечами.

— Вѣдь, это точно что-съ... Эммануилъ Захарычъ такъ и приказывалъ: «пускай, говоритъ, онъ уѣдетъ.»

— А, испугались?... — говорилъ Викторъ, самодовольно начиная ходить по комнатѣ.

— Не испугались, а что точно что неудовольствія желать не имѣемъ... И вамъ, вѣдь, тоже здѣсь ничего хорошаго не будетъ. Извольте, хоть какого ни на есть стряпчаго и ходатая вашего спросить... Мало, мало, если васъ на житье въ дальнія сибирскія губерніи сошлютъ, а — пожалуй! — приладятъ такъ, что и въ рудники попадете.

— Да, вотъ такъ... какъ-же! — горячился Викторъ.— Я и оттуда буду писать.

— Пишите, пожалуй. Мало только пользы-то отъ того вамъ будетъ... Хоть-бы и я теперь, за что?... За то только, что по вѣрѣ родителей моихъ жить желаю, попалъ сюда въ степи.

— Тебѣ-то пуще здѣсь худо... Ахъ, ты, борода! —

сказалъ Викторъ и тронулъ Емельянова за бороду. Онъ, видимо, начиналъ ужь ласкаться къ нему.

— Чтожъ? Конечно, что — благодареніе Богу: не потерялся еще совершенно, — отвѣчалъ тотъ, стыдливо потупляя глаза. — Такъ Эммануилъ Захарычъ мнѣ и приказывать изволили: «пусть, говоритъ, онъ ѣдетъ въ Москву; будетъ получать отъ насъ по тысячѣ цѣлковыхъ въ годъ.»

— А какъ вы надуете, да не станете платить? — спросилъ недовѣрчиво Викторъ.

— Орудіе-то, вѣдь, ваше всегда при васъ; можете написать, что только захотите.

— Да, пиши тутъ, а вы преспокойно будете сидѣть и поглаживать себѣ бороды.

— Нѣтъ-съ, мы никогда не можемъ желать того, — отвѣчалъ серьезно Емельяновъ.

— А вы вотъ что! — продолжалъ Викторъ: — вы дайте мнѣ впередъ пять тысячъ цѣлковыхъ, да и баста!

Емельяновъ грустно усмѣхнулся.

— Такихъ денегъ у насъ, пожалуй, нынче и въ кассѣ-то нѣтъ — очень нынче дѣла плохи!

— Дайте векселя на разные сроки... Я подожду, — отвѣчалъ Викторъ.

— Это словно-бы не приходится, — произнесъ, не поднимая глазъ, Емельяновъ. — Вы, конечно, что господинъ, дворянинъ: слову вашему мы вѣрить должны; но, вѣдь, тоже человѣческая слабость, у каждаго она есть! деньги-то вы по векселю съ насъ взыскать-то взыщите, а писать-то все-таки станете.

— Для какого-же чорта я писать буду?

— Да, вѣдь, извините меня, я опять повторяю то-же: человѣческая слабость... Можетъ быть, къ пяти-то тысячамъ, вы — еще пожелаете съ насъ получить; вамъ-то это будетъ пріятно, а для насъ-то ужь оченно разорительно, а вы вотъ что-съ: по чести, ежели вамъ угодно,

теперь — тысячу, годъ вы промолчали — другую вамъ, еще годъ—третью.

— Нѣтъ, это невыгодно! — отвѣчалъ Викторъ: — теперь, по крайней мѣрѣ, дайте двѣ тысячи впередъ.

— Полторы извольте, безъ хозяина рѣшаюсь на то, по крайности буду знать, что дѣло покончено.

— Да, дѣло! Сквалыжники вы этакіе, — говорилъ Викторъ, какъ человѣкъ угнетенный и прижатый: — ну, давайте полторы тысячи!

— Слушаю-съ... Теперь я вамъ, значитъ, подорожную возьму, и хозяинъ еще говорилъ, чтобы мнѣ съ вами и въ Москву отъѣхать... Чтобы безъ сумленія для него было.

— Хорошо, мнѣ все равно; я вѣдь и тамъ буду про разныхъ соколиковъ писать.

— Извѣстно! За чтожъ такъ мы одни-то виноваты: надо и съ другихъ магарычи имѣть.

— Я имъ дамъ! Я тогда сочинилъ, такъ триста экземпляровъ сюда газеты выписали. Мнѣ теперь, — знаешь, сколько за сочиненіе будутъ давать.

— Точно что-съ, способность, дарованье на то отъ Бога имѣете! — подтвердилъ Емельяновъ и потомъ прибавилъ раскланиваясь:

— До пріятнаго свиданія, значитъ!

— Прощайте другъ любезный! — отвѣчалъ ему Викторъ, дружески пожимая руку.

XXIII.

Разореніе.

По случаю наступившаго апрѣля, балконъ въ клубѣ былъ отворенъ. Теплая весенняя ночь была совершенно тиха и спокойна; но за то волновались сердца человѣческія. Баклановъ стоя около этого самаго балкона и

созерцая безмятежную красоту природы, былъ блѣденъ, и губы у него отъ бѣшенства дрожали.

Ему что-то такое возражалъ Никтополіоновъ.

— Я то чѣмъ виноватъ, — говорилъ онъ.

— А тѣмъ, что вашими подлыми статьями вы уронили все дѣло.

— Да, такъ вотъ и я стану молчать!... Меня выгнали, а я буду говорить: прекрасно, безподобно!

— Отчего-же прежде вы лично мнѣ другое говорили?

— Я тогда служилъ тамъ! Чтожъ мнѣ товаръ-то свой хаять, что-ли? — отвѣчалъ нахально Никтополіоновъ.

Бакановъ едва владѣлъ собой.

— Знаете-ли, за подобныя вещи бьютъ по рожѣ, и бьютъ больно! — говорилъ онъ.

— Да, кто дастся! — отвѣчалъ Никтополіоновъ и преспокойно отошелъ.

Бакановъ постоялъ еще немного и, даже почернѣвъ отъ волновавшихъ его чувствованій, уѣхалъ домой.

Онъ прямо прошелъ въ спальню жены.

Евпраксія уже спала.

Бакановъ безъ всякой осторожности, разбудилъ ее.

— Поздравляю васъ, мы разорены!... — началъ онъ прямо.

— Что такое? — спрашивала Евпраксія, едва приходя въ себя.

— Такъ. Акціи наши падали, падали, а теперь за нихъ и ничего ужь не даютъ, — отвѣчалъ Бакановъ, садясь въ отчаяніи на свою постель.

— О, я думала, Богъ знаетъ что! — произнесла Евпраксія, почти совершенно успокоившись.

— Какъ что? Это для васъ не Богъ знаетъ что? — вскричалъ Бакановъ.

— Перестань, сумасшедшій: дѣтей напугаешь! — сказала Евпраксія и, встав, притворила дверь въ дѣтскую.

— Это для нея ничего!.. О, Боже мой, Боже мой!— повторилъ Баклановъ, воздвигая руки къ небу.

— Кто-жъ виноватъ? Самъ же! — сказала Евпраксія, зажигая свѣчку. Она знала, что сцена эта не скоро кончится.

— Я же! да, я! я хотѣлъ разорить и погубить семью. О, несчастный! — восклицалъ Баклановъ, колотя себя въ голову.

Евпраксія пожала плечами.

— Ну, подай только Богъ терпѣнье жить съ тобой,— сказала она.

— Что-жъ? Прогоните меня, какъ тварь какую-нибудь безчувственную, какъ мерзавца, подлеца!

— Ни то, ни другое; а человѣкъ безъ характера... Малѣйшая удача — мы ужь и на небесахъ: прекрасно все, безподобно! а неудача — сейчасъ и въ отчаяніе! Жизнь не гулянье въ саду: все можетъ случиться.

— Все! Хорошо все! Пятьдесятъ тысячъ потерять! О, я не перенесу этого и убью себя! — воскликнулъ опять Баклановъ въ бѣшенствѣ.

— Перестань, говорятъ тебѣ! — прикрикнула на него Евпраксія строго: — не ты одинъ, а многіе потеряли, и побѣдней тебя; можетъ быть, свои послѣдніе, трудовые гроши.

— Они теряли свои деньги, а я потерялъ чужія, ваши,— отвѣчалъ ядовито Баклановъ.

— Какія же чужія?... Если я принадлежу тебѣ, такъ деньги мои — и подавно, и кромѣ того... конечно, кто говоритъ, потеря довольно ощутительная; но все-таки несовсѣмъ еще разорены... Богъ дастъ, будешь здоровъ да спокоенъ, не столько еще наживешь...

Слова жены замѣтно успокоили Бакланова. Онъ хотя и сидѣлъ еще задумавшись, но не кричалъ ужь.

— Ну, что теперь станешь дѣлать? Что? — говорилъ онъ, разводя руками: — опять надо впрягаться въ

эту службу проклятую. Вы, пожалуйста, завтра же отпустите меня въ Петербургъ; я пойду искать должности.

— Сдѣлай милость, очень рада! — подхватила Евпраксія:—а то, вѣдь, ей-богу, скучно на тебя смотрѣть: скучаетъ, ничего не дѣлаетъ!

— Поѣду! — повторилъ Баклановъ, какъ бы самъ съ собою, и потомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, снова обратился къ женѣ:

— Вы на меня не сердитесь?

— Увѣряю тебя, нисколько.

— Ну, поцѣлуйте меня въ доказательство этого.

Евпраксія подошла и поцѣловала его.

— Мнѣ гораздо вотъ непріятнѣе было, когда ты тяготился семейною жизнью, а что потеряли часть капитала — велика важность! — сказала она.

— Ты великая женщина! — проговорилъ наконецъ Баклановъ, вздыхая и слегка отталкивая ее отъ себя.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже спалъ, а Евпраксія не спала всю ночь: спокойствіе ея, видно, было только наружное!

XXIV.

Сцена хоть бы изъ французскаго романа.

Слѣдующая ночь еще была теплѣе, темнѣе и тише. День этотъ былъ среда. У Софи, по обыкновенію, были гости и, какъ нарочно, очень много. Дѣвица Каролина-Марія-Терезія привезла къ ней двухъ сестеръ, выписанныхъ ею съ родины, тоже жить на счетъ ея друга. За дѣвицею Порховскою пріѣхало ровно четыре кавалера. Сама Софи, впрочемъ, была скучна и ни съ кѣмъ не говорила ни слова. Утомленная и доведенная еще до

Из фондов Российской национальной библиотеки

большей тоски болтовней гостей, она встала и пошла было въ заднія комнаты, чтобы хоть на нѣсколько минутъ остаться одной; но тамъ застала Иродіаду, сверхъ обыкновенія, въ платкѣ на головѣ, а не въ шляпкѣ. Софи отвернулась. Ей стало непріятно и точно страшно встрѣчаться съ своею прежнею повѣренной.

— Здравствуй! Гдѣ-жъ ты нынче живешь? — спросила она ее, чтобы что-нибудь сказать.

— На квартирѣ-съ.

— Не у мѣста еще?

— Нѣтъ-съ.

— И Софи опять возвратилась въ залъ.

Сѣвъ за рояль и взявъ на немъ нѣсколько аккордовъ, она все прислушивалась къ звонку, но никто не пріѣзжалъ.

Софи подозвала къ себѣ одного изъ молодыхъ людей.

— Садитесь тутъ, у моихъ ногъ, — сказала она.

Тотъ въ самомъ дѣлѣ помѣстился у ногъ ея.

— Ну, говорите мнѣ любезности, говорите, что я, какъ ангелъ, хороша, что вы отъ любви ко мнѣ застрѣлитесь.

— Первое совершенно справедливо, а второе нѣтъ; потому что жизнь свою и себя самого я люблю больше всего, — отвѣтилъ молодой человѣкъ, желая сострить.

— Охъ, какъ это неумно, вяло, натянуто! — говорила Софи. — Какія вы нынче всѣ пошлые.

Въ дѣвичьей, между тѣмъ, происходили своего рода хлопоты. Молодая горничная вошла съ графиномъ оршада и вся раскраснѣвшаяся.

— Ой, дѣвушка. Такъ устала, что силушки нѣтъ, — говорила она Иродіадѣ.

— Гдѣ у васъ чай нынче разливаютъ: въ спальнѣ барыниной? — спросила та.

— Да, все тамъ-же.

— Дай, я разолью.

— Ой, сдѣлай милость, голубушка! Мнѣ еще за сухарями надо бѣжать, — сказала горничная и сама ушла.

Иродіада пошла въ спальню Софи. Увидя, что на той полосѣ гостиной, которая была видна изъ спальни, никого нѣтъ, она обернулась задомъ къ туалету и оперлась на него; потомъ что-то такое щелкнуло, точно замокъ отперся, и Иродіада стала проворно класть себѣ въ карманъ одну вещь, другую, третью. Затѣмъ замокъ снова щелкнулъ. Иродіада отошла отъ туалета и стала около чайнаго стола.

Горничная возвратилась и пошла подавать чай, а Иродіада слѣдовала за ней съ сухарями. Лицо ея, при этомъ, было совершенно безстрастно.

Напоивъ гостей чаемъ, Иродіада стала сбираться домой.

Молоденькая горничная останавливала ее.

— Да накушайтесь сами-то чайку, — сказала она.

— Нѣтъ, благодарю, далеко еще идти, — сказала Иродіада и поцѣловалась съ своею бывшею товаркой.

— Прощайте! — сказала она ей несовсѣмъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Прощайте, ангелъ мой! — отвѣчала ей та ласково.

Въ одномъ изъ глухихъ переулковъ Иродіада сошлась съ мужчиной.

— Готово? — спросила она.

— Дожидается! — отвѣчалъ ей тотъ.

— Ну, веди!

Они пошли.

— Все сдѣлали-съ? — спросилъ ее мужчина какимъ-то почтительнымъ голосомъ.

— Все!

Пройдя набережную, они стали пустырями пробираться къ таможенной косѣ.

На самомъ крутомъ ея мѣстѣ, мужчина, который

былъ не кто иной, какъ Михайло, сталъ осторожно спускаться, придерживая Иродіаду за руку.

— Не оступитесь! — говорилъ онъ.

— Держись самъ-то крѣпче, а я за тебя стану!..

Спустившись болѣе чѣмъ до половины, Михайло крикнулъ:

— Мустафа!..

— Я! — отозвался снизу изъ лодки голосъ по татарски.

— Ты куда насъ повезешь? — спросилъ его и Михайло по-татарски.

— Въ деревню Оля... къ брату... лошадь дастъ тебѣ, и поѣдешь.

— Смотри, свиное ухо, не обмани!

— Что мнѣ тебя обманывать-то?

Михайло и спутница его соскочили въ лодку.

— Отчаливай! — проговорилъ Михайло; но татаринъ успѣлъ уже махнуть веслами, и они плыли.

Отъѣхавъ нѣсколько, татаринъ пріостановился.

— Пересядь, любезный, на эту сторону, а то очень ужь валитъ вправо-то, — сказалъ онъ Михайлѣ.

Тотъ всталъ и началъ пересаживаться; вдругъ почувствовалъ, что его что-то страшно ударило въ спину, и онъ сразу кувырнулся въ воду.

— Батюшки, тонетъ! утонулъ! — вскрикнула Иродіада.

Татаринъ, между тѣмъ, гребъ дальше.

— Постой, чортъ, дьяволъ, — кричала она, оборачиваясь то назадъ, то къ татарину; но тотъ продолжалъ грести, а потомъ вскочилъ и повалилъ ее самое въ лодку и наступилъ ей на грудь.

— Давай деньги! подай! — говорилъ онъ и полѣзъ ей за пазуху; но въ это время чья-то рука повернула лодку совсѣмъ вверхъ дномъ. Всѣ пошли ко дну.

У Иродіады глаза, уши и ротъ захватило водой; она сдѣлала усиліе всплыть вверхъ, и повыплыла. Въ сторонѣ она увидѣла, что-то такое кипѣло, какъ въ котлѣ.

Вдругъ на водѣ показался ея спутникъ и схватилъ ее за платье.

— Плыви за мной, — сказалъ онъ ей.

— Господи, онъ насъ нагонитъ, пожалуй! — говорила Иродіада, едва барахтаясь руками.

— Не нагонитъ, — отвѣчалъ ей спутникъ: — у тебя все въ карманѣ?

— Все... ой, тошнешенько, тону! — кричала Иродіада.

— Не утонешь, недалеко! — отвѣчалъ ей спутникъ и взялъ ее за косу. — Я нарочно рулемъ держалъ, не давалъ ему далеко отъ берега-то отбиваться,—говорилъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ, они черезъ нѣсколько минутъ были уже на берегу.

— О-о-ой! — стонала Иродіада.

— Пойдемъ, дѣлать нечего, пѣшкомъ, — сказалъ ей спутникъ.

— Пойдемъ! — отвѣчала она, едва переводя дыханіе, и вслѣдъ за тѣмъ оба скрылись въ темнотѣ.

На другой день къ пароходной пристани прибило волнами утопленника-татарина съ перерѣзаннымъ горломъ.

XXV.

Неошибочное предчувствіе Евпраксіи.

Послѣ разоренія своего, Баклановъ началъ еще болѣе скучать.

Здѣсь мы должны глубоко запустить зондъ въ его душу и изслѣдовать въ ней самые сокровенные и потайные закоулки.

Состоя при семействѣ и подчиняясь ему, когда около всего этого группировалось сто тысячъ денегъ и крѣпостное имѣніе, онъ полагалъ, что все-таки дѣло дѣлаетъ и, при подобной обстановкѣ, можетъ жить баричемъ. Но

Из фондов Российской национальной библиотеки

теперь, когда состояніе женино съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уменьшалось, значитъ, и этой причины не существовало. О, какъ ему, сообразивъ все это, захотѣлось и дали, и шири, и свободы!.. Мечты, одна другой несбыточнѣе, проходили безпрестаннымъ калейдоскопомъ въ его умѣ, а между тѣмъ онъ жилъ въ самомъ обыденномъ, пошломъ руслѣ провинціальной семейной жизни... Изъ-за чего-же было это безкорыстное и какое-то почти фантастическое убійство своего внутренняго *я*?

Въ одну изъ подобныхъ минутъ, когда онъ именно такимъ образомъ думалъ самъ съ собой, ему подали записочку. Онъ прочиталъ ее, сконфузился и проворно спряталъ ее въ карманъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ торопливо человѣку, мотнувъ ему головой.

Тотъ вышелъ.

Евпраксія, обыкновенно никогда необращавшая вниманія, какія и отъ кого мужъ получаетъ письма, на этотъ разъ вдругъ спросила:

— Отъ кого это?

— Тамъ, отъ одного знакомаго, — отвѣчалъ Баклановъ краснѣя.

— Покажи, — сказала ему Евпраксія, какъ-будто-бы и съ улыбкой.

— Нѣтъ, не покажу, — отвѣчалъ Баклановъ, тоже стараясь улыбаться.

— Покажи, говорятъ тебѣ! — повторила Евпраксія еще разъ и уже настойчиво.

— Нѣтъ! Я, вѣдь, писемъ къ вамъ не читаю.

— Читай; у меня секретовъ нѣтъ. Ну, покажи-же!— говорила она, и при этомъ даже встала и подошла къ мужу.

Тотъ все еще продолжалъ улыбаться; но карманъ, въ который спряталъ записку, прижалъ рукою.

— Покажи! — повторила настойчиво Евпраксія.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — сказалъ рѣшительно Бакла-новъ.

— Ну, хорошо-же! Я сама буду переписываться!— сказала Евпраксія, сѣла и заплакала.

Баклановъ не болѣе какъ во второй или въ третій разъ, въ продолженіе всего ихъ супружества, видѣлъ слезы жены.

— Это глупо, наконецъ! — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не глупо! — возразила ему Евпраксія:— пустой и дрянной вы человѣчишко! — прибавила она потомъ.

— Ну, можете браниться, сколько вамъ угодно,— отвѣчалъ Баклановъ и вышелъ.

— Что ты такъ разсердилась изъ-за такихъ пустя-ковъ, — сказалъ ей Валерьянъ Сабакѣевъ, бывшій сви-дѣтелемъ всей этой сцены.

— Нѣтъ, не пустяки! — отвѣчала она, продолжая рыдать: — вѣроятно, отъ какой-нибудь госпожи своей по-лучилъ.

— Ревность, значитъ,—замѣтилъ ей съ улыбкой братъ.

— Вотъ ужь нѣтъ!.. Пускай, сколько хочетъ, имѣетъ ихъ, — отвѣчала, впрочемъ, вся покраснѣвъ, Евпрак-сія. — Самъ-же, вѣдь, послѣ будетъ мучиться и тер-заться... мучить и терзать другихъ! — заключила она и ушла къ дѣтямъ въ дѣтскую; но и тамъ продолжала плакать.

Баклановъ все это время у себя въ кабинетѣ поти-хоньку одѣвался, или, лучше сказать, франтился на про-палую: онъ умылся, надѣлъ все съ иголочки новое платье, надушился и на цыпочкахъ вышелъ изъ дому.

— Когда меня спросятъ, скажи, что я гулять по-шелъ... Видишь, вонъ пальто и зонтикъ взялъ!—сказалъ онъ провожавшему его человѣку, а самъ, выйдя на улицу и пройдя нѣсколько приличное разстояніе, на-нялъ извощика и крикнулъ ему: «на набережную».

Передъ квартирой Софи, онъ соскочилъ съ экипажа и проворно ушелъ въ отворенную почти настежь дверь.

Софи, совсѣмъ растерянная, съ блѣднымъ и испуганнымъ лицомъ, встрѣтила его въ залѣ.

— Другъ мой, — говорила она, беря его за руку и ведя его въ гостиную:—заступитесь за меня, меня обокрали всю.

— Какъ?—спросилъ Баклановъ.

— Всѣ брилліанты и семьдесятъ пять тысячъ денегъ.

— Господи помилуй!—воскликнулъ Баклановъ:—но кто же?

— Должно быть прежняя моя горничная.

— Въ какомъ видѣ у васъ деньги были?

— Билетъ ломбардный.

— Именной?

— Не знаю, кажется.

Баклановъ пожалъ плечами.

— Есть у васъ, по крайней мѣрѣ, номера?

— Да, господинъ, который привезъ его ко мнѣ, нарочно записалъ въ столѣ у меня,—отвѣчала Софи, нѣсколько сконфузившись, и потомъ отворила туалетъ, гдѣ на стѣнкѣ одного потайнаго ящика были чьею-то осторожною рукой написаны номеръ и число билета.

Баклановъ списалъ все это.

— Ничего, поправимъ какъ-нибудь:—сказалъ онъ и, не объяснивъ болѣе, уѣхалъ.

Софи, оставшись одна, сидѣла какъ безумная.

Часа черезъ три Баклановъ возвратился.

— Я думала, что и ты меня покинешь, — сказала она ему.

— Нѣтъ! какъ можно! Я все уже сдѣлалъ: телеграфировалъ въ петербургскій банкъ и получилъ отвѣтъ, что по билету никому, кромѣ васъ, не выдадутъ.

— Но какъ же я-то получу?

Изображение предоставлено Российской национальной библиотекой

— Надобно вамъ самой ѣхать въ Петербургъ.—Поѣдемте вмѣстѣ; я тоже на дняхъ ѣду!

— Ахъ, я очень рада!—воскликнула Софи радостно, но потомъ нѣсколько покраснѣла.

— Только у меня жена ревнива,—прибавилъ Баклановъ съ улыбкою:—отсюда намъ нельзя вмѣстѣ выѣхать. У васъ есть какой-нибудь дорожный экипажъ?

— Отличная дорожная карета еще послѣ покойнаго мужа, — отвѣчала Софи.

— И прекрасно! — произнесъ Баклановъ, потирая руки. Въ головѣ у него строилась тысяча увлекательнѣйшихъ плановъ.

— Вы поѣзжайте впередъ и подождите меня въ первомъ какомъ-нибудь городкѣ; я васъ нагоню, а потомъ мы вмѣстѣ и поѣдемъ.

— Это отлично! — сказала Софи, смотря съ нѣжностью на него.

Баклановъ, въ эти минуты, рѣшительно казался ей ангеломъ-спасителемъ.

— Однако, прощайте, мнѣ пора. На меня и то ужь супруга сильно сердится!—сказалъ онъ—и хотѣлъ было поцѣловать у Софи руку, но она поцѣловала его въ губы.

Еще не старое сердце героя моего билось какъ птичка отъ восторга: у него наконецъ заводилась интрижка, чего онъ такъ давно и такъ страстно желалъ.

XXVI.

Кто такой собственно герой мой.

По векселю Эммануила Захарыча у Софи описали всю движимость. Она, по необходимости, должна была поскорѣй уѣхать.

Бакланову стоило страшныхъ усилій сказать женѣ,

Из фондов Российской национальной библиотеки

что онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Ему казалось, что она непремѣнно догадается и разрушитъ весь его планъ. Наконецъ онъ рѣшился.

— Сдѣлай милость, поѣзжай! — отвѣчала ему Евпраксія.

Подозрѣвая, что мужъ затѣваетъ какія-нибудь шашни въ ихъ городѣ, она въ самомъ дѣлѣ желала отправить его въ Петербургъ, гдѣ все-таки надѣялась, что онъ найдетъ какое-нибудь себѣ занятіе, и тогда уже переѣхать къ нему самой со всею семьей. Почтенная эта женщина, несмотря на то, что ей всего было только двадцать восемь лѣтъ, постоянно здраво и благоразумно разсуждала, и мужа за замѣчаемые недостатки не бранила и не преслѣдовала, а старалась излѣчивать его отъ нихъ!

Разговоръ о поѣздкѣ, по обыкновенію, окончился двумя, тремя фразами.

Баклановъ всегда этимъ ужасно возмущался.

— Это какіе-то олимпійскіе боги, которыхъ развѣ стрѣлы Юпитера могутъ потрясти, а обыкновенныя житейскія дѣла ихъ не трогаютъ,—говорилъ онъ про жену и тещу.

Но на этотъ разъ радъ былъ этому обыкновенію, и на другой же день собрался и поѣхалъ.

При прощаніи, ему жаль было немножко дѣтей, особенно когда старшій, Валерка, повисъ съ рыданіями у него на груди и, какъ бы предчувствуя долгую разлуку, кричалъ: «папаша, папаша, куда ты?»

Баклановъ, совершая столь безобразный поступокъ, только послѣ сообразилъ, какія онъ страшныя минуты переживалъ, не чувствуя и не сознавая ихъ нисколько. Самый младшій сынишко не плакалъ; но, своимъ серьезнымъ взглядомъ, какъ бы говорилъ: «Отецъ, что ты дѣлаешь? Смотри, я такъ рявкну, что воротишься у меня назадъ!» И въ самомъ дѣлѣ рявкнулъ.

У Бакланова при этомъ замерло сердце, и онъ сталъ спѣшить прощаться.

Евпраксія, по обыкновенію, была спокойна, и только какъ бы нѣсколько еще солиднѣе обыкновеннаго.

— Ну, пиши же, главное, о своемъ здоровьѣ, а потомъ и о дѣлахъ, — сказала она, когда мужъ цѣловалъ ея руку.

Проводивъ его, она ушла къ себѣ въ комнату и долго тамъ молилась.

За всѣ эти поступки, да вѣроятно и за предъидущіе, читатель давно уже заклеймилъ моего героя именемъ пустаго и дряннаго человѣка!

На это я имѣю честь отвѣтить, что герой мой, вопервыхъ, не герой, а обыкновенный смертный изъ нашей, такъ называемой, образованной среды.

Онъ праздно выросъ, не дурно поучился, поступилъ по протекціи на службу, благородно и лѣниво послужилъ, выгодно женился, совершенно не умѣлъ распоряжаться своими дѣлами и больше мечталъ какъ бы пошалить, порѣзвиться и попріятнѣй провести время.

Онъ представитель того разряда людей, которые до 55 года замирали отъ восторга въ итальянской оперѣ и считали, что это высшая точка человѣческаго назначенія на землѣ, а потомъ сейчасъ же стали, съ увлеченіемъ и вѣрою школьниковъ, читать потихоньку *Колоколъ*.

Внутри, въ душѣ у этихъ господъ, нѣтъ, я думаю, никакого самодѣланія; но зато натираться чѣмъ вамъ угодно снаружи — величайшая способность!

XXVII.

Выходъ въ ширь и гладь!

Іюльское солнце, часовъ въ семь вечера, свѣтило красноватымъ свѣтомъ. Идущая широкою полосою дорога

была суха и гладка. По сторонамъ, до самаго горизонта, разстилалась степь, зеленѣющая густою и пестрою травой. Нѣсколько вдали стояла почтовая станція Дыбки, загороженная растущимъ около нея тальникомъ. По степи гуляло цѣлое стадо дрохвъ, которыя то опускали, то поднимали свои головы. Едва виднѣвшійся человѣкъ на бѣговыхъ дрожкахъ объѣзжалъ ихъ.

На закраинѣ дороги сидѣлъ Баклановъ, щеголевато, по-дорожному, одѣтый. Около него лежалъ небольшой чемоданчикъ и пледъ.

На лицѣ его написано было нетерпѣніе.

Наконецъ показалась карета четверкою, и онъ радостно началъ махать рукой и шляпой.

Подъѣхавъ къ нему, карета остановилась, и изъ окна ея выглянуло прелестное лицо Софи.

— Александръ, это вы?—сказала она, точно не ожидая его встрѣтить тутъ.

— Да, позвольте ужъ!—говорилъ Баклановъ, кидая свой пледъ и чемоданъ въ ноги къ извощику, а потомъ отворилъ дверцы и самъ вошелъ въ карету.

Для предосторожности Софи ѣхала одна-одинехонька и даже безъ горничной.

— Ну, вотъ, наконецъ! — проговорила она, подавая Бакланову обѣ руки.

— Да, — отвѣчалъ тотъ, цѣлуя ихъ несчетно разъ.

— Ну, что жена?—спросила его потомъ Софи, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Э, ничего! — отвѣчалъ Баклановъ: — я намѣренъ, не вдругъ, разумѣется, а постепенно, разорвать совершенно мои брачныя узы.

— Зачѣмъ это? — проговорила Софи болѣе грустно, чѣмъ съ укоромъ.

— Невозможно! — воскликнулъ Баклановъ: — болѣе безобразнаго установленія, какъ бракъ, я рѣшительно ничего не знаю.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Софи продолжала грустно улыбаться.

— Точно двухъ лошадей припрягли къ дышлу: ровны ли у васъ ходъ и скорость вашихъ ногъ, или нѣтъ, все ступайте, не отпрягутъ ужь!

— Но какъ же дѣлать иначе? — спросила Софи.

— Дать болѣе свободное движеніе чувствамъ; тогда, повѣрь, между мужчинами и женщинами возникнутъ гораздо болѣе благородныя, болѣе наконецъ возвышенныя отношенія.

— А дѣти? — спросила Софи.

— Что-жъ такое дѣти?

— А то, что мужчина съ одною народитъ дѣтей, перейдетъ къ другой, а отъ другой къ третьей. Дѣти у насъ, бѣдныхъ женщинъ, и останутся на рукахъ и попеченіяхъ.

— Это вздоръ, chère amie, извини меня! — возразилъ Бакланов: — если я хоть сколько-нибудь честный человѣкъ, я женщину, у которой есть отъ меня дѣти, не оставлю совершенно, и если не буду ее продолжать любить, то все-таки матерьяльно обезпечу, а если я мерзавецъ, такъ и бракъ мнѣ не поможетъ. Сколькихъ мы видимъ людей, которые губятъ совершенно свои семьи!

— Но все-таки это немножко ихъ попридерживаетъ!

— Нисколько!

— Какъ нисколько? Посмотри, сколько этихъ несчастныхъ любовницъ кидаютъ.

— Да потому теперь любовницамъ и побочнымъ дѣтямъ мы даемъ мало цѣны, что у насъ, изволите видѣть, есть гораздо болѣе драгоцѣнныя существа — законная супруга и законныя дѣти, и что всего отвратительнѣе, тутъ во всемъ этомъ притворство таится. Вспомни, напримѣръ, хоть твой бракъ.

— Что-жъ мой бракъ? — воскликнула Софи: — я скорѣе вышла за какое-то чудовище, чѣмъ за человѣка; твоя жена — другое дѣло. Она милая...

— Прекрасно! — подхватилъ Баклановъ: — я поэтому-то, по преимуществу, и привожу себя въ примѣръ: жена у меня, дѣйствительно, милая, добрая, умная, красивая, но между тѣмъ я не могу любить ее, потому только, что она моя жена. Я, въ сущности, не развратный человѣкъ, никогда имъ не былъ и теперь не таковъ, и женѣ моей не измѣнялъ ни разу.

— Я думаю! — подхватила Софи.

— Увѣряю тебя... Но повѣришь-ли ангелъ мой, что каждая горничная, пришедшая ко мнѣ, въ своемъ новенькомъ холстинковомъ платьицѣ, подать поутру кофе, возбуждаетъ во мнѣ гораздо болѣе страсти, чѣмъ моя супруга. Вотъ, что оно значитъ, право-то по долгу!

— Очень просто! Женщина, которая принадлежитъ мужчинѣ, для него не представляетъ интереса, а другія напротивъ.

— Нѣтъ, тутъ не то! За любовницей всегда остается право — отплатить мнѣ тѣмъ же, такою же измѣной, и это всякаго удерживаетъ: любовниковъ вѣрныхъ своимъ любовницамъ гораздо болѣе, чѣмъ мужей женамъ. За женой же никакого нѣтъ права: она моя раба... я могу ее за измѣну себѣ судить въ судѣ... ее будетъ преслѣдовать общественное мнѣніе.

— Значитъ, надобно только, чтобъ одинакія права имѣли мужчины и женщины.

— Совершенно! — воскликнулъ Баклановъ: — во-первыхъ, чтобъ у женщинъ въ обществѣ былъ такой же самостоятельный трудъ, какъ и у мужчинъ, и чтобъ этимъ трудомъ онѣ такъ же были намъ необходимы, какъ и мы имъ своимъ... а что въ отношеніи сердечныхъ связей — надобно еще дальше идти: пускай, я иду по улицѣ въ страстномъ, положимъ состояніи.

— Ну? — сказала Софи съ улыбкой.

— Попадается мнѣ женщина, которая мнѣ нравится и въ подобномъ же настроеніи.

— Ну! — повторила Софи съ замѣтнымъ уже любопытствомъ.

— Мы объясняемся и сходимся, и ты себѣ представить не можешь: какое даровитѣйшее поколѣніе народилось бы такимъ образомъ.

Софи подобная теорія показалась очень уже смѣлою.

— У васъ, вѣдь, есть подобныя женщины. Мнѣ мужъ еще покойникъ сказывалъ, — проговорила она.

— О, то твари продажныя! Я говорю о физически-нравственныхъ влеченіяхъ, — сказалъ Баклановъ.

— Ну, тогда бы вы, мужчины, переубивали другъ друга: тебѣ бы понравилась одна, и другому она же.

— Пускай себѣ! Но все-таки въ этомъ случаѣ были бы искреннія и неподдѣльныя чувства, а не такъ какъ теперь: какая-нибудь молоденькая бабенка своему старому хрычу-супругу говоритъ: «папаша, папочка!» А онъ ей: «мамочка, мамочка!» а обоимъ: ей противно и подумать объ немъ, а онъ уже не думаетъ и ни о какихъ въ мірѣ женщинахъ.

— Вы это меня, что-ли описали? — спросила Софи.

— Да хоть бы и васъ, а при другомъ, напримѣръ, устройствѣ, вы глядите мнѣ съ любовью въ очи, и пусть васъ защищаетъ какой-угодно господинъ, я смѣло кидаюсь...

— Меня некому защищать, — сказала Софи, отодвигаясь нѣсколько въ уголъ кареты.

— Въ такомъ случаѣ я еще смѣлѣй кидаюсь! — воскликнулъ Баклановъ и въ самомъ дѣлѣ бросился къ Софи, обнялъ ее и началъ цѣловать.

Она сама его пламенно цѣловала.

— Васъ страшно любить!... — шептала она.

— Отчего?

— Вамъ наскучишь, и вы полюбите другую.

— Нѣтъ, женщину съ огонькомъ, съ истинною страстью, я никогда не разлюблю.

— Да гдѣ взять этого огонька, и какой онъ? — говорила Софи.

— О, тебѣ не для чего искать его!... Онъ у тебя въ каждомъ нервѣ, въ каждой жилкѣ сидитъ, — говорилъ Баклановъ.

— Мнѣ, знаешь, что кажется! — начала она, послѣ короткаго молчанія: — что я въ любви къ тебѣ очищаюсь отъ всей моей прошлой, ужасной жизни.

— А мнѣ тутъ главное дорого, — отвѣчалъ Баклановъ: — что у сердца моего покоится женщина не по долгу, а по чувству!

Из фондов Российской национальной библиотеки

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Изъ крѣпкаго лѣсу вырубленная кочерга.

На Васильевскомъ островѣ, въ пятой линіи, въ одномъ изъ старинныхъ и теплыхъ домовъ, на дверяхъ квартиры втораго этажа, красиво обитыхъ зеленымъ сукномъ, прибита была мѣдная доска съ лаконическою надписью *Тайный совѣтникъ Ливановъ*.

Въ небольшой уютной залѣ, въ небольшой затѣмъ гостиной — въ небольшомъ, потомъ, кабинетцѣ и спальнѣ жилъ сей мудрецъ вѣка сего. Холостякъ и сенаторъ, онъ каждодневно гулялъ верстъ по пяти пѣшкомъ, обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ, и врядъ-ли не имѣлъ еще маленькихъ развлеченій съ нанимаемою имъ молоденькою горничной, потому что та, проходя мимо него, всегда какъ-то стыдливо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, насмѣшливо потупляла глаза, да и самъ Евсевій Осиповичъ при этомъ смягчалъ и увлажнялъ нѣкоторою нѣжностью свой орлиный взглядъ.

Въ настоящій вечеръ, впрочемъ, при небольшомъ свѣтѣ отъ лампы, у Евсевія Осиповича, около столика, уставленнаго всевозможными сластями, сидѣло еще другое молодое существо, Софи Ленева.

Самъ Ливановъ былъ, видимо, въ добромъ и веселомъ расположеніи духа.

— На-ка, голубка, скушай эту дулю, — говорилъ онъ, подавая Софи огромную дюшеску.

Софи взяла и начала ее очищать ножемъ.

— Кушай-ка!... ишь, сласть какая! словно любовь сладка! — говорилъ Евсевій Осиповичъ.

— Нѣтъ, слаще! — отвѣчала Софи съ улыбкой.

— Слаще? — переспросилъ Евсевій Осиповичъ. — А ты сама много любила?

— Нѣтъ, немного.

Немного, да хорошо!

— Да, не дурно, — отвѣчала Софи лукаво.

У Евсевія Осиповича глаза поразгорѣлись.

— Ишь, вѣдь, ты какая прелесть — а? Прелестная!

— Состарѣлась ужь, дядюшка!... Какая ужь прелестная!

— Ты-то? Да ты еще каждаго человѣка можешь уморить и оживить.

У старика все больше и больше разгорались глаза.

— Что же я за страшная такая, что уморить могу?..

— Умретъ всякій!... — повторилъ Евсевій Осиповичъ какимъ-то растерянным голосомъ.

Онъ встрѣтилъ Софи совершенно случайно въ англійскомъ магазинѣ; потомъ самъ безпрестанно началъ ѣздить къ ней и ее звалъ къ себѣ.

Баклановъ у него тоже бывалъ, но гораздо рѣже.

— Ты, говоритъ, тамъ, — продолжалъ Евсевій Осиповичъ, не спуская глазъ съ Софи: — говорятъ, съ жидомъ какимъ-то старымъ жила?

Софи покраснѣла.

— Какъ вамъ дядюшка, не грѣхъ это говорить!..— произнесла она, не зная, обижаться ли ей или смѣяться.

— Право, говорятъ, — повторилъ Евсевій Осиповичъ.

— Софи отрицательно покачала головой.

— Ну, а этого любишь теперь?.. — прибавилъ онъ, таинственно и слегка показавъ глазами въ сторону.

— Какого этого?... — спросила Софи улыбаясь.

— Ну, этого, свистуна-то, Бакланова! — отвѣчалъ Евсевій Осиповичъ.

— Да что это? Что вы все выдумываете?

— Ну, вотъ, разсказывай!.. Вмѣстѣ живутъ въ одной гостиницѣ.

— Такъ что-же, что вмѣстѣ? Мы хорошіе знакомые, родня, пріѣхали и остановились въ отелѣ: я въ бельэтажѣ, а онъ, — я тамъ и не знаю гдѣ...

— Да, да, такъ вотъ и повѣримъ! — говорилъ Евсевій Осиповичъ: — ты, вѣдь, хитрая.

Онъ не безъ умысла хотѣлъ напомнить Софи то положеніе, въ которомъ она находилась.

— Мнѣ, дядюшка, рѣшительно все равно, что бы про меня ни говорили, — сказала она, замѣтно уже обидѣвшись.

— Это такъ! — подхватилъ Евсевій Осиповичъ: — «свободный духъ укажетъ мнѣ теченья путь стократъ!» продекламировалъ онъ даже стихами.

Софи опять слегка улыбнулась.

— Жизнь—вещь неповторимая!—продолжалъ онъ:— люби кого хочешь и какъ хочешь, коли желаетъ того душа твоя... Эти, напримѣръ, бесѣды у камелька, эти свиданья подъ сѣнью вѣтвей древесныхъ, въ присутствіи одной таинственной царицы ночи, волшебницы Гекаты— а? я думаю, въ сердцѣ твоемъ поднимаютъ самыя тончайшія фибры.

— Я не знаю,—отвѣчала Софи.

— Духъ человѣческій, — говорилъ Евсевій Осиповичъ, нахмуривая брови: — замкнутъ, заключенъ въ нашихъ тѣлесахъ, но при этомъ, такъ сказать, нервно-электрическомъ потрясеніи, онъ обособляется, внѣ предѣловъ своей прежней силы становится: человѣкъ въ эти минуты міръ объемлетъ... травъ прозябаніе чувствуетъ... слышитъ горный полетъ ангеловъ... какъ вотъ этотъ нынѣшній,

милый поэтъ, Фетъ, кажется, сказалъ: «Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ, разсказать, что солнце встало, что оно горячимъ свѣтомъ по листамъ затрепетало» — этакая, напримѣръ, тончайшая способность радоваться и наслаждаться природой, и все отъ любви это, — великое дѣло любовь.

— Великое, великое! — повторила за нимъ и Софи.

— Богатства твои! — продолжалъ Евсевій Осиповичъ, устремляя пламенный взглядъ на свою слушательницу: — неистощимы; не скупись на нихъ и дай, какъ древняя гетера, отъ твоей роскошной трапезы вкусить и воину, и мудрецу, и юношѣ, и старцу!

— Что́ вы, благодарю васъ, я не хочу этого! — воскликнула Софи.

— Захоти, не маленькая, какъ говоритъ россійская поговорка: ахъ, ты, лапка! — заключилъ онъ и поцѣловалъ у Софи руку, а потомъ вдругъ прибавилъ:

— А что ты любишь деньги?

— Люблю, — отвѣчала та.

— А много у тебя ихъ?

— Есть-таки!

— А все, чай, меньше, чѣмъ у меня?

— А у васъ много?

— Много! тысячъ триста однѣми чистыми деньгами, кромѣ имѣнья и вещей... Все-бы, кажется, отдалъ, кабы какая-нибудь лапка полюбила.

— А вамъ еще хочется, чтобы васъ полюбили? — спросила Софи.

— Очень!... очень!... — отвѣчалъ почти съ азартомъ Евсевій Осиповичъ. — Во мнѣ есть что-то нестарѣющееся; какъ говорится: старъ да пѣтухъ, молодъ да протухъ — понимé?

— Какъ не понимé, — отвѣчала Софи.

Евсевій Осиповичъ умѣлъ на всѣ тоны говорить: — и тономъ ученаго человѣка, и государственнаго мужа, и просто русскаго балагура.

— Здѣсь, вѣроятно, охотницы найдутся, — сказала Софи.

Старикъ началъ ее ужь искренно забавлять.

— Чтожъ найдутся?... У насъ вѣдь тоже, мать, рыло есть: разберемъ, что барское, что хамское... давай намъ настоящаго!.. Вотъ этакая-бы, напримѣръ, прелесть, какъ ты, полюбила, — распоясывай, значитъ, мошну на всѣ ремни!

— Я? — спросила Софи и захохотала.

— Все-бы отдалъ, всего-бы имѣнья наслѣдницей сдѣлалъ!—продолжалъ Евсевій Осиповичъ, какъ-бы не слыхавъ сдѣланнаго ему вопроса.

Софи пожала плечами.

— Я, дядюшка, не торгую моими чувствами, — сказала она, явно обидѣвшись.

Евсевій Осиповичъ нахмурился.

— У васъ ихъ и не торгуютъ, а хотятъ заслужить ихъ...

Софи грустно усмѣхнулась.

— Очень ужь вы меня, дядюшка, дурно третируете,— произнесла она.

Лицо Евсевія Осиповича окончательно приняло злое выраженіе.

— Я третирую и третировалъ васъ, — началъ онъ съ разстановкой: — какъ прелестнѣйшую женщину, и если нѣсколько навязчиво возносилъ мой ѳиміамъ вашей красотѣ, то извините: я все-таки полагалъ, что бью по нѣжнымъ и могущимъ издать симпатичные звуки струнамъ женскаго сердца...

Слова эти сконфузили Софи; положеніе ея сдѣлалось несовсѣмъ ловко.

Евсевій Осиповичъ сидѣлъ молча и задумавшись.

— А что правда-ли, дядюшка, что имѣнія у насъ правительство выкупитъ?—заговорила она, чтобы возобновить хоть сколько-нибудь приличныя отношенія съ хозяиномъ.

— Не знаю-съ! — отвѣчалъ Евсевій Осиповичъ.

Софи опять на нѣсколько времени замолчала.

— Вы во дворцѣ, дядюшка, у государя бывали? — спросила она, надѣясь задѣть его за честолюбивую струну.

— Бывалъ-съ!— отвѣчалъ и на это лаконически Ливановъ.

Софи внутренно покатывалась со смѣху.

— Вы, должно быть, въ молодости, дядюшка, ужасно были любимы и избалованы женщинами? — свернула было она разговоръ на прежній предметъ; но и то не подѣйствовало: Евсевій Осиповичъ даже не отвѣтилъ ей!

Вслѣдъ затѣмъ раздался звонокъ.

Софи чуть не припрыгнула отъ радости на мѣстѣ, а Евсевій Осиповичъ только посмотрѣлъ на нее своимъ холоднымъ и стальнымъ взглядомъ.

Пріѣхалъ Баклановъ.

Евсевій Осиповичъ почти не отвѣтилъ ему на поклонъ.

— Я за вами, кузина,—сказалъ тотъ, обращаясь къ Софи.

— Ахъ, да, поѣдемте,—отвѣчала она, вставая и надѣвая шляпку.

Евсевій Осиповичъ продолжалъ сидѣть съ нахмуреннымъ лбомъ.

— Вы, дядюшка, пожалуете ко мнѣ въ пятницу? У меня будетъ кое-кто изъ моихъ знакомыхъ,—отнесся къ нему Баклановъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось довольно странное молчаніе. Евсевій Осипычъ, наконецъ, обратился къ Софи.

— А вы у него будете? — спросилъ онъ ее ядовито.

— Если позоветъ, — отвѣчала та, кутаясь въ шаль.

— Безъ сомнѣнія, — подхватилъ Баклановъ.

— Хорошо-съ, пріѣду, — сказалъ ему Евсевій Осиповичъ.

Молодые люди вскорѣ потомъ уѣхали.

Ливановъ продолжалъ сидѣть, по крайней мѣрѣ, часа два; лицо его почти безпрерывно то хмурилось, то волновалось.

Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что ему было около 70 лѣтъ.

II.

Баклановъ-эстетикъ.

Баклановъ поѣхалъ съ Софи въ одной каретѣ.

— Что этотъ господинъ надувшись такъ сидитъ? — спросилъ онъ.

— Не знаю, что-то не въ духѣ, — отвѣчала она, не находя видно нужнымъ объяснить болѣе подробно. — А ты у кого былъ? — прибавила она.

— У Проскриптскаго! — отвѣчалъ Баклановъ недовольнымъ голосомъ.

— Ну, и что же тамъ?

— Такъ, чортъ знаетъ что: три какихъ-то небольшихъ комнатки, и въ нихъ, по крайней мѣрѣ, до пятидесяти человѣкъ, и все это, изволите видѣть, новые, передовые люди...

И Баклановъ съ грустію развелъ руками.

— Въ мою молодость, когда я былъ здѣсь, — продолжалъ онъ: — Петербургъ былъ чиновникъ, низкопоклонникъ, торгашъ, составитель карьеры, все, что ты хочешь, но все-таки это были взрослые люди, которые имѣли передъ собой и не совсѣмъ, можетъ быть, чистыя, но очень ясныя и опредѣленныя цѣли, а тутъ какіе-то мальчишки, съ безсмысленными ребяческими стремленіями. Весь городъ обратился въ мальчишекъ...

— Но гдѣ же весь городъ? — возразила Софи.

— Разумѣется, не по числу, но все-таки на нихъ

смотрятъ, въ нихъ видятъ что-то такое... думаютъ, наконецъ, что это сила.

— Зачѣмъ же ты ѣздишь въ это общество, когда оно не нравится тебѣ? — спросила Софи.

— Чтожъ не нравится?... во-первыхъ, самъ хозяинъ очень умный человѣкъ, со свѣдѣніями, кабинетный только... все равно что схимникъ. Я зналъ его еще въ университетѣ. Онъ и тогда ничего живаго не понималъ... воздухомъ дышать не считалъ за необходимость, искусства ни одного не признавалъ, а только вотъ — вотъ этакъ, знаешь, ломать все подъ идею.

Софи покачала головой, какъ-будто бы и она въ самомъ дѣлѣ находила, что это не хорошо.

— Но самъ-то еще Богъ съ нимъ! — продолжалъ Баклановъ: — можетъ-быть, и искренно убѣжденъ въ томъ, что говоритъ... По крайней мѣрѣ, сколько я его знаю, онъ всегда болѣе или менѣе держался одного... но что это за общество, которое его окружаетъ, этотъ цвѣтъ послѣдователей его ярыхъ, это ужасно! — воскликнулъ Баклановъ.

— Кто-жъ это такіе? — спросила его Софи равнодушно.

— Разные господа, и статскіе и военные, нелѣпѣе которыхъ трудно что-нибудь и вообразить себѣ: въ головѣ положительно ничего! пусто! свищъ!.... Заберутся въ это пустое пространство двѣ-три модныхъ идейки... Что онѣ такое, откуда вытекаютъ? онъ и знать этого не хочетъ, а претъ только въ одну сторону, какъ лошадь съ колеромъ, а другіе при этомъ еще и говоруны; точно мельницы, у которыхъ нѣтъ нужныхъ колесъ, а есть лишнія: мелетъ, стучитъ, а ничего не вымалываетъ.

— Это ужасно! — повторила при этомъ Софи.

— Во-вторыхъ, наша братія помѣщики: одинъ изъ нихъ, напримѣръ, я глубоко убѣжденъ, крѣпостникъ адскій, а кричитъ и требуетъ въ Россіи фаланстеріи.

— Что такое фаланстерія? — перебила его Софи.

— Такъ, чтобы все государство сдѣлать въ родѣ фабрики или казармъ; чтобы люди одинаково жили и одѣвались.

— Что за глупости! — возразила Софи.

Баклановъ, въ отвѣтъ ей, пожалъ только плечами.

— Наконецъ, семинаристы-дуботолки, — продолжалъ онъ: — имъ еще въ риторикѣ лозами отбили печени и воспитали въ нихъ ненависть ко всему, еже есть сущаго въ мірѣ.

— Это смѣшные, должно быть! — замѣтила Софи.

— Да, не благоухаютъ, свѣтскостью! — подхватилъ Баклановъ: — наконецъ, здѣшніе студенты, которые ничего не дѣлаютъ и ничѣмъ не занимаются... Мы тоже ничего въ наше время не дѣлали, но по крайней мѣрѣ сознавали и стыдились этого, а они еще гордятся.... гражданами они, изволите видѣть, хотятъ быть, права земли русской хотятъ отстаивать.... какія?... кто ихъ просилъ о томъ?

И Баклановъ склонилъ даже голову.

— Чтобъ охарактеризовать этотъ кругъ, — прибавилъ онъ съ улыбкой: — дѣти вашего милаго Эммануила Захарыча тутъ, и въ числѣ самыхъ почетныхъ гостей.

— По богатству, можетъ быть, — объяснила Софи.

— То-то и есть, что нѣтъ! А по уму, по направленію своему. Они ходятъ, говорятъ, ораторствуютъ, Это дрянь баснословная! — воскликнулъ Баклановъ.

— Чтожъ, тебя-то это почему такъ тревожитъ? — спросила наконецъ Софи.

— Нѣтъ, это нельзя, нельзя! — говорилъ онъ: — этому надобно всѣми средствами противодѣйствовать!

— Но какъ же ты будешь противодѣйствовать?

— Я буду издавать журналъ на эстетическихъ, а не на случайныхъ основаніяхъ, и буду постепенно обли-

чать ихъ безсмыслицу и безобразіе. Главное, мнѣ Ливанова надобно затянуть въ это дѣло. Онъ человѣкъ умный и со связями съ настоящими учеными.

— Нѣтъ, онъ не станетъ: да теперь, я думаю, ничѣмъ ужь и заниматься не можетъ.

— Станетъ, потому что — что́ же можетъ быть почтеннѣе и благороднѣе для старика, какъ не возвращать общество къ человѣческому смыслу?

Софи опять покачала отрицательно головой.

— Не совѣтовала бы я тебѣ съ нимъ сходиться: будетъ еще чаще ѣздить къ намъ, а это очень непріятно! — проговорила она.

— Мнѣ кромѣ связей его, — подхватилъ Баклановъ: — надо для денегъ втянуть; у него ихъ пропасть, а у меня пока нѣтъ!

— Да денегъ возьми у меня сколько хочешь, а то я хуже проживу ихъ.

— Mercі. А ты много здѣсь прожила?

— Ужасно! тысячъ десять ужь.

— Боже мой! Боже мой! — воскликнулъ Баклановъ.

— Я не знаю, онѣ у меня, какъ вода, такъ и плывутъ изъ рукъ! — объяснила Софи.

III.

Евсевій Осиповичъ совсѣмъ прелестенъ!

Въ Знаменской гостиницѣ есть прекрасная читальная комната.

Баклановъ велѣлъ ее приготовить для своего вечера.

У содержателя отеля онъ взялъ серебряный самоваръ и весь серебряный сервизъ; сказалъ, чтобы служили двое людей, и велѣлъ имъ надѣть бѣлые галстухи.

Онъ любилъ эту маленькую роскошь и вообще привыкъ къ ней въ своей семейной жизни.

Из фондов Российской национальной библиотеки

На этотъ вечеръ, вмѣстѣ съ прочими гостями, былъ приглашенъ и авторъ сего разсказа.

Извиняюсь передъ читателемъ, что для лучшаго разъясненія смысла событій, я, по необходимости, долженъ ввести самого себя въ мой романъ: дѣло въ томъ, что Баклановъ былъ мой старый знакомый. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ довольно часто бывалъ у меня, толковалъ о томъ, о семъ; печалился, что нѣтъ ни одного чисто-эстетическаго журнала.

Получивъ приглашеніе, я предъугадывалъ, что умыселъ иной тутъ былъ.

По пріѣздѣ моемъ, Баклановъ прежде всего представилъ меня Софи, которая, совершенно какъ хозяйка, сидѣла за чайнымъ приборомъ.

— Ваша супруга? — спросилъ я, зная, что онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ женатъ.

— Нѣтъ, это кузина моя, m-lle Ленева! Она ненадолго пріѣхала въ Петербургъ и была такъ добра, что взялась быть у меня хозяйкой,

По маленькимъ розовымъ пятнышкамъ, выступившимъ при этомъ на щекахъ Софи, и по несовсѣмъ спокойному поклону, я сейчасъ-же понялъ, что тутъ было что-то такое, да не то!

Баклановъ, между тѣмъ, повернулъ меня и познакомилъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ, джентльменски одѣтымъ и съ чрезвычайно красивыми бакенбардами.

— Monsieur Юрасовъ!... нашъ бывшій губернскій стряпчій, а теперь оберъ-секретарь, — сказалъ онъ.

Я и безъ того, впрочемъ, догадывался, что это долженъ быть правовѣдъ или лицеистъ.

Баклановъ, затѣмъ, обернулъ меня въ третью сторону — тамъ стоялъ, въ толстомъ драповомъ сюртукѣ, съ низко опущенною на таліи сабельною перевязью, моденькій офицеръ, со вздернутымъ носомъ и вообще съ незначительною физіономіей.

— Monsieur Петцоловъ! — сказалъ онъ: — сынъ нашей бывшей губернаторши.

Я не безъ любопытства посмотрѣлъ на этого господина, бывшаго нѣкогда столь милымъ шалуномъ и теперь выросшаго почти до сажени. На мой поклонъ онъ поклонился полунебрежно и опять оперся на свою саблю. Этою позой онъ, кажется, по преимуществу былъ доволенъ.

Мы усѣлись.

— Я вотъ сейчасъ, — началъ Баклановъ: — разсказывалъ этимъ господамъ, что намѣренъ приступить къ изданію журнала чисто-эстетическаго.

Я покраснѣлъ и потупился при этомъ.

Послѣднее время столько господъ говорили мнѣ о своемъ намѣреніи издавать журналъ, столько приступали къ этому, что стало, наконецъ, совѣстно слушать, какъ будто-бы взрослый человѣкъ вамъ говорилъ: «А я вотъ сяду на палочку верхомъ, да и поѣду!»

«Ну и поѣзжай,» думалось мнѣ: «дуракъ этакій!»

Пробурчавъ что-то такое въ отвѣтъ Бакланову и воспользовавшись тѣмъ, что въ это время былъ разлитъ чай, я поспѣшилъ отойдти отъ него и сѣсть около хозяйки. Здѣсь мое вниманіе, чтобы не сказать сердце, было поглощено самымъ очаровательнѣйшимъ образомъ: изящнѣе и благороднѣе выраженія лица, какъ было у Софи, я не встрѣчалъ. Ея густые, смолянистые волосы лежали у ней на головѣ толстыми змѣями. Цвѣтъ кожи былъ нѣжности Киприды въ ту минуту, какъ та вышла изъ пѣны морской. Талія именно тамъ и возвышалась, гдѣ желалось того самому прихотливому вкусу, тамъ и съуживалась, гдѣ нужно было, чтобы было узко. Одѣта она была не то, чтобы какъ для дома, и не то, чтобы какъ для гостей.

«Господи!» думалъ я: «родятся-же на свѣтѣ такія красавицы, отъ одного созерцанія которыхъ чувствуешь неописанный восторгъ.»

Баклановъ, кажется, это замѣтилъ.

— Кузина почитательница вашихъ сочиненій, — сказалъ онъ.

— Ахъ, да, — отвѣчала Софи, кидая на меня убійственный взглядъ.

Но я видѣлъ очень хорошо, что ангелъ этотъ не читалъ ни строчки моихъ сочиненій, да и врядъ-ли что-нибудь читалъ!

На моемъ, довольно продолжительномъ вѣку, мнѣ приходилось видѣть три формаціи женщинъ: дѣвицъ и дамъ моей юности, которыя все читали; потомъ, въ лѣта болѣе возмужалыя, — дѣвицъ и дамъ ничего нечитавшихъ, но за то отлично наряжавшихся и превосходно мотавшихъ деньги, къ разряду которыхъ, собственно, и принадлежала Софи, и наконецъ, съ дальнѣйшимъ ходомъ разсказа, мнѣ, можетъ быть, придется представить вниманію читателя барышню совсѣмъ нынѣшнюю, которая мало что читаетъ, но сейчасъ все и на практику переводитъ.

Во время всѣхъ этихъ моихъ разсужденій, лакей вошелъ и доложилъ:

— Генералъ Ливановъ.

Баклановъ всталъ и, какъ человѣкъ свѣтскій, нисколько не принялъ раболѣпной позы, а, напротивъ, какъ-то еще небрежнѣй закинулъ волосы свои назадъ; но вошелъ рѣшительно величественный старикъ.

— Здравствуйте! — сказалъ онъ, кланяясь всѣмъ общимъ поклономъ, и потомъ тотчасъ-же сѣлъ напротивъ Софи.

Всѣ мы: молодцоватый Баклановъ, вашъ покорнѣйшій слуга, не совсѣмъ худощавый, сухопарый правовѣдъ и жиденькій Петцоловъ, показались противъ него рѣшительно дѣтьми, и одна только Софи спорила съ нимъ во впечатлѣніи, и то своею красотой.

Когда Ливановъ, бывъ еще не старымъ директоромъ,

докладывалъ однажды министру, тотъ вдругъ обернулся къ нему и вскричалъ:

— Да кто-же изъ насъ министръ, вы или я? Вы такимъ тономъ мнѣ говорите!

— Приближаясь къ розѣ, ваше высокопревосходительство, невольно пріемлешь ея запахъ! — отвѣчалъ на это Ливановъ.

И министръ повѣрилъ ему.

Я видѣлъ, что старикъ былъ одѣтъ въ самый новый парикъ, въ отличнѣйшій дорогаго сукна фракъ, въ брилліантовыя запонки и въ щегольской рубашкѣ. Отъ него такъ и благоухало тончайшими духами.

Баклановъ сталъ ему рекомендовать насъ.

При моей фамиліи, Ливановъ нѣсколько подолѣе и попристальнѣе, чѣмъ на другихъ, остановилъ свой взглядъ на мнѣ.

Софи налила чаю и подала ему.

Онъ ее поблагодарилъ величественнымъ, но молчаливымъ наклоненіемъ головы.

Баклановъ, между тѣмъ, все что-то егозилъ и безпокоился.

— Мы вотъ, дядюшка, сейчасъ разсуждали, — началъ онъ: — какое безобразіе нынче происходитъ въ литературѣ: Пушкина называютъ альбомнымъ поэтомъ, и всюду лѣзетъ грязь и сало этой реальной школы! Какія были у насъ дарованія: какой-нибудь въ Москвѣ Варламовъ, Мочаловъ, здѣсь—Брюловъ, Глинка,—все это перемерло; другіе, которые еще остались — старѣются, новыхъ никого не является... Надобно-же какъ-нибудь все это поднять и возбудить!

Евсевій Осиповичъ, слушая племянника, при концѣ зажмуривалъ даже глаза, какъ-бы затѣмъ, чтобъ ярче вообразить себѣ рисуемую передъ нимъ картину.

— Возбудить никогда ничего нельзя-съ!... — заговорилъ онъ наконецъ. — Все возбужденное всегда ложно

и фальшиво: сила и энергія пьянаго человѣка не есть сила, сонъ напившагося опіума не есть успокоеніе.

— Но отчего? Я не такъ, можетъ быть, выразился; ну, не возбудить, а развить! — возразилъ ему Баклановъ

— Это все равно, не въ словѣ дѣло,—перебилъ его Евсевій Осиповичъ: — вамъ, напримѣръ, никакъ теперь не возбудить и не развить идеальной пластики греческой въ мірѣ, во всемъ человѣчествѣ нѣтъ этого представленія Вамъ Рафаэлевскихъ мадоннъ не возвратить, какъ не возвратить и самого католицизма съ его деталями. Вотъ вамъ, французская псевдоклассика и вообще вся эпоха ренессансъ были возбужденныя,— что онѣ принесли намъ? Звучныя, пустыя, безъ содержанія, слова, прихотливыя, затѣйливыя, но безъ настоящаго вкуса и смака формы.

Говоря это, Евсевій Осиповичъ взмахивалъ глазами то на меня, то на Софи, и вообще, кажется, хотѣлъ уронить этимъ споромъ въ глазахъ нашихъ Бакланова.

— Однако музыка есть еще до сихъ поръ! — воскликнулъ тотъ.

— Какая-съ? Революціонная! — подхватилъ Евсевій Осиповичъ: — вы слыхали ли a l'armi?... Пафосъ оперы на концѣ блеснувшихъ кинжаловъ, и раскусите это! — заключилъ онъ, подмигнувъ лукаво на всѣхъ гостей.

— Я совсѣмъ не то говорю: я не хочу только этого крайняго развитія реализма, — возразилъ было Баклановъ.

Но Ливановъ не обратилъ вниманія на его слова.

— Міръ есть, — продолжалъ онъ: — волнообразное и феноменальное обнаруженіе одного и того же вѣчнаго духа: одна волна встала, взошла до своего maximum и пала, не подымешь уже ее!... Не откуда этой силы взять и влить ее внутрь міра, да и отверстій нѣтъ для того!

— Вѣдь это, дядюшка, извѣстная, старая вещь: мистицизмъ и пантеизмъ! — возразилъ было опять ему Баклановъ.

— Что-жъ мистицизмъ! — воскликнулъ, весь побагровѣвъ, Евсевій Осиповичъ: — что вы мнѣ въ укоръ ставите то, чего вы и не нюхивали... Для моего Бога нѣтъ формы: я вѣрю въ его вѣчную, вездѣсущую и всетворящую силу. Шутку какую взяли: мистицизмъ и пантеизмъ! Такъ вотъ сейчасъ, какъ кругъ пальца повернулъ и порѣшилъ все!

При этихъ словахъ Евсевій Осиповичъ безпрестанно ужь кидалъ на меня взгляды; но я далъ себѣ слово сохранять молчаніе и, кромѣ того, нечего грѣха таить, больше всѣхъ ихъ разговоровъ меня занимала Софи.

«Все это, думалъ я, суета; а вотъ прелестное-то Божье творенье!»

Петцоловъ также, видно, раздѣлялъ мое мнѣніе и, положивъ по-прежнему руку на саблю, все время глядѣлъ на Софи.

Но въ разговоръ вмѣшался правовѣдъ и рѣшился какъ видно, поддерживать Бакланова.

— Вы изволите говорить, — обратился онъ вѣжливо къ Ливанову: — что не вольешь силы. Однако мы видимъ, что одинъ человѣкъ дѣлаетъ цѣлую эпоху: Петръ, напримѣръ.

— Что-жъ вашъ Петръ? — воскликнулъ и ему Евсевій Осиповичъ: — втиснулъ въ народъ нѣсколько насильственныхъ государственныхъ формъ, но къ чему они годны: и ваша канцелярская тайна, и крѣпостное право, да и войско ваше, пожалуй, такъ называемое регулярное.

— Однако безъ этого регулярнаго войска другія государства насъ завоевали бы.

— Ну, это еще старуха-то на-двое сказала; народъ цѣлый трудно завоевать. Онъ, какъ ежъ, колется со всѣхъ сторонъ. Въ 1612 и въ 1812 г. народъ отбилъ непріятеля, а вотъ какъ вы въ Крымъ-то съ однимъ регулярнымъ войскомъ пошли, такъ каково васъ отзвонили!

Формы государственныя нельзя-съ брать ни у кого; это не наука, которая обща всѣмъ!... Распорядки у каждой страны должны быть свои, сообразно цивилизаціи народа, его нравственнымъ, климатическимъ и географическимъ условіямъ, а у насъ, — на-те, вотъ вамъ бранденбургскіе законы, и валяй по нимъ: ни тпру, ни ну, ни въ сторону и вышло!.. Вы, вѣдь, кажется, оберъ-секретарь сената?

— Точно такъ.

— Хорошо у насъ идетъ, хорошо? — спрашивалъ Евсевій Осиповичъ.

На этихъ словахъ его я едва не вмѣшался: Ливановъ, вѣроятно, совершенно забылъ, какъ мы, съ нимъ въ 44 году обѣдали въ одномъ домѣ, и онъ громогласно и дерзко объяснялъ цѣлый обѣдъ, что все у насъ идетъ хорошо и все имѣетъ полнѣйшій историческій смыслъ. И что же теперь онъ говорилъ?

Бакланов, кажется, тоже это понималъ и былъ въ самомъ досадливомъ расположеніи духа.

— По вашему, значитъ, — началъ онъ: — надо признать въ искусствѣ совершеннѣйшій реализмъ; рисовать, напримѣръ, позволяется только видъ фабрикъ, машинъ, ну, и пожалуй, портреты съ нѣкоторыхъ житейскихъ сценъ, а въ гражданскомъ порядкѣ, разумѣется, соціализмъ: на полумѣрѣ зачѣмъ ужь останавливаться!

— Вы вотъ опять этакими большими вещами какъ мячикомъ играете! — началъ ему возражать сначала довольно тихо Ливановъ. — Соціализмъ? Что такое соціализмъ? Христіанство... сила, съ которою распадающаяся Греція смогла стать противъ вашего государственнаго Рима... религія рабовъ... надежда и чаянье бѣдныхъ и угнетенныхъ. Что вы на соціализмъ-то пофыркиваете. Оближите еще прежде пальчики, да потомъ его кушайте.

— Однако нельзя же, — возразилъ ему правовѣдъ:—

при томъ по крайней мѣрѣ состояніи, въ которомъ находится теперь Европа, приводить его въ практику: у насъ всѣ города, всѣ жилища выстроены не такъ.

— Я не знаю, что можно и что не можно, а знаю только, чего жаждетъ душа моя. Хочу, чтобы равенъ былъ человѣкъ человѣку: хитростью и лукавствомъ мы только вскочили одинъ другому на шею и ѣдемъ.

— Все это прекрасно, но мы безтолково къ этому идемъ! Посмотрите, что кругомъ васъ дѣлается! — воскликнулъ Бакланов.

— Не знаю-съ, толково ли, не толково ли, — отвѣчалъ ему почти съ презрѣніемъ Ливановъ: — но знаю, что идемъ мы!.. идетъ и Европа!.. шалитъ она, если, повременамъ, подкуриваетъ настоящему распорядку!... Всѣ очень хорошо понимаютъ, что человѣческія общества стоятъ на волканѣ. Вотъ откуда идутъ всѣ эти безпокойства и стремленія къ реформамъ; но врагъ идетъ, дудки! Не убаюкаете его ни вашими искусствами, открытыми для всѣхъ въ музеяхъ и картинныхъ галлереяхъ, ни божескимъ, по вашему мнѣнію, правосудіемъ вашихъ жюри, ни превосходными парламентскими рѣчами, ни канальскими словами въ Тюльери, — врагъ идетъ! и въ лицѣ англійскаго пролетаріата, и во французскомъ работникѣ, и въ угнетенномъ итальянцѣ, и въ истерзанномъ негрѣ, а тамъ, пожалуй, съ дуру-то, и мы русскіе попристанемъ, по пословицѣ, что и наша рука не щербата — а? Такъ ли, лапка? Горитъ ли при этомъ твое юное сердце? — заключилъ Евсевій Осиповичъ, обращаясь уже къ Софи.

— Очень, — отвѣчала она, не понявъ и половины его словъ.

— Внемли Богу истины и правды, человѣкъ! — продолжалъ Евсевій Осиповичъ, потрясая рукою: — изухищряйся умомъ твоимъ какъ знаешь, и спускай твой общественный корабль въ болѣе свободное и прави

море: не зажимай ушей отъ стона гладныхъ и хладныхъ! скорѣй срывай съ себя багряницу и сокровища свои, и кидай ихъ въ толпу, иначе она сама придетъ и возьметъ у тебя все...

Старика слушали со вниманіемъ даже стоявшіе тутъ лакеи.

Правовѣдъ началъ нѣсколько женироваться.

— Опасность, которую вы такъ поэтично описали, не такъ еще, кажется, близка! — возразилъ онъ несовсѣмъ, впрочемъ, самостоятельнымъ голосомъ.

— А если-бъ и не такъ близка?... Благородно оставлять дѣло въ такомъ положеніи?.. Благородно? — крикнулъ на него Евсевій Осиповичъ.

Вѣжливый оберъ-секретарь потупился.

— Покуда хлѣбное дерево не распространено по всему земному шару, дѣло нельзя поправить: для того, чтобы сдѣлать одного образованнаго человѣка, непремѣнно надобно пять, шесть чернорабочихъ силъ!

— Да что вы мнѣ все этими подробностями-то тычете глаза! — восклицалъ Евсевій Осиповичъ, вставая и смотря на часы. — Я вамъ говорю о голосѣ вѣчной и величайшей правды, раздающемся изъ-подъ всякаго историческаго, матеріалистическаго, эгоистическаго мусору; а вы мнѣ зажимаете ротъ мелочами... дрянью... сегодняшнимъ... Прощайте-ка, однако, мнѣ пора ѣхать къ министру на раутъ, — прибавилъ онъ и началъ со всѣми цѣловаться и даже офицера облобызалъ троекратно.

— Ну, сирена, столь же заманчивая и столь же холодная, поцѣлуй же и ты! — сказалъ онъ Софи.

Та его сейчасъ же поцѣловала.

— Прощайте-съ, — сказалъ онъ собственно мнѣ, лукаво улыбнувшись.

— Каковъ старичишка, а? — сказалъ Баклановъ, когда дядя уѣхалъ. — Эка шельма! — вскричалъ онъ и затопалъ ногами.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Софи покачала ему укоризненно головой.

— Не могу я, кузина, этого переносить! — горячился Баклановъ: — теперь вотъ о Богѣ, о вѣчной правдѣ и всетворящей любви говорилъ; а туда поѣдетъ, оду хвалебную Державина будетъ какому-нибудь господину читать. Что онъ у васъ въ сенатѣ, напримѣръ, дѣлаетъ? — обратился онъ къ оберъ-секретарю.

— Я не знаю, собственно, — отвѣчалъ тотъ, съ приличною ему скромностью: — это въ другомъ департаментѣ; но говорятъ, что слыветъ очень умнымъ человѣкомъ и ничего не дѣлаетъ, больше разсказываетъ старикамъ разные скабрезные анекдоты.

— А, каковъ каналья! — продолжалъ восклицать Баклановъ.

Но мнѣ старикъ, напротивъ, понравился: предаровитѣйшей натуры былъ человѣкъ!

IV.

Иродіада.

Черезъ нѣсколько дней Баклановъ опять пріѣхалъ ко мнѣ.

— Какой случай, — началъ онъ: — у кузины моей (при этомъ онъ немного покраснѣлъ) украдены были деньги въ билетѣ. Надняхъ ея воровка явилась въ банкъ; ее захватили, разумѣется, и теперь она пишетъ изъ тюрьмы, и проситъ пріѣхать къ ней меня или Софи.

— Зачѣмъ-же?

— Не знаю. Поѣдемте, пожалуйста; вдвоемъ насъ скорѣе, можетъ быть, пропустятъ.

— Извольте! — отвѣчалъ я.

Мы поѣхали: насъ сейчасъ-же пропустили и провели въ большую пріемную залу. Черезъ нѣсколько минутъ

къ намъ вышла Иродіада, худая, блѣдная, но все еще съ довольно красивымъ, или, по крайней мѣрѣ, умнымъ лицомъ.

Баклановъ со мною и съ нею отошелъ нѣсколько въ сторону.

Иродіада на меня подозрительно посматривала.

— Что тебѣ, любезная, нужно отъ меня? — началъ Баклановъ.

— Я, Александръ Николаевичъ, такъ какъ въ несчастіи моемъ взята была теперича за кражу денегъ у Софьи Петровны...

— Ну, чтожъ такое? Вѣдь, ты украла ихъ?

— Украла-съ, и такъ какъ я тоже теперь признаніе хочу сдѣлать во всемъ... не знаю, примутъ-ли отъ меня-то господа чиновники. Я желаю, чтобъ и вы были свидѣтелемъ тому.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Баклановъ: — но къ чему тутъ мое свидѣтельство?

— Я тоже теперь, — продолжала Иродіада, какъ-бы скорѣе говоря какую-то затверженную рѣчь: — жила, вѣдь съ господиномъ Мозеромъ.

— Знаю это, — произнесъ Баклановъ.

Я хотѣлъ было отойти въ сторону.

— Ничего, останьтесь! — сказалъ мнѣ Баклановъ.

— Останьтесь, ничего-съ! — повторила за нимъ и Иродіада: — тогда, живши у старой барышни, продолжала она: — словно въ царствѣ небесномъ была, покой въ душѣ и сердцѣ своемъ чувствовала, клятву даже имѣла, чтобы въ монастырь идти...

Проговоря это, Иродіада на нѣсколько времени замолчала и потупилась.

— Отчего-жъ ты не пошла? — спросилъ ужь я ее.

— Врагъ, сударь, дьяволъ не допустилъ мнѣ того! Какъ вольную въ руки взяла, вдругъ воли и свободы разной захотѣлось: вмѣсто монастыря къ Софьѣ Петровнѣ пошла-съ

— Ты, любезная, и тутъ могла-бы спасаться, — замѣтилъ ей Баклановъ.

— Нѣтъ-съ, сударь, какое ужь спасенье въ этакой суетѣ... При старой барышнѣ, бывало, какъ на колѣнкахъ цѣлыя ночи промаливалась, врагъ-то человѣческій иной разъ и подойдетъ, да, какъ видитъ человѣка-то кругомъ крестами огражденнаго, и отойдетъ, а тутъ какъ лба-то съ утра не перекрестишь, такъ доступъ ему всегда есть.

Мы невольно взглянули съ Баклановымъ другъ на друга.

— А тутъ онъ видитъ, что я клятву свою преступила, и самъ въ образъ человѣка вошелъ и въ когти взялъ.

— Это въ Мозера-то? — спросилъ Баклановъ.

— Да-съ, развѣ люди они? — отвѣчала Иродіада.

— Не люди?

— Нѣтъ-съ; Христа убили, что ужь тутъ!

Иродіада опять при этомъ потупилась.

— Не знаю, какъ примутъ отъ меня чиновники, — снова заговорила она: — а что этотъ самый Мозеръ... Конечно, что онъ человѣкъ теперь мертвый, а что онъ самый и бухгалтера въ острогѣ отравилъ и полковничьихъ людей убить господина подговаривалъ. Черезъ одного человѣка и переговоры шли; это я за вѣрное знаю.

Мы опять переглянулись съ Баклановымъ.

— Черезъ какого-же это человѣка? — спросилъ онъ.

— Для чего другихъ, сударь, путать? Про себя я ничего скрыть не желаю, а другихъ не для чего... Теперь и насчетъ смерти господина Мозера... можетъ, кого клепать станутъ... Я говорила господамъ чиновникамъ, они мнѣ на это только и сказали: «ну, говорятъ, плети больше,» а что это я ему смерть причинила.

— То-есть, отравила его? — спросилъ Баклановъ.

— Да-съ, тоже они, надругавшись и насмѣявшись надо мной, опять было стали ходить ко мнѣ и все спра-

шивали меня: кто это сочиненіе тогда написалъ-съ? Я имъ сначала сказала, а потомъ, какъ Виктора Петровича въ острогъ посадили, сама тоже испужалась, чтобъ и мнѣ чего не было, и сдѣлала имъ это.

— Чѣмъ-же ты отравила его?

— Мышьякомъ-съ... Для крысъ было, для дому-съ куплено, — въ чай имъ и подлила-съ.

— Неужели онъ не разчухалъ?

— Спрашивали-съ: что, говоритъ, чѣмъ это пахнетъ? Я говорю, вода у насъ не хороша.

— Сколько ты, однако, совершила преступленій! — невольно повторилъ я.

Иродіада посмотрѣла на меня.

— Что, сударь, такъ какъ, значитъ, перваго своего обѣщанія не сдержамши, все одно въ геенне быть должно... въ отчаянности все это больше дѣлала... Здѣшнія муки супротивъ адскихъ много легче, пускай ужь здѣсь помучатъ.

— Что-же это тебѣ тетушка Биби, что-ли, разсказывала? — спросилъ ее Баклановъ.

— Что, сударь, тетушка Биби? Не однѣ онѣ, и сама своимъ умомъ думала.

Баклановъ усмѣхнулся.

— Вы сдѣлайте милость, Александръ Николаичъ чтобы все это господа чиновники прописали.

— Вѣроятно, пропишутъ... Что имъ тебя жалѣть!

— Сдѣлайте милость! Я затѣмъ и писала къ вамъ-съ! — сказала Иродіада, а потомъ поклонилась намъ и уведена была солдатомъ въ свое отдѣленіе.

— Вѣдь, это религіозное помѣшательство! — говорилъ мнѣ Баклановъ, когда мы ѣхали съ нимъ домой: — изъ одного неисполненнаго обѣщанія цѣлый рядъ преступленій... Надѣлало-ли, я васъ спрашиваю, что-нибудь столько вреда человѣку, какъ религіи! — восклицалъ онъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

V.

Баклановъ — публицистъ.

Очень невдолгѣ герой мой началъ на моихъ глазахъ передѣлываться. Объ эстетическомъ журналѣ онъ не говорилъ уже ни слова, а напротивъ, — въ рѣчахъ его начали появляться такого рода фразы, что покуда самый послѣдній бѣднякъ не сытъ, ни одинъ честный богачъ не долженъ спать спокойно.

Всѣмъ этимъ онъ становился мнѣ безконечно милъ: какое общее я видѣлъ въ немъ явленіе всей этой шумящей около меня, какъ пущенная шутиха, жизни!

Софи также какъ-будто-бы становилась ко мнѣ все болѣе и болѣе благосклонною. Главною причиною ея вниманія служило, кажется, то, что, около этого времени, въ нашемъ постоянномъ обществѣ начала появляться любовь къ литераторамъ, и происходили, такъ называемыя, литературныя чтенія. Чтобы достать на нихъ билетъ, Баклановъ прискакалъ ко мнѣ, какъ сумасшедшій, велѣлъ мнѣ, по приказанію Софи, сейчасъ-же ѣхать и доставать. Я поѣхалъ и досталъ. Софи была на этомъ чтеніи. Я читалъ, и Софи это видѣла.

Но, впрочемъ, какъ разсказывалъ мнѣ Баклановъ, она говорила, что собственно душки были только Майковъ и Полонскій...

Передавъ это, Баклановъ однако сейчасъ-же прибавилъ, что Софи непремѣнно требуетъ, чтобы я сегодняже пріѣхалъ къ ней, и всѣ мы поѣдемъ прокатиться на рогатку.

Я зналъ, изъ какого суетнаго и минутнаго чувства былъ предметомъ вниманія, которое и прежде еще стяжалъ отъ коварныхъ петербургскихъ дамъ; но все-таки не могъ удержаться и поѣхалъ.

Войдя въ нумеръ Софи, мы вошли въ какое-то жилище феи. Она успѣла уже накупить себѣ ковровъ, бронзы, фарфора.

М-me Круаль, занявшая при Эммануилѣ Захарычѣ мѣсто Софи и пріѣхавшая послѣднее время съ нимъ въ Петербургъ, была у ней. Въ прелестной шляпкѣ и прелестномъ подобранномъ платьѣ, она, смотрѣла въ окно...

Софи тоже была совсѣмъ готова.

Петцоловъ, въ нѣсколько мечтательной позѣ, стоялъ, опершись на каминъ.

— Мы давно васъ ждемъ! — сказала Софи. — Вѣроятно все это monsieur Писемскій! Ему не хочется съ нами ѣхать.

— Напротивъ! — отвѣчалъ я и чувствовалъ, что покраснѣлъ при этомъ до ушей.

— Я съ monsieur Писемскимъ сяду на задней скамейкѣ, а madame Круаль съ monsieur Петцоловымъ на передней, а ты на козла съ кучеромъ! — сказала Софи Бакланову.

— Fort bien! — отвѣчалъ онъ.

Мы всѣ вышли и усѣлись.

Въ воздухѣ совсѣмъ почти стемнѣло.

За заставой вьюга начала слѣпить намъ глаза.

Тройка неслась, что есть духу.

Я чувствовалъ, что плечо Софи въ салопѣ прикасалось къ моей рукѣ и, при малѣйшемъ наклоненіи саней, она прижималась ко мнѣ.

По временамъ я видѣлъ ея лицо, блиставшее даже въ темнотѣ красотою.

Чортъ знаетъ, что такое происходило со мной!

За обѣдомъ я держалъ глаза потупленными внизъ и слышалъ только, что Софи и madame Круаль щебетали между собой, какъ птички. Изрѣдка къ нимъ приставалъ и Петцоловъ.

Баклановъ былъ что-то очень серьезенъ.

— Вы знаете, Иродіаду совсѣмъ выпустили изъ острога на поруки къ какому-то ковенскому купцу, — сказалъ онъ.

Я посмотрѣлъ на него.

— Какъ она говорила: въ полиціи ничего не записано, только и сказано, что билетъ Софи она нашла.

Я улыбнулся.

— Значитъ, все подкуплено. Можно-ли жить въ подобномъ государствѣ?

— Тутъ не государство виновато, — замѣтилъ я.

— Нѣтъ-съ, государство! — возразилъ, съ удареніемъ, Баклановъ. — Я вотъ написалъ было объ этомъ статью, не пропустили... Теперь пишу другую, о крестьянскомъ дѣлѣ, и тоже что будетъ — неизвѣстно.

— Поздно ужь! — сказалъ я.

— Что-жъ, нельзя-же такъ сидѣть, сложа руки,— возразилъ Баклановъ: — не знаю, я читалъ ее у Проскриптскаго; хвалятъ.

— Васъ тамъ дурачатъ, если хвалятъ, — сказалъ я ему серьезно.

Баклановъ нѣсколько этимъ обидѣлся.

— Вашимъ словамъ въ этомъ случаѣ нельзя вполнѣ довѣрять: вы человѣкъ другаго лагеря, — проговорилъ онъ.

— Какъ вамъ угодно! — отвѣчалъ я.

Въ это время встали изъ-за стола.

— Mesdames, voulez-vous danser? — сказалъ Баклановъ, садясь за рояль и начавъ веселую кадриль.

Madame Круаль сейчасъ сама подхватила Петцолова за руку и встала съ нимъ: но ему, кажется, хотѣлось не того: онъ ястребомъ глядѣлъ на Софи.

— Monsieur Писемскій! Со мной извольте, — скомандовала та.

Я, дѣлать нечего, пошелъ.

Софи явно со мной кокетничала.

— Сядемте лучше! — сказала она въ четвертой фигурѣ и ушла со мной чуть-ли не въ уголъ.

Я сѣлъ около нея.

— Вамъ все это, вѣрно, надоѣло... скучно!..— сказала она.

— Съ такой прелестной дамой, какъ вы, развѣ можетъ быть что-нибудь скучно, — отвѣчалъ я.

— А я развѣ прелестна! — спросила она невиннѣйшимъ голосомъ.

— Больше чѣмъ прелестны, вы красавица.

— О, какой вы льстецъ! — воскликнула Софи.

Въ это время Петцоловъ, съ нахмуреннымъ лбомъ давно уже стоялъ передъ нами и дожидался.

— Ахъ, какъ это несносно! — сказала Софи, нехотя вставая и переходя къ нему.

Петцоловъ, кажется, ужасно на нее сердился; но, не смѣя ничего ей сказать, окрысился на свою даму.

— Отчего вы не протанцуете канкана? — сказалъ онъ ей грубо.

— Voulez-vous? — сказала та.

— Madame Круаль хочетъ танцовать канканъ,— отнесся Петцоловъ къ Баклановy.

— Volontiers, — сказалъ тотъ и еще веселѣй заигралъ.

— И Софи должна танцовать, — прибавилъ онъ.

Француженка, поднявъ юпку платья, раза два мотнула ножкой.

— А вы? — обратился я къ Софи.

— Вы хотите? — сказала она и прошлась, ловко пошевеливая всею таліей и поднявъ платье довольно высоко. Обнаруженная при этомъ ботинка и чулокъ были восхитительны.

Баклановъ, однако, все еще занятый своими общественными соображеніями, прекратилъ наше удовольствіе и объявилъ, что пора ѣхать домой.

Мы усѣлись въ прежнемъ порядкѣ и понеслись.

— Я говорила monsieur Писемскому, — начала, обращаясь къ Бакланову, Софи: — что его, вѣроятно, ничто это не занимаетъ.

— Есть таки, есть холодокъ и безучастіе, — подхватилъ Баклановъ.

— А у васъ жаръ, только не вашъ, а вѣтромъ надутый, — объяснилъ я ему.

— Именно, именно! — подтвердила Софи, и прощаясь, крѣпко пожала мнѣ руку.

«О, сирена, сирена!»... подумалъ и я вмѣстѣ съ Евсевіемъ Осиповичемъ.

VI

Ощипанная вѣтвь благороднаго древа.

Наступило великое 19-е февраля 1861 года.

Въ Петербургѣ ожидали движенія въ народѣ.

Французскій и бельгійскій посланники съ утра еще велѣли заложить себѣ экипажи и поѣхали по стогнамъ града Петра, видѣть agitation du peuple, и только около Михайловскаго дворца увидѣли толпу помноголюднѣе.

— Enfin ce lion s'est reveillé! — воскликнули они и, выйдя изъ экипажа, подошли.

Въ толпѣ молодой парень, строго разговаривая, торговалъ у солдата старые штаны, а другіе смотрѣли на него.

Но за то «ce lion» пошевелился въ другихъ мѣстахъ: въ Безднѣ собралось тысячъ шесть народа, и тамъ разстрѣляли Антона Петрова.

Доктора говорили, что въ это время появилась новая болѣзнь, которую можно было назвать: *желчно-дворянскою*. Герой мой тоже заболѣлъ чѣмъ-то въ родѣ этого.

Послѣднее время я почти съ нимъ не видался.

Онъ, какъ самъ даже много разъ выражался, совершенно присталъ къ такъ-называемой крайней партіи и писалъ самыя рьяныя статьи. Только природное благодушіе его и все-таки порядочное воспитаніе не допускали его сдѣлаться окончательно петербургскимъ обличителемъ.

Я видѣлъ очень хорошо, что все это происходило изъ того-же чувства, по которому онъ ни за что-бы въ свѣтѣ не надѣлъ старомоднаго фрака, какъ-бы ни было ему удобно въ немъ!

— Искренности, искренности я больше желаю отъ васъ, Баклановъ! — сказалъ я ему однажды.

— Я совершенно искренень, совершенно!—отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ и нѣтъ! — кричалъ я ему.

— Совершенно, совершенно! — повторилъ онъ.

Софи я тоже видѣлъ всего одинъ разъ. Она попалась мнѣ въ превосходнѣйшихъ парныхъ саняхъ на Невскомъ, и нарочно остановившись, кричала мнѣ, укоризненно качая головою:

— Хорошо, хорошо!

Вскорѣ послѣ того я получилъ отъ Бакланова записку, въ которой онъ писалъ, что боленъ, и просилъ къ нему заѣхать.

Я поѣхалъ.

Больнаго я засталъ хоть не въ постелѣ, но желтаго какъ лимонъ.

— Что съ вами? — спросилъ я.

— Такъ, простудился...

Нѣсколько времени мы молчали.

— Я въ деревню ѣду, — заговорилъ наконецъ Баклановъ.

— Зачѣмъ?

Онъ грустно усмѣхнулся.

— Чтобы спасти хоть послѣднія крохи, а то разорился совершенно, не промотавъ самъ ни копѣйки.

Я взглянулъ на него вопросительно.

— За два года предъ симъ у меня состояніе было,— продолжалъ Баклановъ, пересчитывая по пальцамъ: — двѣсти пятьдесятъ душъ моихъ, двѣсти пятьдесятъ женинныхъ, семьдесятъ пять тысячъ чистыми деньгами. Деньги всѣ ухнули на акціяхъ... Кредитныя мѣста были закрыты; чтобы жить, я занималъ въ частныхъ рукахъ, чортъ знаетъ подъ какіе проценты. Теперь мужики, разумѣется, не станутъ платить оброковъ, ни ходить на барщину.

— Капитализируйте скорѣй!—сказалъ я ему на это.

— Чтожъ капитализировать? Сто-двадцать рублей за душу, а за вычетомъ частныхъ и казенныхъ долговъ — рублей по пятидесяти, да бумаги эти, вѣроятно, еще упадутъ на биржѣ, и такъ двухсотъ-тысячное состояніе превращается въ десятитысячное.

— Скорѣе кладите эти деньги въ землю, обработывайте ее.

— Да я не умѣю этого, непріученъ къ тому, — отвѣчалъ Баклановъ: — ни моимъ воспитаніемъ, ни тѣмъ правомъ, съ которымъ я владѣлъ моимъ состояніемъ; и такъ не я одинъ: а и Сидоръ, и Кузьма, и Петръ, цѣлое сословіе!

— Почти! — отвѣчалъ я.

— Чтожъ осталось дѣлать послѣ этого?

— Ступайте въ службу, — сказалъ я, несовсѣмъ искреннимъ тономъ.

— Именно! — подхватилъ Баклановъ: — самое ужъ потаенное мѣсто: совершенно не видать, годенъ ли на что человѣкъ или нѣтъ.

— Совершенно не видать, — подтвердилъ и я.

— Вѣдь это, я думаю, вздоръ, что нынче не то!— развивалъ Баклановъ. — Также, какъ и прежде, одни

только протеже возвышаются и любимы; также встряхиваютъ казну, также ничего не дѣлаютъ, а если дѣлаютъ, такъ пустяки.

Баклановъ въ этотъ разъ былъ очень золъ.

— Это ужасно, ужасно!—повторялъ онъ, ходя взадъ и впередъ.

— Чѣмъ отчаяваться, не лучше ли каждому взять себѣ за правило: «врачу, исцѣлися самъ,» — сказалъ я.

— Ну чтожъ? это одна только фраза... ахъ, кстати,— прибавилъ онъ: — Софи просила меня, не прочтете-ли вы у ней что нибудь... У ней соберутся: дядя нашъ Ливановъ, другъ нашъ правовѣдъ, Петцоловъ этотъ... Пожалуйста.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ я.

— Читать передъ Софи!... Это что-нибудь, должно быть, очень пріятное или, по крайней мѣрѣ, оригинальное!

VII.

Окончательная перемѣна.

Когда нашъ великій Пушкинъ ѣхалъ куда-нибудь читать въ великосвѣтскій салонъ, то ужь конечно своими двумя, тремя волшебными стихами побѣждалъ цѣлый рой красавицъ своевольныхъ.

Нашъ безцѣнный другъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, опахивая какъ бы вѣтромъ какимъ благоухающимъ сердца прелестнаго пола, возбуждаетъ въ нихъ самыя благородныя и возвышенныя чувствованія, давая имъ и философіи немного, и чувствъ, и страстей, сколько это принято въ хорошемъ обществѣ.

«Ольга» Гончарова, на нашихъ глазахъ, произвела на одну очень милую, умную и молодую даму такое впечатлѣніе, что она зажала себѣ глаза рукой, закачала

головкой и произнесла: «О, какъ бы я хотѣла встрѣтить Обломова, полюбить его и влюбить въ себя.»

На нашихъ, наконецъ, глазахъ, въ Александринскомъ театрѣ, зрительницы обливались горькими слезами въ *Грозѣ*, сочувствуя страстямъ Катерины.

Ничего подобнаго на іоту, на мизинецъ авторъ никогда не производилъ, своими слабыми твореніями, на прекрасный полъ. Къ равнодушію молодыхъ, прелестныхъ дамъ, какъ это ни грустно для него, онъ давно и совершенно ужъ привыкъ.

Да на чтожъ онъ, безумецъ, надѣялся, чего ожидалъ, ѣхавъ читать къ Софи?

Въ немъ какъ-будто бы два человѣка были въ эти минуты: одинъ изъ нихъ говорилъ, что онъ истерзаетъ эту бѣдную женщину скукою, что совершенно уже упалетъ въ ея глазахъ, а другой говорилъ: ступай! что тебѣ за дѣло до ощущенія другихъ; для тебя лично будетъ наслажденіе читать сему чудному существу, и поѣзжай!

И авторъ поѣхалъ.

Въ салонѣ Софи всѣ уже были въ сборѣ: Петцоловъ, въ этотъ разъ, на своемъ толстомъ, драповомъ сюртукѣ имѣлъ золотой аксельбантъ; Евсевій Осиповичъ пріѣхалъ, повидимому, на цѣлый вечеръ; у правовѣда бакенбарды замѣтно подросли и сдѣлались еще болѣе солидны.

— Merçi, monsieur Писемскій, merçi, — говорила Софи, ангельски улыбаясь и пожимая мнѣ руку.

Ливанову я поклонился, не подходя къ нему, и онъ, не привставая съ своего мѣста, склонилъ свою голову.

Съ Петцоловымъ мы тоже раскланялись издали.

— Что вы именно будете читать намъ? — спросилъ меня Баклановъ, блѣдный и худой.

— Послѣднюю мою вещь: *Старческій грѣхъ*, — отвѣчалъ я не безъ ударенія.

Я съ умысломъ хотѣлъ страданіями моего бѣднаго романтика намекнуть, кому надо, на мои собственныя чувствованія.

— Ахъ, это мой милый Іосафъ,—воскликнула вдругъ Софи.

— Вы читали? — спросилъ я ее. «Софи читала!» подумалъ я: «ужь въ самомъ дѣлѣ не влюбилась ли она въ меня!»

Баклановъ, между тѣмъ, отнесся къ Евсевію Осиповичу:

— Онъ будетъ намъ читать свое произведеніе *Старческій грѣхъ!*

Ливановъ опять величественно склонилъ свою голову.

— Все, что вышло изъ-подъ пера ихъ, мнѣ пріятно, — сказалъ онъ ласково-обязательнымъ тономъ.

— Господинъ Писемскій реалистъ, — сказалъ Петцоловъ.

Я ничего ему не возразилъ, а удивился только, что онъ знаетъ это ученое слово.

Читать меня Софи посадила противъ себя, и при этомъ я долженъ былъ сложить со столика *Петербургскія Вѣдомости, Современникъ и Русскій Вѣстникъ.*

«Странно что-то это,» думалъ я.

Евсевій Осиповичъ тоже сѣлъ противъ меня.

Петцоловъ наклонился за стуломъ Софи.

Баклановъ сѣлъ въ углу. Ему, видимо, было ни до чего.

Приступивъ къ чтенію, я хотѣлъ поскорѣе перейдти къ сценамъ любви; но, къ удивленію своему, замѣтилъ, что слушатели мои, какъ только я сталъ описывать гимназическое воспитаніе, ужасно заинтересовались.

На томъ мѣстѣ, гдѣ моего героя сѣкутъ, я видѣлъ, что большіе глаза Софи въ ужасѣ раскрылись. Я нарочно въ концѣ этой сцены попріостановился.

— Это ужасно! — говорила она. — У насъ въ пансіонѣ точно также... меня сѣкли!

— Васъ, Софья Петровна? Господи! — воскликнулъ я, воображая себѣ, какъ это можно, чтобъ ее сѣкли!

— Увѣряю васъ, а голодомъ такъ по цѣлымъ недѣлямъ морили!

— А помните, — отозвался изъ угла Баклановъ: — у насъ учитель латинскаго языка въ гимназіи — схватитъ за волосы и начнетъ таскать по-полу, да пинками еще бьетъ въ грудь.

— У насъ, въ корпусѣ, когда четыреста розогъ давали и мальчикъ закричитъ, такъ подлецомъ считали!— добавилъ Петцоловъ съ своей стороны.

Не дѣлали мнѣ никакихъ замѣчаній только правовѣдъ и Евсевій Осиповичъ. Послѣдній даже съ нѣкоторою гримасой сказалъ мнѣ:

— Продолжайте, пожалуйста!

Я перешелъ наконецъ къ сценамъ любви и чувствовалъ, что голосъ мой дрожалъ душевными нотами, которыя, казалось-бы, должны были проходить въ то сердце, въ которое предназначались.

Замѣчанія, впрочемъ, начались тогда только, какъ я началъ описывать разныя лица, къ которымъ Іосафъ ѣздилъ занимать деньги.

— Вотъ кто пропріетеры-то! — воскликнулъ Баклановъ, когда я прочелъ о скупомъ молодомъ купцѣ: — ихъ-бы надобно душить...

На томъ мѣстѣ, гдѣ я описывалъ пьянаго маіора, вмѣшался Петцоловъ.

— У насъ до сихъ поръ еще есть батальонный командиръ, который каждогодно по два мѣсяца пьетъ запоемъ.

— Читайте, пожалуйста, дальше! — перебилъ его, обращаясь ко мнѣ, Евсевій Осиповичъ.

Я продолжалъ.

Когда описывалось, какъ взяли Іосафа въ острогъ, какъ производилось слѣдствіе надъ нимъ, участіе со всѣхъ сторонъ было полное.

— Какой гадкій этотъ полиціймейстеръ! — замѣтила Софи.

Когда-же я прочелъ, какъ тѣло Іосафа въ тюрьмѣ, упавъ, звякнуло, она даже вздрогнула.

— Бѣдный! — проговорила она.

— Чудесно! чудесно! — воскликнулъ Бакламовъ.

— Какъ славно вы разныхъ этихъ канальевъ обрисовали! — замѣтилъ Петцоловъ.

— Этакіе случаи возможны только при закрытомъ судѣ, — замѣтилъ правовѣдъ.

— Конечно! — отвѣчалъ я ему.

Около двадцати уже лѣтъ мое авторское самолюбіе получаетъ щелчки оттуда и отсюда, и все-таки я не пріучилъ себя наблюдать, какъ и что вокругъ меня происходитъ.

Но видѣлъ и подмѣтилъ все это Евсевій Осиповичъ.

Въ продолженіе всего этого чтенія и отзывовъ, у него не сходила съ губъ насмѣшливая улыбка.

Стали поспѣшно подавать ужинать, и мы всѣ усѣлись.

Я посаженъ былъ около хозяйки.

— Чудесно! чудесно! — говорила она.

Я скромно, но не безъ удовольствія тупился.

— Вы вотъ, какъ видно, наблюдали жизнь, — обратился вдругъ ко мнѣ Евсевій Осиповичъ: — скажите: какая попреимуществу поражаетъ васъ въ теперешнемъ нашемъ обществѣ черта?

— Право не знаю! — отвѣчалъ я.

Мнѣ не хотѣлось съ нимъ говорить.

— Черта все-таки движенія впередъ, — подхватилъ Петцоловъ.

Евсевій Осиповичъ не взглянулъ даже на него.

— Черта торопливости! — продолжалъ онъ, исключительно обращаясь ко мнѣ. — У насъ все какъ-то скоро поспѣваетъ. Каково это выходитъ, того не разнюхивай очень, но за то скоро.

Я сначала и не понялъ, къ чему онъ эту рѣчь клонитъ.

— Вотъ у васъ вѣдь этотъ аксельбантъ академическій? — обратился онъ вслѣдъ за тѣмъ къ Петцолову.

— Да-съ, — отвѣчалъ тотъ серьезно.

— Я, напримѣръ, — продолжалъ Евсевій Осиповичъ, опять какъ-бы обращаясь ко мнѣ: — самъ нѣкогда въ молодости служилъ въ военной, знаю теперь весь верхъ военный, и, признаюсь, предполагалъ въ нашемъ воинствѣ всѣ возможныя добродѣтели: и храбрость, и честность рыцарскую, и стойкость, но никакъ ужь не ученость: такъ вотъ было и изживалъ съ тѣмъ вѣкъ, только разъ иду по Невскому, одинъ мнѣ попадается офицеръ съ ученымъ аксельбантомъ, другой, третій, наконецъ сотня: «Что такое, говорю, — это все ученые?» «Все ученые», говорятъ. Вотъ-те на! сразу тысячъ пять понадѣлали.

— Это не ученость, а знакъ одинъ! — проговорилъ было Петцоловъ съ насмѣшливою улыбкой.

— Знакъ — вещь важная-съ! — воскликнулъ ему Евсевій Осиповичъ: — для французскаго инженера кордѣ— предметъ Богъ знаетъ какихъ честолюбивыхъ мечтаній и трудовъ. Они, сдѣлавъ два, три открытія, стяжаютъ это... А вы вотъ, вамъ надѣли это, вы ужь думаете! «Э! баста! я ученый...»

Мнѣ самому, дѣйствительно, странно было видѣть на Петцоловѣ аксельбантъ.

Онъ покраснѣлъ и сказалъ какимъ-то глухимъ голосомъ:

— Я вамъ позволяю это говорить только какъ старику...

— Что мнѣ позволять-то? — возразилъ ему, нисколько не сробѣвъ, Евсевій Осиповичъ: — я говорю не лично про васъ, а про весь, во всей его окружности, фактъ.

Затѣмъ послѣдовало довольно неловкое и продолжительное молчаніе.

— Мысль лучше больше поощрять, чѣмъ гнать и преслѣдовать ее, — проговорилъ, наконецъ, какъ-бы сообразивъ Баклановъ.

— Это не мысль поощрять, — отвѣчалъ Евсевій Осиповичъ: — а безсмысліе, которымъ, извините меня, и вы и все общество полны: мы вотъ нѣсколько мѣсяцевъ были у васъ, и вы, въ противодѣйствіе общественному направленію, предполагали издавать какой-то эстетическій журналъ, а госпожа племянница, кромѣ какъ о своихъ букляхъ и юпкахъ, врядъ-ли о чемъ и думала въ то время, но сегодня — пріѣзжаемъ, и какихъ гражданъ въ васъ встрѣчаемъ: при каждомъ намекѣ на малѣйшее общественное зло, сердца ваши наполняются гнѣвомъ и негодованіемъ. Она, напримѣръ, молодая и, вѣроятно, еще пылкая женщина, проходитъ съ невниманіемъ и зѣвотой, когда ей читаютъ, со слезами въ голосѣ, про любовь: нѣкогда ей заниматься симъ бреннымъ удовольствіемъ; въ ней одинъ огонь горитъ, огонь гражданки!

Софи сидѣла потупясь, но Баклановъ поблѣднѣлъ.

— Не годы-же употреблять на то, чтобы начать честно думать! — проговорилъ онъ: — для другихъ, кто постарше, конечно, это трудно; но намъ еще, слава Богу, не семьдесятъ лѣтъ!

— Нѣтъ-съ годы! — закричалъ на него Евсевій Осиповичъ: — мало того, десятки лѣтъ... столѣтія! Прочтите-ка хорошія исторіи, и поучитесь, какъ и какими испытаніями дѣлались настоящіе-то граждане; а то вотъ она,— прибавилъ онъ, снова показывая головой на Софи: — то, что есть въ ней, она скрываетъ, а къ чему участвуетъ, то — лжетъ — того нѣтъ у ней въ душѣ.

— Ну, ужь и лгунья я! — сказала Софи.

Баклановъ опять заступился за нее.

— Откуда-же къ вамъ-то, дядюшка, разныя христіанскія, соціалистическія и мистическія идеи пришли?—спросилъ онъ насмѣшливо: — жизнь ваша не совсѣмъ-же согласна со всѣмъ этимъ была.

— На меня вамъ нельзя указывать-съ! — вывернулся Евсевій Осиповичъ: — я родился, выросъ и жилъ въ вѣкѣ

рабства и холопства, я долженъ былъ вилять хвостомъ, а вы призваны на болѣе чистое служеніе.

Говоря это, онъ уже поднимался.

— Благодарю! — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — вашъ полетъ не высокъ, не орлиный, но не лживый.

И, отдавъ прочимъ холодный поклонъ, вышелъ.

— Да ты сказала ему, что мы завтра уѣзжаемъ? — обратился Баклановъ къ Софи.

— Сказала, за это и бѣсится, — отвѣчала она съ улыбкой.

— А вы завтра уѣзжаете? — спросилъ я.

— Уѣзжаемъ, monsieur Писемскій, уѣзжаемъ! — отвѣчала Софи съ сожалѣніемъ.

— Она ѣдетъ въ свое имѣньице, а я въ свое! — подхватилъ Баклановъ.

Я на это молча только поклонился.

«Такъ вотъ чѣмъ наслаждались въ моемъ произведеніи, думалъ я, ѣдучи домой: — да и то, по словамъ Евсевія Осиповича, притворно!»

VIII.

Что собственно занимаетъ ее.

Сердце мое не утерпѣло:

На другой день я поѣхалъ проводить моихъ друзей на желѣзную дорогу.

Въ первой-же, со входа, комнатѣ, я встрѣтилъ Баклановa, съ дорожною сумкой черезъ плечо и въ фуражкѣ.

— Мегсі, Писемскій, — сказалъ онъ, съ чувствомъ пожимая мнѣ руку и даже цѣлуясь со мной... — Софи тамъ, въ отдѣленіи перваго класса.

Я прошелъ туда, и такъ случилось, что подошелъ къ Софи сзади. Возлѣ нея, низко, низко наклонясь, стоялъ

Петцоловъ. Я невольно пріостановился и не подходилъ къ нимъ.

Говорила Софи.

— Онъ несносенъ... Теперь онъ разоряется и выходитъ изъ себя, какъ будто-бы я въ томъ виновата, тогда какъ я живу рѣшительно независимо отъ него...

— Надобно не зависѣть и отъ любви къ нему.

— Я его не люблю...

— Надобно доказать это на дѣлѣ.

Софи грустно покачала головой.

— Для женщины это не такъ легко, — сказала она.

— Для умной женщины это должно быть совершенно легко, — проговорилъ Петцоловъ, и потомъ довольно небрежно прибавилъ: — Я буду писать къ вамъ!

Нѣтъ, невозможно, — отвѣчала Софи серьезно: — я лучше сама вамъ напишу.

— Но до тѣхъ поръ я умру.

— Нѣтъ, живите! — произнесла Софи явно нѣжнымъ голосомъ.

Я, можетъ быть, и еще-бы узналъ что-нибудь, но въ это время входилъ Баклановъ. Я поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

— Я все ищу! — сказалъ я.

— Да вотъ она, — отвѣчалъ онъ мнѣ.

Мы подошли.

Софи кинула на Бакланова разсѣянный взглядъ, но, увидѣвъ меня, рѣшительно просіяла радостью.

— Ахъ, monsieur Писемскій! Какъ это мило съ вашей стороны. Mercі, mercі, — говорила она и даже отодвинулась, чтобъ я сѣлъ рядомъ съ ней.

Я сѣлъ.

Мнѣ было немножко досадно на нее, но, главное, меня возмущалъ Баклановъ: неужели онъ ничего не видалъ, что кругомъ его происходитъ, или, можетъ быть, находитъ въ этомъ удовольствіе?

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Скажите, пожалуйста, вы ѣдете теперь къ семейству вашему? — спросилъ я его.

— Нѣтъ, семейство мое въ К... — отвѣчалъ онъ, какъ-то еще ниже склоняя свою потупленную голову.

Онъ, попрежнему, былъ замѣтно грустенъ.

— У васъ, вѣдь, есть дѣти?— продолжалъ я его пытать.

— Есть, — отвѣчалъ небрежно Баклановъ.

— Какъ вамъ, я думаю, грустно о нихъ; вы болѣе полугода не видали ихъ.

Баклановъ мнѣ на это ничего не сказалъ; а заговорилъ о чемъ-то съ проходившимъ мимо кондукторомъ.

Софи только мимолетомъ прислушивалась къ словамъ моимъ и продолжала грустно любезничать съ гусаромъ. Она въ этомъ случаѣ, кажется, нисколько не стѣснялась Баклановымъ.

— Вы до самой вашей деревни поѣдете съ Александромъ Николаичемъ вмѣстѣ?—спросилъ я ее.

— Нѣтъ, мы только по желѣзной дорогѣ... до Москвы.

— Но ваши имѣнія въ одной, вѣдь, губерніи?

— Да, но потомъ мы съ нимъ поѣдемъ въ разное, вѣроятно, время!...

— Нѣтъ, неправда, вмѣстѣ поѣдутъ, — сказалъ, подмигнувъ мнѣ, Петцоловъ.

— Какъ вы смѣете такъ говорить!—сказала ему Софи, больше шутя.

Объ этомъ предметѣ они, видно, совершенно свободно разговаривали.

Мнѣ ужасно хотѣлось сказать какую-нибудь дерзость Софи.

— Вы ужасная притворщица! — началъ я прямо.

— Не можетъ быть, нѣтъ! — воскликнула она.

— У васъ все только для наружности, и даже я знаю, что такое въ васъ есть искреннее.

— Ну что-же во мнѣ есть искренняго... что искренняго? скажите! — пристала она ко мнѣ.

— Сколько могу отгадывать, такъ любовь къ разнообразію.

— Въ чемъ къ разнообразію?

— Во всемъ.

— Совершенно вѣрно, совершенно! — подхватила Софи, дѣлая видъ, что не понимаетъ, къ чему я это сказалъ.

— Это такъ, да, — подтвердилъ и Петцоловъ.

Въ это время ударилъ звонокъ и всѣ встали.

Софи стояла, поправляя платье сзади. Хороша и величественна въ эти минуты она была божественно!

Баклановъ простился со мною нѣжно, и почему-то у насъ у обоихъ навернулись при этомъ слезы на глазахъ.

Софи, прощаясь съ Петцоловымъ, явно съ нимъ шепталась.

Я еще разъ видѣлъ ея лицо, когда она, сѣвъ въ вагонѣ, приложила его къ окну и еще разъ кивнула головкой мнѣ и Петцолову.

Мы пошли съ нимъ вмѣстѣ изъ вокзала.

— Скажите, что за отношенія у madame Леневой съ Баклановымъ? — спросилъ я невиннѣйшимъ голосомъ.

— Она живетъ съ нимъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ.

— И вы, кажется, несовсѣмъ къ ней равнодушны.

— Нѣтъ, что-же! Разумѣется, немножко! — отвѣчалъ онъ, не думая нисколько, видно, скрываться въ этомъ случаѣ.

— Ну, смотрите, Баклановъ васъ убьетъ: онъ бѣшеный, вспыльчивый!

— О, нѣтъ, у нихъ это совсѣмъ на другихъ основаніяхъ.

— На другихъ?

— Онъ можетъ дѣлать, что хочетъ; она тоже... по этимъ, знаете, новымъ правиламъ.

— По новымъ?

— Да, въ наше время убѣдились, наконецъ, что глупость-же хранить вѣрность, ревновать другъ друга.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Разумѣется! — подтвердилъ я.

Въ это время мы вышли на подъѣздъ. Онъ сѣлъ на превосходную пару, на которой я разъ видѣлъ Софи, и понесся по Невскому, зацѣпляя извощиковъ и пѣшеходовъ.

«И это тоже прогрессистъ! Несчастная, несчастная моя родина!» — подумалъ я.

Не объ общественномъ, разумѣется, служеніи говоримъ мы здѣсь. Благословенна будь та минута, когда въ обществѣ появилось стремленіе къ нему! Но гнѣвомъ и ужасомъ исполняется наше сердце, когда мы подумаемъ, въ чемъ положили это служеніе: въ проведеніи не то что ужь отвлеченныхъ мыслей, а скорѣй какихъ-то предвкушеній мыслей. И кто, наконецъ, эти соль земли, эти избранные, пришедшіе къ общественной трапезѣ!.. Остроумные пустозвоны, считающіе въ ловкой захлесткѣ рѣчи всю суть дѣла!... Торгаши, умѣющіе безконечно пускать въ ходъ небольшой запасецъ своей душевной горечи!... Всевозможныхъ родовъ возмужалые и юные свищи, всегда готовые чѣмъ вамъ угодно наполнить свою пустоту!...

IX.

Разсказы Венявиныхъ.

Перехожу снова къ объективному способу.

Незаконные мои любовники, пріѣхавъ въ провинцію, въ свой родной городъ, и остановясь въ грязныхъ нумерахъ лучшей гостиницы, — Софи въ одномъ нумерѣ, а Баклановъ въ другомъ, — осмѣлились дать о себѣ знать одному только старинному другу Бакланова, — Венявину. Тотъ сейчасъ-же, сначала прибѣжалъ одинъ, потомъ побѣжалъ за супругой.

Женатъ онъ былъ на доброй Машѣ, дочери священника. Первый разъ онъ увидѣлъ ее у Леневыхъ, пріѣхавъ

къ нимъ визитъ дѣлать, и сейчасъ же влюбился въ нее. Маша тоже въ него влюбилась. Они сочетались, и до сихъ поръ столько же разъ и съ такою же нѣжностью каждодневно цѣловались, какъ и въ первый день своего брака. Дѣтей у нихъ было человѣкъ десять.

Оба толстенькіе, оба коротенькіе, расфрантясь сколько возможно, они прибѣжали къ нашимъ петербургскимъ гостямъ, сильно взволнованные какъ пріятнымъ этимъ свиданіемъ, такъ и вообще разными совершившимися въ это время въ городѣ и около происшествіями.

Всѣ помѣстились въ комнатѣ Софи, которая, чувствуя себя не такъ здоровою, сидѣла печальная и грустная, завернувшись въ свою теплую, дорожную шаль.

Венявины безпрестанно говорили одинъ за другимъ и даже перебивали другъ друга.

— Я не помѣщикъ, а чиновникъ; но это невозможно, невозможно! — кричалъ Венявинъ, топорщась всѣмъ тѣломъ.

— Помѣщицу Коврову, — подхватила его толстенькая и совершенно съ ангельски-кроткимъ лицомъ супруга: — пошла она съ дѣвушкой въ баню, трое мужиковъ подошли къ окошку, да и смотрятъ. Она говоритъ: «Подите прочь!» Они пошли, да коломъ дверь-то снаружи и приперли. Всю ночь въ банѣ-то и просидѣла: кричала, кричала, никто въ цѣлой деревнѣ не отперъ!

— Да, да! — подтвердилъ и мужъ. — Она пришла къ губернатору жаловаться: а онъ ей говоритъ: «Вы отсталая, говоритъ, женщина, крѣпостница!...»

— Да кто онъ, изъ моряковъ, что-ли? — спросилъ Баклановъ.

— Изъ моряковъ.

— Ну, такъ вотъ что мнѣ про него въ Петербургѣ разсказывали: у него съ корабля упалъ матросъ — ему бросили тамъ что-то такое, вытащили его, и онъ сейчасъ-же велѣлъ дать ему сто линьковъ, зачѣмъ смѣлъ

закричать, когда упалъ въ воду; а теперь — человѣколюбивый эманципаторъ.

— Я тебѣ говорю, братецъ! — восклицалъ Венявинъ.

— Нашего старика таки удалили наконецъ! — Нашли несовременнымъ! — продолжалъ Баклановъ.

— Но, вѣдь, тѣ лучше были, честнѣе, — горячился Венявинъ: — тѣ откровенно по крайней мѣрѣ дѣйствовали, а это іезуиты: пошли ихъ царство небесное на землѣ вводить или какъ Иродъ младенцевъ рѣзать, они одинаково будутъ это дѣлать за жалованье.

— Поля-то, Господи, — вмѣшалась опять Маша, не менѣе мужа взволнованная: — поля-то у помѣщиковъ, этакія большущія, на половину стоятъ непаханныя и незабороненныя.

— Будетъ голодъ, непремѣнно, непремѣнно! — поддерживалъ Венявинъ.

— Этакъ непріятно и ѣхать въ деревню,—проговорила наконецъ Софи, все время молчавшая и даже врядъ-ли слышавшая, что кругомъ ея говорили.

— Ай, да вы и не ѣздите! Просто страшно! — подхватила Маша.—У папеньки столько теперь пріѣзжаетъ помѣщиковъ и останавливается: «Не можемъ, говорятъ, жить въ деревнѣ; очень ужь намъ грубятъ и обижаютъ насъ!»

— Скоро по дорогамъ, пожалуй, будутъ грабить! — прибавилъ, разведя руками, Венявинъ.

— Да что-й-то, Николай Гаврилычъ, какъ это ты такъ говоришь: будутъ!—прикрикнула на него Маша:— и грабятъ ужь! Вотъ, къ папенькѣ мужикъ за навозомъ ѣздитъ, какъ ѣхалъ пьяный въ воскресенье изъ города— ограбили!

— А мы сегодня ночью думали было выѣхать! — проговорила опять Софи.

— Ай, нѣтъ, душечка, Софья Петровна, ангелъ мой! Не ѣздите! — воскликнула Маша.

— Нѣтъ, нѣтъ! — подтвердилъ и Венявинъ.

Эти два кроткія существа насказали потомъ еще такихъ страховъ и ужасовъ, что даже сами испугались и побоялись идти пѣшкомъ домой, а попросили послать человѣка, нанять имъ извощика.

Баклановъ и Софи, по отъѣздѣ ихъ, не сказавъ другъ съ другомъ ни слова, разошлись по своимъ комнатамъ, и каждый, съ своими грустными мыслями, улегся почивать: видно, незаконная любовь также имѣетъ свойство охлаждаться, какъ и законная!

X.

Прежнее Ковригино.

Были сѣренькія, мокрыя сумерки.

По той же самой дорогѣ, съ которой нѣкогда мы начинали нашъ разсказъ, ѣхала Софи съ Баклановымъ, и какая разница была въ томъ поѣздѣ и въ этомъ: вмѣсто домодѣланныхъ крытыхъ саней и розвальней — лондонской сборки карета; лошади не крѣпостныя, а вольнонаемныя, идущія какою-то развалистою походкой. Высокій малый, извощикъ, сидѣлъ безъ всякой церемоніи и безпрестанно курилъ. Наконецъ, въ экипажѣ сидѣли не мужъ съ женой, а любовникъ съ любовницей, и не стыдились такъ ѣхать въ свое имѣніе.

Тетушка Биби, что чувствуютъ твои кости при этомъ!

Почтенная дѣвица сія, какъ только полученъ былъ первый манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, захирѣла и померла.

— Я родилась и умру госпожей своихъ людей! — были почти послѣднія ея слова передъ смертью.

Наслѣдницей она оставила Софи, единственно потому только, чтобъ имѣнье не досталось мерзавцу Виктору.

Когда въѣхали въ усадьбу, первое, что кинулось въ глаза, былъ домъ съ заколоченными окнами.

Баклановъ самъ долженъ былъ выйдти изъ экипажа, чтобы выкликнуть кого-нибудь изъ людей.

Онъ на первую попалъ на добрѣйшую и глупѣйшую Прасковью, сдѣлавшуюся теперь совсѣмъ старою дѣвкой.

— Госпожа ваша, Софья Петровна Ленева пріѣхала! — сказалъ онъ.

— Ай, батюшки, Господи! Барыня пріѣхала!—вскрикнула эта простодушная дѣвушка, и сначала пробѣжала опять въ кухню за ключомъ отъ задняго крыльца, отперла его, пробѣжала по дому и отперла переднюю; потомъ побѣжала въ кухню за свѣчкой и чтобы повѣстить другихъ людей.

Софи все это время сидѣла въ экипажѣ.

Наконецъ Баклановъ ее высадилъ, и они, въ сопровожденіи Прасковьи со свѣчой, вошли въ домъ. Оборванные въ залѣ обои висѣли огромными лопастями. Зимнія рамы были еще не вставлены, и къ нимъ пропасть наприставало околѣвшихъ мухъ. Круглое, въ золотой рамѣ, зеркало, какъ было въ похороны Биби завѣшено чернымъ флеромъ, такъ и оставалось; отовсюду пахнуло уже не ладаномъ и воскомъ, а какою-то могилой и сыростью.

Путники наши прошли въ гостиную. Тамъ, въ углу стояло старое кресло маіора, точно будто бы сейчасъ только сняли его съ нихъ.

Прасковья поставила свѣчку на столъ.

— Самоваръ прикажете-съ? — спросила она.

— Да! — отвѣчала Софи.

Добрушка эта убѣжала ставить самоваръ.

Баклановъ и Софи сѣли другъ противъ друга. Обоимъ имъ было грустно. Передъ обоими проходила ихъ прежняя молодость: сколько было надеждъ, въ какой богатой перспективѣ открывалась тогда будущая жизнь, и что-жъ въ итогѣ?

— Вонъ, у этого комода, помните? — сказала, съ грустною улыбкой, Софи, показывая глазами на простѣночное трюмо: — я въ первый разъ васъ поцѣловала.

— Да! — отвѣчалъ Баклановъ.

— А вотъ тутъ, помните, на диванѣ, я разъ, въ сумерки, прикурнула, а вы стали передо мной на колѣни, и вдругъ тетенька Биби вошла, какъ мы перепугались тогда! — продолжала Соня.

— Д-да! — отвѣчалъ и на это Баклановъ.

Его душу, въ эти минуты, волновало цѣлое море разнообразнѣйшихъ чувствованій.

Софи встала, подошла къ нему и оперлась на его плечо.

— Грустно мнѣ, другъ мой, грустно! — проговорила наконецъ она, склоняясь къ нему головкой.

Баклановъ обнялъ ее и посадилъ къ себѣ на колѣни.

— Что-жъ тебѣ грустно? — спросилъ онъ ее.

— Такъ... ты меня не любишь больше!

— Изъ чего же ты это видишь?

— Такъ... Ты все сталъ нынче говорить о женѣ своей; говоришь, что она умная, честная, чистая женщина.

Баклановъ ударилъ себя въ голову.

— О! — воскликнулъ онъ: — не напоминай мнѣ объ этой несчастной моей мученицѣ!

— Она твоя мученица, а я, значитъ, твоя злодѣйка. Вотъ, посмотри: ты ужь и плачешь о ней!

— Нѣтъ, не ее я оплакиваю, а долгъ свой, свои обязанности, надъ которыми я наругался, какъ подлецъ, какъ мальчишка какой!

— А я-то какъ живу всю жизнь! Господи, Господи! — воскликнула Софи, въ отчаяніи разводя руками.

— Нѣтъ! Тотъ безумецъ, — продолжалъ Баклановъ: — кто говоритъ, что въ бракѣ нѣтъ таинства. Самъ Богъ тутъ присутствуетъ, и онъ одинъ только можетъ освятить эти между людьми отношенія!

— Именно! — подтвердила Софи. — Я тебя, напримѣръ, очень люблю; а прямо и откровенно скажу: мнѣ жить съ тобой гораздо тяжелѣе, чѣмъ съ покойнымъ мужемъ моимъ. Тотъ мнѣ гадокъ, противенъ былъ; но я знала, что хоть страдаю, но не грѣшна и не преступна.

— Ну, стараго ужь не воротишь! — отвѣчалъ ей мрачно Баклановъ и поспѣшилъ спустить ее съ колѣнъ.

Входила Прасковья съ самоваромъ.

Софи сейчасъ же принялась сама хозяйничать.

— Подайте сливокъ! — сказала она.

Прасковья что-то переминалась.

— Не знаю, матушка, сбѣгаю, — начала потомъ она: — не доятъ, чу, барскія-то коровы, худыя такія!

— Какъ, неужели же всѣ не доятъ? Сколько же коровъ.

— Четыре коровы.

— Какъ четыре? — У тетушки, я думаю, ихъ было сорокъ!

— Околѣвали-съ, умирали... Нѣтъ ли хоть у крестьянъ у кого, схожу! — отвѣчала Прасковья и опять побѣжала.

Софи и Баклановъ, оставшись вдвоемъ, грустно усмѣхнулись.

Прасковья возвратилась и принесла жиденькаго молочка.

— Ну, ужь мы этого пить не станемъ, — сказала Софи, отодвигая молочникъ назадъ: — поѣсть намъ тоже вѣроятно, нечего?

При этомъ вопросѣ Прасковья даже покраснѣла.

— Ничего, кажется, нѣтъ-съ.

— И яицъ даже? — спросила Софи.

— Перевели барскихъ-то куръ тотчасъ же, какъ покойница-то барышня скончалась. У курятницы тоже дочка на волю выдана, все теперь и живетъ тамъ-съ.

Баклановъ начиналъ ужь выходить изъ себя.

— Ты вотъ скажи старостѣ, — продолжала Софи:— со мной нарочно пріѣхалъ братъ, прибавила она съ удареніемъ, показывая на Бакланова: — онъ завтра же приметъ все по описи, и я вступлю въ управленіе имѣніемъ *серьезно*.

— Слушаю-съ, — отвѣчала покорно Прасковья. — Вамъ гдѣ постель прикажете оправить, у тетеньки въ комнатѣ-съ? — спросила она. — Только въ ихъ комнаткѣ постелька-то и осталась.

— А прочія гдѣ же?

— Не знаю-съ.

— Хорошо, у тетки.

— А вамъ гдѣ прикажете-съ? — обратилась Прасковья къ Бакланову.

— Обо мнѣ не безпокойся, я вотъ хоть тутъ на диванѣ засну.

— Ты можешь идти, — сказала ей Софи.

Прасковья ушла.

Баклановъ пошелъ и заперъ за ней дверь.

— Ты, другъ мой, лягъ у меня въ комнатѣ, — сказала ему Софи.

— Непремѣнно! — отвѣчалъ онъ, и вскорѣ потомъ они со свѣчкой вошли въ комнату Биби.

Огромная кіота съ дорогими образами была заперта и даже запечатана печатью.

— Святыню-то Божью пощадили, не разворовали,— сказалъ Баклановъ.

— Да, ужасно какой народъ! — сказала Софи.

Затѣмъ, они, общими стараніями, отыскавъ подъ образами бутылку съ деревяннымъ масломъ и засвѣтивъ лампаду, улеглись: Софи за ширмами на теткиной постели, а Баклановъ на полу.

При каждомъ малѣйшемъ шумѣ на улицѣ или въ домѣ, они переговаривались.

— Что такое? — спрашивала обыкновенно сейчасъ же Софи.

— Не знаю! — отвѣчалъ тоже встревоженнымъ голосомъ Баклановъ, и потомъ ужь только прибавлялъ: — нѣтъ, ничего!

Они боялись, что мужики придутъ и убьютъ ихъ.

XI.

Староста старый и новый сельскій староста.

На другой день въ комнаты явилась опять одна только Прасковья и, какъ слѣдуетъ доброй, хорошей крѣпостной дѣвушкѣ, нѣсколько принарядилась по случаю радостнаго пріѣзда господъ.

— Что-жъ мы будемъ сегодня ѣсть?.. Ты пошли мнѣ човара.

— Нѣтъ его, пса этого. Косить ушелъ, верстъ за пятнадцать. Позвольте, я ужь состряпаю что-нибудь.

— Сдѣлай милость!.. На вотъ тебѣ денегъ.,. купи тамъ курицу, говядины, что-ли.

— Слушаю-съ. У своихъ-то не укупишь, въ Парѳеново сбѣгаю, куплю.

— Но скажи, пожалуйста, отчего-жъ меня всѣ такъ чуждаются?

— Ну, матушка, народецъ вѣдь у васъ... сами, я думаю, изволите знать!

Весь этотъ разговоръ происходилъ, когда Прасковья одѣвала Софи.

Та, придя пить чай, разсказала все это Бакланову.

— Вотъ я вамъ этого старосту вызову, — сказалъ онъ и вышелъ на крыльцо.

— Эй ты, любезный, — крикнулъ онъ проходившему по двору молодому дворовому малому, который, при

кидѣ его, сейчасъ же насупился и нахмурился, —пошли во мнѣ старосту сейчасъ же!

Парень, больше по привычкѣ повиноваться барскому голосу, повернулся и прошелъ въ старостину избу.

Баклановъ продолжалъ стоять на крыльцѣ.

Парень вышелъ изъ избы.

— Говорилъ-съ... — объяснилъ было онъ коротко и хотѣлъ уйдти ободворкомъ.

— Да ты не *говорилъ*, а чтобы сейчасъ онъ здѣсь былъ!... Зуба ни одного у канальи не оставлю... — заревѣлъ Баклановъ.

— Парень вернулся въ избу.

— Староста, мозглый и худенькій старикашка, наконецъ показался и подошелъ къ Бакланову.

— Ты староста? — спросилъ тотъ.

— Я, сударь, я,—отвѣчалъ тотъ, какъ-то плутовато тряся головой и точно пряча свои глаза.

— Пойдемъ къ барынѣ, къ госпожѣ твоей! — проговорилъ Баклановъ.

Староста пошелъ вслѣдъ за нимъ въ горницы.

— Вотъ онъ-съ! — проговорилъ Баклановъ, показывая на него Софи.

Та встала на ноги и собрала, сколько у ней было присутствія духа.

— Отчего вы не хотите ко мнѣ явиться? — сказала она.

— Намъ нельзя того! извините насъ, сударыня, на томъ! — сказалъ староста, попрежнему потупляя глаза.

— Отчего нельзя?

— Воля ужь, значитъ, теперь: какое явленье! Подъ неволю тоже опять голову-то сунешь, такъ и не выцарапаешь!

— Но воля сама по себѣ, а мое право на васъ само по себѣ, — говорила Софи.

Староста при этомъ даже усмѣхнулся.

— Нѣту, матушка, правъ этакихъ нынѣ! — проговорилъ онъ.

— Да ты извѣстенъ или нѣтъ о духовномъ завѣщаніи? — воскликнулъ ему Баклановъ.

— Да что, батюшка, конечно, что покойница тогда грѣхъ только изволила лишній на душу взять, писавши это самое; а что умереть изволила, значитъ, мы вольные: порядки-то нынче извѣстны-съ! — отвѣчалъ староста, не ворочая къ нему головы.

— Что жъ вы и работать на меня не будете? — спросила Софи.

— Никакъ нѣтъ-съ!

— И оброковъ платить мнѣ не будете?

— Нѣтъ-съ!

— Такъ я васъ заставлю! Ахъ вы, мерзавцы, бунтовщики! — вскричала Софи, вся поблѣднѣвъ.

Госпожа въ ней наконецъ проснулась. Она готова была своими хорошенькими ручками вцѣпиться старостѣ въ волосы.

— Сейчасъ чтобъ у меня просили прощенія, сейчасъ! — продолжала она, стуча ножкой.

— Міръ-то меня, сударыня, можетъ, теперь поѣдомъ съѣсть, что я и въ домъ-то васъ допустилъ! — возражалъ ей староста.

— Меня въ домъ? — воскликнула Софи, ударяя себя въ грудь.

— Да какъ же, помилуйте, домъ общественный!

— При этомъ Софи и Баклановъ переглянулись между собой.

— Calmez vous! — сказалъ онъ, беря Софи за руку.— Кто здѣсь посредникъ? — обратился онъ къ старостѣ.

— Не могимъ знать-съ, — отчѣчалъ тотъ.

— Какъ не знаешь? — спросилъ Баклановъ, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Дѣловъ тоже никакихъ не имѣли до нихъ, почему

намъ знать! — продолжалъ староста, водя глазами по полу.

— А! не знаешь, не знаешь! — проговорилъ Баклановъ и, схвативъ старика за воротъ, притряхнулъ его.

Старикъ позеленѣлъ.

— Посредникъ, ваше благородіе, Иванъ Егорычъ Варегинъ, — сказалъ онъ.

Баклановъ сейчасъ-же отпустилъ его.

— Варегинъ! — произнесъ онъ радостно. — Пошелъ вонъ! — прибавилъ онъ старостѣ, и тотъ, какъ-бы ничего особеннаго не случилось, посмотрѣлъ себѣ на ноги и вышелъ.

— Ну, вотъ и прекрасно! все теперь устроится! — сказалъ Баклановъ, обращаясь къ Софи, которая посмотрѣла на него вопросительно.

— Параша, Параша, — крикнулъ онъ убиравшей въ сосѣдней комнатѣ чашки Прасковьѣ. — Нѣтъ-ли? кого послать за посредникомъ?

— Пошлите-съ сельскаго старосту! Онъ у насъ тутъ недалеко въ Парѳеновѣ живетъ-съ,— отвѣчала та шепотомъ.

— Сбѣгай, ради Бога, — произнесъ Баклановъ.

— Я нищенку пошлю-съ; самое-то, пожалуй, наши дьяволы увидятъ и изобьютъ еще! — отвѣчала Прасковья и ушла.

Черезъ нѣсколько времени явился сельскій староста, молодой, вѣжливый мужикъ.

— Съѣзди, любезный, за посредникомъ, — сказалъ ему Баклановъ,

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ тотъ съ видимою готовностью.

— Что такое, скажи, пожалуйста, отчего это неповиновеніе ко мнѣ? — спросила, выйдя къ нему, Софи.

Староста модно переложилъ изъ руки въ руку шляпу.

— Богъ знаетъ, сударыня, — отвѣчалъ онъ, какъ-то

особенно ужимая губы. — Надо такъ полагать, что глупость одна ихъ.

— Такъ ты имъ растолкуй! — сказала Софи.

— Намъ они, судырыня, не вѣрятъ, какъ не по ихъ говоришь... Все одно, вы, говорятъ, отъ начальства...

— Пожалуйста, съѣзди! — повторила Софи.

— Слушаю-съ! — отвѣчалъ староста и уѣхалъ.

— Чтобы не обманулъ онъ! — сказалъ Баклановъ.

— Нѣтъ, съѣздитъ-съ! Онъ у Софьи Петровны лѣсу хочетъ торговать, такъ съѣздитъ-съ! — объяснила Прасковья.

Баклановъ и Софи возвратились въ гостиную.

— Варегинъ мнѣ пріятель и отличнѣйшій человѣкъ: онъ сейчасъ все устроитъ, — заговорилъ первый.

— Но я боюсь, другъ мой, они сейчасъ, пожалуй; придутъ, — сказала Софи.

— Пускай идутъ; у меня револьверы готовы. Прежде чѣмъ они дотронутся до тебя, человѣкъ двадцать уложу!... — произнесъ Баклановъ и положилъ на столъ, дѣйствительно, два револьвера.

Софи, между тѣмъ, принялась плакать: она была очень разсержена.

XII.

Посредникъ.

Варегинъ пріѣхалъ въ тотъ же день.

Молодые хозяева наши все еще продолжали сидѣть въ гостиной и не смѣли носу оттуда показать.

Баклановъ принялъ друга въ распростертыя объятія.

Нѣсколько времени они молчали, и у обоихъ невольно навернулись слезы на глазахъ.

— Что это, у васъ ужь пистолеты приготовлены! — началъ Варегинъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Да, — отвѣчалъ Баклановъ и представилъ ему Софи.

— Кузина моя, Ленева, ваша теперь подсудимая и подначальная.

Варегинъ молча поклонился ей.

— Что, развѣ ужь къ дому подваливали? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ; но на всякій случай. Я просилъ бы тебя сегодня же сдѣлать какое-нибудь распоряженіе, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Я ужь сдѣлалъ, ѣхавъ мимо, — отвѣчалъ Варегинъ и, какъ человѣкъ утомленный, сѣлъ и закрылъ глаза.

Софи въ это время разливала чай.

— Pardon, monsieur Варегинъ, — сказала она: — у насъ нѣтъ сливокъ; намъ не даютъ здѣсь ничего даже и за деньги.

Варегинъ открылъ глаза и, увидѣвъ стоявшую тутъ Прасковью, сказалъ ей:

— Поди, скажи скотницѣ, чтобы сейчасъ же прислала госпожѣ вашей сливокъ: посредникъ приказалъ.

Прасковья убѣжала и возвратилась съ превосходными сливками.

— Но какъ же, скажи, другъ сердечный, какъ ты сюда попалъ? — началъ Баклановъ. — Естествоиспытатель, изслѣдователь микросколическій — мировымъ посредникомъ!

— Исключенъ-съ былъ изъ прежней службы за позорное свое гражданское поведеніе, — отвѣчалъ Варегинъ ядовито.

— Я слышалъ что-то такое въ Петербургѣ, — подхватилъ Баклановъ.

— Да, какъ же-съ! И не начальствомъ, это было-бы еще сносно, а общественнымъ мнѣніемъ.

Нынче общественное мнѣніе, monsieur Варегинъ, кажется, такое благородное, — вмѣшалась было Софи.

— Не знаю-съ, — отвѣчалъ онъ ей: — знаю одно,— продолжалъ онъ, опять обращаясь къ Баклановy: — что какъ только я на одномъ изъ нашихъ университетскихъ совѣтовъ сказалъ, что молодые люди поступаютъ къ намъ ничего не смыслящіе, въ университетѣ ничего не дѣлаютъ и потомъ всѣ гуртомъ выпускаются кандидатами... Что же это такое? Кукольная комедія одна!

— Да чего тутъ! — подхватилъ Баклановъ. — Намъ вотъ дорогой, одинъ господинъ разсказывалъ, что становой получилъ бумагу очень безграмотную и говоритъ: «это вѣрно, говоритъ, господинъ студентъ писалъ,» и въ самомъ дѣлѣ оказывается студентъ.

Варегинъ грустно усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Сказалъ я, разумѣется, — продолжалъ онъ: — и насчетъ преподаванія, что у насъ, вмѣсто науки, съ каѳедры раздаются пикантныя фразы, очень, можетъ быть выгодныя для популярности преподавателя, но далеко не полезныя для слушателей...

— Ну, и что-жъ потомъ? — спросилъ Баклановъ.

— Потомъ, черезъ нѣсколько дней, мнѣ господа студенты стали на лекціяхъ шикать и свистать... Я остановился и спросилъ, что именно возмущаетъ ихъ въ моихъ словахъ?.. Они выслали ко мнѣ депутатовъ, которые объявили мнѣ, чтобъ я перемѣнилъ мое гражданское поведеніе. — «Въ чемъ же, говорю, оно такъ провинилось?» — «Въ томъ, говорятъ, что вы такимъ образомъ говорите въ совѣтахъ.» — «О, въ такомъ случаѣ, я вижу что вы такъ наглы, а передавшіе вамъ люди такъ подлы, что я ужь, конечно, ни съ ними, ни съ вами не останусь;» затѣмъ поклонился и не возвращался болѣе въ свою аудиторію.

Проговоря это, Варегинъ опять качнулъ головой.

— Вотъ вамъ и награда вся! — снова онъ началъ:— за двадцать лѣтъ трудовъ, за потерянное зрѣніе; и то бы все имъ простилъ, Богъ съ ними; но зачѣмъ они

потеряли мои свѣдѣнія... Знатоковъ моего дѣла въ Россіи немного, а они меня, какъ мусоръ, какъ щепки ненужныя, взяли да и вышвырнули.

— Ужасно! — подхватилъ Баклановъ. — Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, какъ ты устроился? Вѣдь ты, кажется семейный человѣкъ?

— Четверо дѣтей.

— А душъ сколько?

— Душъ нѣтъ!.. Сто десятинъ земли всего!

— Но чѣмъ же ты жилъ до сихъ поръ?

— Потому ужь и жилъ! Только что самъ земли не пахалъ.

Въ это время вошла съ довольнымъ лицомъ Прасковья.

— Барыня, гдѣ столъ-то накрывать, въ залѣ или столовой? — спросила она.

— Да развѣ есть что-нибудь у васъ? — спросила ее Софи.

— Есть: теленка закололи и карасей въ пруду наловили. Выбилъ сельскій староста всего-съ... И поваръ тоже пришелъ-съ.

Баклановъ, Софи и Варегинъ невольно усмѣхнулись.

— И ключи вотъ отъ посуды-съ нашъ староста-то, чортъ, далъ-съ, — прибавила Прасковья еще съ большимъ удовольствіемъ и пошла хлопотливо накрывать столъ въ залѣ съ ободранными обоями.

Черезъ нѣсколько минутъ, всѣ уже сидѣли при полномъ освѣщеніи четырехъ свѣчъ въ старинныхъ шандалахъ и при вкусно дымившихся теплыхъ блюдахъ.

— Скажите, пожалуйста, какъ народъ принялъ эти мірскія учрежденія? — спросилъ Баклановъ.

— Да какъ принять-то? Обыкновенно, какъ принималъ онъ чиновниковъ. Это вѣдь подкупъ, — прибавилъ Варегинъ, показывая на блюда: — вамъ бы безъ меня не дали этого; это меня хотятъ ублажить.

Из собрания Российской национальной библиотеки

Прасковья, ко всѣмъ благамъ, нашла въ буфетѣ еще двѣ бутылки наливки и поставила ихъ передъ господами.

Пріятели, прекративъ печальные разговоры, выпили по нѣсколько рюмокъ наливки; Софи тоже съ ними выпила и совершенно смѣло, въ сопровожденіи одной только Прасковьи, отправилась ночевать въ комнату Биби.

Баклановъ и Варегинъ легли въ гостиной на толстѣйшихъ и мягчайшихъ пуховикахъ, которые тотъ-же сельскій староста «выбилъ» имъ отъ прежняго господскаго старосты.

XIII.

Бунтъ.

На другой день Софи, какъ только проснулась, подошла къ окну своей комнаты и ахнула отъ ужаса.

Красный дворъ былъ полнехонекъ мужиками, человѣкъ до ста, съ мрачными все лицами, впрочемъ безъ шапокъ. Между ними ходилъ, тоже серьезный, Варегинъ и о чемъ-то съ нѣкоторыми изъ нихъ переговаривалъ.

Софи сейчасъ же бросилась къ Бакланову, который еще спалъ.

— Александръ, посмотри, что такое у насъ на дворѣ: народъ собрался! — сказала она.

— Что такое? — произнесъ тотъ, надѣлъ халатъ, и, положивъ въ карманъ револьверъ, вышелъ.

— Зачѣмъ это они? — спросилъ онъ Варегина.

Тотъ подошелъ и мрачно сѣлъ на ступеньку крыльца.

— Дурятъ! — произнесъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

Баклановъ смотрѣлъ на него съ испуганнымъ лицомъ.

Изображение Российской национальной библиотеки

— Что же, совсѣмъ не хотятъ повиноваться?

— Торговаться хотятъ до конца, — произнесъ Варегинъ.

Къ нему робко подошелъ довольно доброй наружности мужикъ.

— Можно, Иванъ Егорычъ, уйдти-то?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нельзя... сами заварили кашу, такъ не пеняйте, дьяволы экіе, право!

— Да, вѣдь, Иванъ Егорычъ, міръ-съ, а не я, батюшка.

— Міръ?... Изъ собакъ, что-ли, міръ-то состоитъ? Изъ васъ же, чертей!

Мужикъ конфузливо перебиралъ шапку въ рукахъ.

— Какъ гнилая горячка-то была, — продолжалъ Варегинъ: — такъ умиралъ съ дьяволами, хоть бы тому повѣрили.

— Это точно что-съ, — произнесъ мужикъ.

— Такъ чтожъ точно что-съ!... Стану я васъ обманывать!

— Да мы, батюшка, и сумнѣнья въ томъ не имѣемъ.

— Ну, коли не имѣешь, такъ пошелъ и уговаривай!

Мужикъ пошелъ, сказалъ что-то такое двумъ-тремъ мужикамъ, да такъ тутъ на мѣстѣ и остался и не возвращался болѣе.

— Можетъ быть, онъ уговорилъ, — произнесъ Баклановъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ съ прежнею мрачностію Варегинъ: — я ужь къ исправнику и за военною командой послалъ, — прибавилъ онъ.

— Господи! — воскликнулъ Баклановъ: — да нельзя ли какъ-нибудь уговорить такъ?

Варегинъ усмѣхнулся.

— Попробуйте, подите, поговорите... Вы спали, а я цѣлую ночь ихъ въ сборной избѣ уговаривалъ, такъ будетъ: наговорился.

Баклановъ пошелъ къ Софи, чтобы предупредить ее.

— За командой ужь послали, — сказалъ онъ больше шуткой.

— Какъ! — воскликнула та поблѣднѣвъ. — Нѣтъ, мой другъ, не надо, не надо! Я отъ всего лучше отступлюсь.

— Да Варегинъ не отступится; ему это надо для общаго порядка.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо мнѣ ничего!—кричала, между тѣмъ, Софи, становясь передъ Баклановымъ на колѣни.

— Ты вотъ кричишь, они услышатъ это и еще больше будутъ упираться, — уговаривалъ ее Баклановъ.

— Жаль мнѣ ихъ, не могу я этого...—говорила Софи, упадая на руки Бакланову.

— Чтожъ дѣлать-то? — отвѣчалъ онъ, сажая ее на диванъ.

Послышался колокольчикъ. Софи задрожала.

— Ничего, ничего! — успокоивалъ ее Баклановъ: — я буду цѣлый день сидѣть около тебя и не отойду.

При звукѣ колокольчика толпа мужиковъ тоже зашевелилась нѣсколько; одинъ изъ нихъ отдѣлился и побѣжалъ ворота отпирать.

Въѣзжалъ исправникъ, довольно полный и расторопный, должно быть, мужчина съ птичьимъ, совинымъ лицомъ. Онъ сейчасъ же выскочилъ изъ тарантаса и прямо подошелъ къ толпѣ мужиковъ.

— Что, любезные, выстроились ужь: — а? Здравія желаемъ!

— Здравствуйте, батюшка! — проговорили ему нѣсколько голосовъ.

Исправникъ повернулся и увидѣлъ Варегина.

— А, ваше высокородіе, честь имѣю кланяться! — продолжалъ онъ, весело прикладывая руку къ фуражкѣ. — Прикажете внушать-съ? — прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Внушайте! — отвѣчалъ Варегинъ.

Исправникъ обратился къ мужикамъ.

— Чтожъ, вы рѣшительно не повинуетесь?... Сейчасъ команда придетъ.

Мужики не отвѣчали ему ни того, ни сего.

— Я васъ спрашиваю, повинуетесь вы, или нѣтъ?— крикнулъ ужь исправникъ.

— Да говори, старый! — толкнули нѣсколько мужиковъ старика-старосту.

— Нѣтъ, батюшка, нельзя намъ того, — проговорилъ тотъ, наконецъ.

— Отчего же бы это нельзя, позвольте васъ спросить?

— Государь Императоръ, батюшка, Александръ Николаевичъ не приказываетъ того.

— А я знаю, что Государь приказываетъ или нѣтъ?

— Не знаю, батюшка, знаешь ты, аль нѣтъ.

— Нѣтъ, ты знаешь: врешь, бестія ты этакая! Я вотъ тебя перваго взъерепеню, перваго!

Староста мрачно нахмурился.

Въ это время на дворъ въѣхала еще пара въ телѣжкѣ, и изъ нея соскочилъ нарядный мужикъ, съ русою окладистой бородой.

— Старшина! — прошелъ легонькій говоръ между мужиками.

Старшина сейчасъ же подошелъ къ посреднику.

— Команда идетъ въ верстѣ, ваше высокородіе, — донесъ онъ.

— Поди, поговори, не усовѣстишь ли дураковъ! — сказалъ Варегинъ.

Старшина подошелъ къ мужикамъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, сильно ударяя на *о*.

— Государь Императоръ дѣлаетъ вамъ теперь экія милости, — началъ онъ, — и чтожъ вы дѣлаете? Госпожѣ вашей законной не покорствуете!

— Наша законная-то госпожа, господинъ старшина, умерла, — отвѣчалъ ему старикъ-староста.

— Погоди, другъ любезный, погоди! — возразилъ ему на это старшина: — ты теперича имѣешь самъ имущество, оставляешь ты его сыну, что ли, али сродственнику, и кто-жъ можетъ его отнять у него? Корову ты ему оставляешь: неужели корова не пойдетъ къ нему на дворъ?

— Нынче, господинъ старшина, насчетъ того порядки другіе, — опять ему возразилъ старикашка-староста. — Госпожа померла, значитъ, мы и вольные; другой господинъ живъ, властвуй, а умеръ тоже ослобождаются... Молодые пускай сами себѣ наживаютъ. Какъ же ты иначе волю-то сдѣлаешь?

— Ишь, какъ разсудилъ, складно! — перебилъ его насмѣшливо старшина: — а словно бы не такъ въ царскихъ-то указахъ сказано!

— Знаемъ мы, господинъ старшина, какъ въ царскихъ-то указахъ сказано, знаешь и ты самъ! Грѣхъ только тебѣ такъ говорить: міромъ, кажись, тебя выбирали.

— Да мнѣ, дьяволъ васъ возьми и съ вашею должностью! Тфу мнѣ на нее! — воскликнулъ старшина. — Съ вами, дураками, только время потратишь, да себѣ безпокойство... — заключилъ онъ и, отойдя отъ толпы, молодцовато прислонился къ стѣнѣ дома.

Прошло еще съ полчаса самаго ужаснаго, томительнаго времени.

Наконецъ, на дворъ пробѣжали двѣ маленькія, крестьянскія дѣвочки.

— Солдатушки ужь идутъ! — какъ-то робко онѣ оповѣстили.

Толпа, какъ бы вся въ одинъ моментъ, опустила голову.

Варегинъ проворно всталъ и пошелъ по деревнѣ на встрѣчу командѣ.

Впереди своей роты ѣхалъ верхомъ на лошади мо-

лоденькій офицеръ. На лицѣ его написана была гордость и серьезность. Солдаты же, напротивъ, шли вольно, развязно и большая часть весело между собой перешучивались.

Варегинъ пошелъ рядомъ съ солдатами.

— Вы, братцы, имѣйте лицо-то посерьезнѣе, посуровѣе, — сказалъ онъ.

— Нахмуримся, ваше благородіе, — отвѣчали ему нѣсколько солдатъ въ одинъ голосъ.

— Ну, и сначала оцѣпите только нѣкоторыхъ,— обратился онъ уже къ офицеру.

— Знаю-съ, — отвѣчалъ тотъ самодовольно.

— Что огонь употреблять, кровь понапрасну проливать, — обратился опять Варегинъ къ солдатамъ.

— Извѣстно, ваше благородіе, — подтвердилъ ему фельдфебель: — оцѣпимъ по-первоначалу, а тутъ, коли упираться очень начнутъ, тажъ въ приклады.

— Знаемъ, ваше благородіе, не въ первый ужь разъ, — подхватилъ молодой и съ умнымъ лицомъ солдатъ: — я этта въ Спировѣ не то, что прикладомъ, а схватилъ за волосы главнаго-то зачинщика. «Господинъ служивый!» — закричалъ, и на колѣни, а за нимъ и прочіе другіе.

Всѣ почти солдаты захохотали.

— Бунтовщики тоже, робята, важные, — произнесло опять нѣсколько голосовъ

— Смирно! — Ружья на плечо! — скомандовалъ офицеръ. Въ это время входили въ самую усадьбу.

Солдаты сейчасъ же подправились и нахмурились. Офицеръ махнулъ барабанщику. Тотъ громко, такъ что раздалось на все селеніе, ударилъ маршъ.

Варегинъ, проворно опередя солдатъ, опять подошелъ къ мужикамъ.

Лицо его было блѣдно, волосы растрепаны.

— Братцы, образумьтесь, смерть вамъ угрожаетъ!— вскричалъ онъ.

Толпа вся дрожала съ перваго же звука барабана, но ничего не говорила.

Солдаты стали обходить ее и выстроились противъ нея.

— Братцы, образумьтесь! — произнесъ еще разъ Варегинъ.

Молчаніе.

Онъ махнулъ бѣлымъ платкомъ офицеру.

— Съ лѣвой по одному маршъ! — скомандовалъ офицеръ.

Цѣпь солдатъ отдѣлилась и стала входить въ толпу, которая и не понимала, что это такое съ ней дѣлаютъ.

— Сомкнись! — скомандовалъ офицеръ.

Солдаты сомкнулись, человѣкъ двадцать мужиковъ остались у нихъ въ цѣпи.

Одинъ молодой парень хотѣлъ было выскочить изъ нея, солдатъ ткнулъ ему прикладомъ въ лицо.

Старикашка-староста что-то топтался на одномъ мѣстѣ. Этотъ молодой парень былъ его единственный сынъ.

— Тятенька! — закричалъ онъ ему оттуда.

— Ну, черти, дьяволы! Становитесь на колѣни, — вскрикнулъ старикъ и самъ сталъ на колѣни, за нимъ стали нѣсколько мужиковъ.

— Виноваты, матушка наша, Софья Петровна, виноваты! — завопили они.

Варегинъ подошелъ къ одному изъ неставшихъ на колѣни мужиковъ и ударилъ его по плечу.

— Ну, становись!—Еще за зачинщика сочтутъ.

И вслѣдъ затѣмъ всѣ остальные колѣнопреклонились.

Оцѣпленные давно уже стояли на колѣняхъ, а нѣжный старостинъ сынъ даже ревѣлъ.

Надо зачинщиковъ отобрать! — сказалъ исправникъ Варегину.

Тотъ махнулъ ему рукой, и, совершенно утомленный, онять опустился на рундучокъ крыльца.

— Кто зачинщики? — продолжалъ исправникъ, подходя къ стоявшему все еще на колѣняхъ старостѣ.

— Да, батюшка, изъ Питера къ намъ сходилъ человѣкъ,—отвѣчалъ старикъ, молебно простирая къ нему руки.

— Какой?

— Да вотъ барыни-то нашей кучеръ бывшій, Михайло; онъ въ бѣгахъ былъ, и проходилъ съ дворяниномъ однимъ: «не повинуйтесь, говоритъ, а то хуже, говоритъ, подъ крѣпость опять попадете!»

— Съ какимъ дворяниномъ?

— Да, какъ его, батюшка, забылъ какъ и прозвище-то... регистраторомъ какимъ-то себя называлъ.

Варегинъ при этомъ вслушался немного.

— Кто же здѣсь-то собственно былъ зачинщикъ? — продолжалъ исправникъ допрашивать, не поднимая старика съ колѣнъ.

— Здѣсь я, батюшка, я самый главный? — отвѣчалъ тотъ.

— Ступай въ сторону.

Старикъ всталъ и отошелъ въ сторону.

— А кто еще? Кто еще былъ зачинщикомъ?—обратился исправникъ опять къ толпѣ.

— Я-съ! — отозвался самъ одинъ изъ мужиковъ.

— Въ сторону!

Мужикъ отошелъ и всталъ.

— Кто еще? — продолжалъ опять исправникъ.

Варегинъ рвалъ у себя изъ бороды волосы.

Толпа перешептывалась между собой.

— Да кто еще? — слышался шепотъ.

— У матрены они приставали! — отвѣтилъ чей-то одинъ голосъ.

— Давайте Матрену сюда! — крикнулъ исправникъ, подслушавъ эти слова.

— Двое мужиковъ пошли за Матреной, и вслѣдъ же затѣмъ раздался пронзительный крикъ на всю усадьбу.

— Батюшки, виновата!... виновата! — кричала Матрена, выгибаясь всѣмъ тѣломъ, между тѣмъ какъ дв ое мужиковъ тащили ее.

— Давай ее сюда! — проговорилъ исправникъ.

— Матрену подтащили къ нему.

— Приставалъ у тебя, какъ вотъ его, — Михайло, что-ли?

— Приставалъ, батюшка!... приставалъ!... — отвѣчала она поспѣшно.

— Михайло и баринъ?

— Оба, батюшка, оба!

— Чтожъ они говорили?

— По всей, говорятъ, Росеи ходимъ, — сомущаемъ народъ.

— Гдѣ-жъ они теперь?

— Не знаю, батюшка.

— Врешь, бестія! — закричалъ исправникъ.

— Не знаю, батюшка!... не знаю!...—заревѣла почти въ отчаяніи Матрена: — все разскажу тебѣ.

— Ну, разсказывай. Давно ли онъ былъ у тебя.

— Съ мѣсяцъ, батюшка.

— Чтожъ они дѣлали?

— Пили они, батюшка, всѣ три дня что ни были.

— Ну?

— Молоденькій-то, тотъ все шутилъ со мной!

— Съ экой-то стервой?

— Да, батюшка, и самъ-то онъ не хорошій такой; и на барина-то не похожъ!

Варегинъ въ это время всталъ и ушелъ въ горницы.

— Поѣдемте лучше ко мнѣ, — сказалъ онъ Софи и Бакланову. — Тутъ исправникъ будетъ производить слѣдствіе и приведетъ все въ порядокъ.

— Ахъ, да, поѣдемте, monsieur Варегинъ, пожалуйста, — говорила Софи, чуть не цѣлуя его.

Вслѣдъ затѣмъ они всѣ прошли садомъ и только-что

сѣли въ поданный Варегина экипажъ, какъ изъ усадьбы раздались пронзительные вопли.

Это исправникъ пробиралъ, съ одной стороны нѣженку старостина сына за батьку, причемъ оба они кричали, а съ другой стороны Матрену, которая только и вопила: «шутъ имъ дьяволамъ! шутъ! Вотъ ихъ бы такъ!»

— Пошелъ скорѣй! — крикнулъ Варегинъ кучеру. — А вѣдь есть господа, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Баклановy: — которые радуются этой безтолочи... Готовы даже подстрекать на нее народъ... Движеніе здороваго общественнаго организма въ этомъ видятъ... Не подлость-ли, я васъ спрашиваю, кровью этихъ дѣтей омывать свои безумныя фантазіи!...

— Ужасно! — подтвердилъ въ свою очередь и Баклановъ.

XIV.

Изобличеніе.

Друзья наши, проѣхавъ Ковригинское поле, сейчасъ-же очутились въ свѣжемъ спокойномъ лѣску.

Софи все время смотрѣла на серьезное лицо Варегина, на его голубые, спокойные глаза, на его запыленные бакенбарды. Не давая себѣ отчета — почему и отчего, она чувствовала, въ одно и то же время, страхъ и уваженіе къ нему.

Баклановъ, между тѣмъ, припоминалъ тѣ миріады фразъ, которыя раздавались около него въ Петербургѣ,— фразъ, противъ которыхъ онъ сначала ратовалъ, а потомъ и самъ сталъ повторять ихъ.

Голосъ Варегина разбудилъ, наконецъ, ихъ обоихъ отъ ихъ собственныхъ мыслей.

— Вотъ и мое пепелище! — сказалъ онъ.

Интернет-версия Российской национальной библиотеки

Передъ домомъ, въ небольшомъ садикѣ, два мальчика и двѣ дѣвочки рылись въ землѣ.

Самый домъ, или, скорѣе, большая крестьянская изба, былъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной жилъ самъ хозяинъ, а въ другой — дѣти.

Въ комнатахъ было чрезвычайно чисто и просто: дубовый обѣденный столъ, ситцевая мебель, термометръ и барометръ на стѣнѣ.

— Милости просимъ! — сказалъ Варегинъ, вводя своихъ гостей.

Вошла красивая, крестьянская женщина въ бѣлой рубашкѣ и въ опрятномъ сарафанѣ.

— Варегинъ велѣлъ ей подавать обѣдъ.

Когда стали садиться за столъ, онъ отнесся къ Софи:

— Не угодно-ли вамъ занять мѣсто хозяйки?

Софи сѣла.

— А вотъ эту команду позвольте ко мнѣ, — продолжалъ Варегинъ, передвигая къ себѣ приборы всѣхъ четверыхъ дѣтей:—всѣмъ-бы они народъ исправный, да сами рѣзать еще не умѣютъ.

И вслѣдъ затѣмъ онъ началъ имъ рѣзать.

Дѣти, какъ маленькіе голубятки, смотрѣли ему въ ротъ и на руки.

Баклановъ при этомъ вспомнилъ своихъ дѣтей и незамѣтно вздохнулъ.

— Вы давно лишились вашей супруги? — спросила Софи хозяина.

— Да въ тотъ-же годъ, какъ и изъ службы выгнали: почти вмѣстѣ получилъ эти два удовольствія.

— Вамъ не даромъ судьба такія испытанія посылаетъ. Она знаетъ, что вы *крѣпышъ* и выдержите, — сказалъ ему Баклановъ.

— Никакой тутъ нѣтъ судьбы: въ первомъ случаѣ россійская глупость; а во второмъ — петербургскій климатъ, — отвѣчалъ Варегинъ.

Послѣ обѣда Софи ушла съ дѣтьми погулять въ поле, а пріятели сѣли у открытаго окна пить кофе...

— Вы не думаете жениться, Варегинъ? — сказалъ Баклановъ.

— При дѣтяхъ-то? — спросилъ тотъ.

— Да при дѣтяхъ обыкновенно и женятся, чтобы мать имъ дать.

— Дѣти такое нѣжное и хрупкое существо, что требуетъ всей нѣжности человѣческаго сердца, а это возможно только въ родителяхъ, которые обыкновенно органически къ нимъ бываютъ привязаны.

— Но мачиха будетъ любить ихъ изъ любви къ вамъ.

— Н-ну! — произнесъ Варегинъ: — я въ эти тонкія чувства, признаюсь, не очень вѣрю; ихъ обыкновенно достанетъ только мѣсяца на два послѣ брака.

Друзья на нѣсколько времени послѣ того замолкли.

— А эта красивая женщина, которая подавала намъ обѣдать, на какомъ положеніи? — спросилъ Баклановъ.

Варегинъ улыбнулся.

— Вы все по себѣ судите? — сказалъ онъ. — А вотъ кстати за откровенность откровенностью отплачу: въ какихъ вы отношеніяхъ съ этой госпожей, кузиной, что-ли, вашей?

Баклановъ очень сконфузился.

— Я ей родня... — пробормоталъ онъ.

— Я это потому васъ спрашиваю, — продолжалъ Варегинъ: — что мнѣ мужики на сходкѣ говорили: «Вотъ-де, говорятъ, мало что сама пріѣхала, да и любовника еще своего привезла!»

— Имъ-то, скотамъ, что за дѣло! — проговорилъ Баклановъ и потомъ, помолчавъ, прибавилъ: — конечно въ этомъ случаѣ скрываться передъ вами не стану...

— Ну, а жена-то какъ-же, а? — спросилъ съ улыбкою Варегинъ.

— Жена у меня такая холодная и спокойная женщина, что ей рѣшительно все равно.

— Все равно, что вы живете съ любовницей? — повторилъ Варегинъ.

— Я не то, что живу... — отвѣчалъ начиная теряться, Баклановъ: — жить постоянно такимъ образомъ я не намѣренъ, и, какъ вотъ все это поустроится, опять возвращусь къ семейству.

— Что же такое поустроится? — допрашивалъ Варегинъ.

Баклановъ окончательно сконфузился.

— Тамъ... дѣла разныя...—отвѣчалъ онъ какъ-то неопредѣленно.

Варегинъ не спускалъ съ него внимательныхъ глазъ.

— Все это, другъ любезный, — началъ Баклановъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ довольно неловкаго молчанія: — я самъ очень хорошо вижу и понимаю, но что дѣлать — затянулся, любовь!

— Э, вздоръ какой! — перебилъ съ сердцемъ Варегинъ.

— Какъ вздоръ?.. Неужели ты не вѣришь въ любовь?

— Разумѣется, кто жъ въ нее повѣритъ... Одно только баловство и обманываніе самого себя, а между тѣмъ у васъ есть дѣти, а передъ этою обязанностію, я думаю, всѣ другія мелкія страстишки должны замолкнуть.

— Я дѣтей и люблю, а разлюбилъ только жену.

— Да, вѣдь, и всѣ не цѣлую жизнь пылаютъ къ женамъ страстію, а руководствуются въ этомъ случаѣ чувствомъ дружбы, уваженія къ женщинѣ, — чувствомъ, наконецъ, собственнаго долга.

— Хорошо, чувство дружбы! — воскликнулъ Баклановъ. — Ты знаешь-ли, — прибавилъ онъ уже полушепотомъ: — что я послѣднее время говорить не могъ безъ злобы съ женой, звука шаговъ ея слышать безъ ужаса.

— Что-жъ она, нехорошая развѣ женщина?

— Напротивъ, ангелъ по душѣ и собой красива.

— Такъ отчего же?

— А оттого... Я, напримѣръ, человѣкъ вовсе не злой, а бывали минуты, когда готовъ былъ совершить преступленіе и убить ее.

— Господи помилуй! — воскликнулъ Варегинъ.

— Да, да! — повторилъ Баклановъ.

Варегинъ нѣсколько минутъ усмѣхался про себя.

— Никогда бы вы никакого преступленія не совершили,—проговорилъ онъ:—и вѣроятно къ этой госпожѣ получите точно такое же чувство, потому что вся ваша любовь и нелюбовь есть не что иное, какъ развращенное воображеніе и стремленіе къ чувственному разнообразію...

Замѣчаніе это было слишкомъ вѣрно. Баклановъ почесалъ у себя только въ затылкѣ.

— Никогда я къ этой женщинѣ не чувствовалъ ничего подобнаго, — проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Ну, такъ будете чувствовать! — сказалъ спокойно Варегинъ.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ Баклановъ. Онъ замѣтно обидѣлся.

— Все это я говорю, опять повторяю,— продолжалъ Варегинъ: — потому, что мужики мнѣ прямо сказали: «мы, говорятъ, его изобьемъ, если онъ командовать нами начнетъ.»

— Да я никѣмъ и не командую,—отвѣчалъ, какъ бы оправдываясь, Баклановъ:—наконецъ, я и совсѣмъ могу уѣхать къ себѣ въ имѣніе.

— Это, я полагаю, самое лучшее!

— Для спокойствія этой женщины уѣду...

— Для спокойствія этой женщины уѣзжайте! — повторилъ Варегинъ. Едва замѣтная усмѣшка пробѣгала въ это время у него по лицу.

Софи, наконецъ, возвратилась съ дѣтьми съ прогулки.

— Не пора ли намъ?—спросила она.

— Теперь можете ѣхать-съ; все ужь, вѣроятно, утихло,—отвѣчалъ Варегинъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Merçi, monsieur Варегинъ, merçi,—говорила Софи.

Во всю обратную дорогу, Баклановъ былъ задумчивъ и ни слова не проговорилъ. Бесѣда съ Варегинымъ произвела на него сильное впечатлѣніе и, по преимуществу, его безпокоила мысль, чтобы крестьяне въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь не затѣяли противъ него: тогда срамъ непоправимый для него и Софи!

Возвратившись въ Ковригино, они нашли, что въ комнатахъ, кромѣ Прасковьи, сидѣли еще двѣ горничныя, а въ залу были внесены разныя вещи изъ амбаровъ, сушиленъ и кладовыхъ.

XV.

По-прежнему бодръ и свѣжъ.

На другой день, съ краснаго двора изъ Ковригина, одинъ экипажъ съ Баклановымъ уѣзжалъ, а другой, съ Петромъ Григорьевичемъ, котораго Софи повѣстила о своемъ пріѣздѣ, въѣзжалъ.

— А-а! — произнесъ было равнодушно Басардинъ, узнавъ стараго знакомаго.

— Здравствуйте и прощайте! — отвѣчалъ ему тотъ скороговоркой, не велѣвъ даже остановиться своему кучеру.

Петръ Григорьевичъ, однако, долго еще смотрѣлъ ему въ слѣдъ.

Баклановъ и Софи въ это утро поссорились. Напуганный и образумленный словами Варегина, Баклановъ рѣшился уѣхать къ себѣ въ деревню и сказалъ о томъ за чаемъ Софи. Та надулась.

— Какъ же вы оставляете меня въ этакомъ положеніи?—сказала она.

— Что-жъ положеніе?... Теперь все тихо... Мнѣ на-

добно же въ своемъ имѣніи побывать... Жена узнаетъ, если я совсѣмъ не буду.

— Ну, такъ вы бы и ѣхали къ своей женѣ!—Зачѣмъ же со мной поѣхали?

— Какъ ты странна! Тутъ не о женѣ дѣло, а у меня, наконецъ, дѣти есть... Въ твоемъ положеніи ничего нѣтъ страшнаго... Я тебѣ, пожалуй, револьверъ оставлю.

— Благодарю!... револьверъ! дуракъ этакой!—проговорила не утерпѣвъ Софи и вышла.

Баклановъ самъ чувствовалъ, что сказалъ величайшую глупость; однако не отмѣнилъ своего намѣренія и въ тотъ же день собрался.

— Я пріѣду черезъ недѣлю, много черезъ двѣ, — говорилъ онъ, прощаясь съ Софи.

— Какъ хотите,—отвѣчала ему та, сидя на диванѣ со сложенными руками и не поднимаясь даже съ мѣста.

«Ну, слава Богу, развязался, —думалъ Баклановъ, садясь въ экипажъ:—какъ пріѣду домой, такъ сейчасъ же напишу женѣ длиннѣйшее письмо.»

Софи осталась тоже сильно взволнованная.

— Хорошо, Александръ Николаевичъ, хорошо!—говорила она, кусая свои розовыя губки.

Небольшое отхаркиванье и негромкіе шаги въ залѣ прервали ея досадливыя размышленія.

Входилъ, растопыривъ руки, Петръ Григорьевичъ, совершенно ужь сѣдой, но по-прежнему съ большими глазами и съ довольно еще нѣжнымъ цвѣтомъ лица.

— Ахъ, папа! — воскликнула Софи, радостно бросаясь ему въ объятія.

— Совсѣмъ не ожидалъ; вдругъ получаю письмо... ахъ ты, Боже мой! думаю. Лошадей, говорю, скорѣй мнѣ лошадей, — бормоталъ Петръ Григорьевичъ, съ навернувшимися на глазахъ слезами.

Подъ старость онъ сдѣлался нѣсколько почувствительнѣй.

Софи почти рыдала у него на рукахъ.

— Ну, усядься, успокойся! — говорилъ онъ, усаживая ее на диванъ и самъ садясь около нея.

— Ахъ, папа! какія, вѣдь, у меня непріятности! —начала Софи, нѣсколько успокоясь: — у меня люди бун товали.

— Вездѣ одно, вездѣ!—отвѣчалъ таинственно Петръ Григорьевичъ: — у меня такъ яровое до сихъ поръ не засѣяно... не слушаются, не ходятъ на барщину! — прибавилъ онъ больше съ удивленіемъ, чѣмъ съ огорченіемъ.

— Какъ-же, папа, чѣмъ-же вы будете жить? — спросила Софи съ участіемъ.

— Да не знаю! — Не все-же Государь Императоръ будетъ гнѣваться на дворянъ, проститъ-же когда-нибудь!

— Такъ вы, папаша, думаете, что Государь разсердился на дворянъ, взялъ у нихъ, а потомъ опять отдастъ?...

— Да, полагаю такъ, — отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ, дѣлая свою обычную, глубокомысленную мину.

— Нѣтъ, папа, совсѣмъ ужь не воротятъ, — отвѣчала Софи: — а вотъ что можно сдѣлать: васъ, вѣдь, никакъ теперь люди не станутъ слушаться...

— Да, грубіянятъ очень, — отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ, припоминая, вѣроятно, тысячи оскорбленій, которыя были ему нанесены.

— Ну, такъ вотъ что: вамъ изъ казны выдадутъ по 120 рублей серебромъ за душу, а вы имъ должны дать по четыре десятины надѣлу земли, — поняли?

— Да, то есть, какъ тебѣ сказать! — началъ Петръ Григорьевичъ, усмѣхаясь и потупляя стыдливо свои глаза: — слабъ нынче очень сталъ соображеніемъ, — прибавилъ онъ уже серьезно.

— Слабы?

— Очень... И по хозяйству это бы еще ничего; но, главное, домъ меня безпокоитъ: старъ очень!

— Да какъ же не стару быть, папа! пятьдесятъ лѣтъ ему, я думаю?

— Да. Въ наугольной и въ дѣвичьей потолокъ ужь провалился! Меня чуть не убило! Я стоялъ да изъ креселъ клоповъ кипяткомъ вываривалъ... вдругъ, вижу, сверху-то и полѣзло, я бѣжать... такъ и грохнуло!

— Скажите, пожалуйста! — ахъ, бѣдный папа!... Чтожъ вы мнѣ не написали, я бы вамъ помогла!

— Что же писать? Случай, вѣдь, это несчастный! — отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ.

Онъ во все время, терпя иногда страшную нужду, ни разу не обратился къ дочери· «Гдѣ ей, говорилъ онъ, сама молода: на разные ей финтифанты нужно.»

— Я сталъ потомъ этимъ мерзавцамъ дворовымъ говорить, — продолжалъ онъ, какъ-бы сообщая дочери по секрету: — «подставьте, говорю, подставки въ остальныхъ комнатахъ, а то убьетъ!..» «А что, говорятъ, мы плотники, что ли?» и не поставили.

— Вотъ что, папа, вы больше не ѣздите домой, а оставайтесь жить у меня. Здѣсь домъ еще славный, крѣпкій!

— Какъ прикажешь, я на все готовъ! — отвѣчалъ добродушный старикъ.

— А я поѣду за-границу, потому что жить въ этихъ дрязгахъ и въ этомъ воздухѣ я рѣшительно не могу; у меня и то ужь грудь начинаетъ болѣть съ каждымъ днемъ больше и больше.

— Ну да, гдѣ-жъ тебѣ съ твоимъ образованіемъ, разумѣется! — подтвердилъ Петръ Григорьевичъ.

— А вы, папаша — душка, оставайтесь здѣсь у меня — хозяйничайте; посредникъ здѣсь добрый, онъ васъ научитъ всему! — продолжала Софи, обнимая и цѣлуя отца.

— Да ужь это надобно, чтобы господинъ посредникъ... а я-то очень слабъ памятью: — что еще давно было, помню, — а что вчера, хоть зарѣжь! — повторилъ еще разъ старикъ.

При этакомъ состояніи головы въ такія трудныя времена, ему очень ужь тяжело приходилось жить.

— За-границу, за-границу! — шептала радостно Софи, улегшись на свою постель и какъ-то вытягиваясь всѣмъ своимъ прелѣстнымъ тѣломъ.

XVI.

Одинъ изъ модныхъ вралей.

При отличномъ свѣтломъ вечерѣ, въ Лопухахъ, на балконѣ господскаго дома, сидѣли Баклановъ и предводитель его уѣзда, тотъ самый способный, изъ военныхъ, господинъ съ *pince-nez*, котораго мы когда-то встрѣтили у старой фрейлины на праздникѣ. Онъ даже не говорѣлъ ничего, а попрежнему, по его словамъ, работалъ съ народомъ. Одѣтъ онъ былъ, какъ и Баклановъ, франтовато; у обоихъ лица были бойкія, развязныя, не такъ какъ у необразованныхъ помѣщиковъ, у которыхъ и безъ того ужь не совсѣмъ благообразныя физіономіи сдѣлались какія-то удивленныя и печальныя.

Предводитель безпрестанно шевелился, говорилъ, доказывалъ что-то такое.

Передъ ними стоялъ чай на серебряномъ подносѣ.

Въ лугахъ огромная согнанная вотчина, почти вся находившаяся въ виду господъ, лѣниво косила.

— Скажите, пожалуйста, какъ идутъ эти мировые съѣзды? — спрашивалъ Баклановъ.

— Отлично! превосходно идутъ! — восклицалъ предводитель. — Я какъ?.. посредники у меня, надобно сказать, все отличный народъ, умный, развитый; но они не жили, не выросли съ народомъ, какъ я... У меня встрѣчается теперь распря, недоразумѣніе между помѣщикомъ и мужикомъ, я ставлю вопросъ такъ...

И предводитель поставилъ руку на перила балкона, желая, вѣроятно, показать, какъ онъ именно ставитъ вопросъ.

— Ставлю вопросъ такъ... беру господина помѣщика... мужика еще нѣтъ у меня... «Въ чемъ вашъ вопросъ?»—«Въ томъ-то и томъ-то!»—«Прекрасно! Вотъ вамъ отвѣтъ на него»... самый полный, ясный, отчетливый... Со мной онъ не можетъ спорить, совѣстится... Мужика я еще не видалъ и говорю, значитъ, это по своимъ собственнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ; во мнѣ онъ слышитъ голосъ такого же дворянина, какъ и онъ.

— Все это прекрасно! — возразилъ Баклановъ: —но мужикъ-то будетъ пороть свое.

— А въ томъ-то и штука! — подхватилъ, съ нѣкоторымъ лукавствомъ, предводитель:—что я всегда скажу въ духѣ мужика, въ натурѣ его.

— Стало быть, вы выдаете дворянъ.

— Нѣтъ! нѣтъ-съ!—воскликнулъ опять лукаво предводитель:—все дѣло въ подготовкѣ... У меня крестьянскій вопросъ былъ рѣшенъ прежде, чѣмъ даже правительство имѣло его въ виду...

Баклановъ посмотрѣлъ на предводителя съ недоумѣвающимъ видомъ.

— Былъ рѣшенъ-съ,—повторилъ тотъ:—то есть, въ томъ отношеніи, что лично у меня крѣпостной трудъ давно уже былъ отмѣненъ и существовалъ наемный; значитъ, цѣны на него для мужика и барина были установлены; тотъ и другой видѣли благодѣтельныя послѣдствія этого: баринъ — превосходство наемнаго труда передъ крѣпостнымъ, мужикъ — пользу заработка, хоть и по невысокой цѣнѣ, но дома, гдѣ онъ не тратится на дорогу, ни на дороговизну городскаго содержанія. Второе, у меня давно уже введено машинное хозяйство: я знаю, какая машина для нашей почвы годится, какая нѣтъ!

Баклановъ рѣшительно не зналъ, вретъ ли онъ, или правду говоритъ.

— Значитъ, что же-съ,—говорилъ предводитель, замѣтивъ произведенный имъ эффектъ:—каждый изъ нынѣшнихъ землевладѣльцевъ только подражай мнѣ. Мужикъ — моему мужику, баринъ — мнѣ!

— И вотъ результаты этого,— продолжалъ предводитель:—у васъ тихо... у сосѣда вашего тихо... у какого-нибудь Крикунова и Дуралева тихо. Чего-жъ мнѣ больше?... Дворянство, конечно, мнѣ говорило: «Сдѣлайте милость, позвольте вашъ фотографическій портретъ повѣсить въ предводительской!» «Господа, говорю я, я не одинъ: позвольте ужь, если снимать съ меня портретъ, такъ вмѣстѣ съ посредниками,» а въ сущности вѣдь одинъ, одинъ все это сдѣлалъ, не хвастаясь скажу!— вскрикнулъ предводитель и, замѣтивъ на лицѣ Бакланова нѣкоторое недоумѣніе, снова постарался разсѣять его фактами:

— Я какъ дѣйствую?... Какъ получено было положеніе, я сейчасъ-же поѣхалъ къ мужикамъ; ну и мнѣ тоже не привыкать съ ними разговаривать; я вотъ теперь хожу во французскихъ перчаткахъ, а умѣю самъ срубы рубить. «Братцы, говорю, такъ и такъ быть должно,—поняли?» — «Поняли, говорятъ, батюшка!» Ихнимъ, знаете, языкомъ сказано, не свысока... Ѣду къ помѣщикамъ: «Вотъ какъ говорю, господа, быть должно!» — «Разумѣется», говорятъ. У меня, какъ новый дворянинъ пріѣхалъ, я сейчасъ же ѣду къ нему и внушаю. Вы вчера только пріѣхали, а сегодня я ужь у васъ! — заключилъ предводитель съ гордостью.

Бакланову сдѣлалось окончательно совѣстно слушать самохвальство своего гостя.

— Это хорошо... — говорилъ онъ, не зная куда и глядѣть.

— Хорошо-ли, худо-ли, этого я не знаю, — отвѣчалъ предводитель: — но только это мои правила. Я прямо мировымъ посредникамъ говорю: «вы, господа, за кре-

стьянъ, а я за дворянъ;» но въ то-же время я не крѣпостникъ, — нѣтъ-съ! По убѣжденіямъ моимъ, я человѣкъ свободномыслящій, но чтобы дѣло у меня было дѣломъ...

«Чортъ знаетъ, что такое!» думалъ между тѣмъ про себя Баклановъ, которому въ это время подали письмо, запечатанное безобразнѣйшею печатью.

«Многоуважаемый и любезный родственничекъ!

«Въ то время, какъ ты, чортова перешница, катаешься, какъ сыръ въ маслѣ, твой другъ и братъ Іона въ нищетѣ, наготѣ, гладѣ и болѣзняхъ. Пріѣзжай, дружище, и помоги, чѣмъ можешь!

«Ограбленный Іона Дѣдовхинъ».

— Что такое съ Іономъ Мокеичемъ приключилось? — спросилъ Баклановъ предводителя.

— Съ Дѣдовхинымъ это? — переспросилъ тотъ съ улыбкой презрѣнія. — О, помилуйте! — воскликнулъ онъ: — это человѣкъ съ такими понятіями! Засыпалъ насъ просьбами и жалобами на своихъ людей.

— Ну, чего-жъ отъ Іоны и ожидать было! — произнесъ Баклановъ.

— Нѣтъ-съ: вѣдь онъ уменъ!.. онъ ядовитъ! при этакомъ великомъ движеніи, для кого-бы нужна гильотина, чтобъ они своими устарѣлыми понятіями не мѣшали общему ходу! — произнесъ предводитель, поднявъ высоко брови.

— Ну что, Богъ съ вами! За что Іону на гильотину! — возразилъ Баклановъ.

И ему въ эту минуту старый враль Іона почему-то показался гораздо лучше сего молодаго говоруна.

Предводитель, наконецъ, всталъ и взялся за шляпу.

— Au revoir! Мы, какъ люди образованные, кажется, поняли другъ друга! — проговорилъ онъ.

— Да-съ! — отвѣчалъ Баклановъ, а въ умѣ у него вертѣлось: «Прескотина, должно быть, ужасная этотъ господинъ!»

XVII.

Злой помѣщикъ.

Прошелъ часъ, два, три. Баклановъ чувствовалъ рѣшительную потребность освѣжиться отъ трескотни, которая продолжала еще раздаваться въ его головѣ послѣ бесѣды съ предводителемъ.

Онъ велѣлъ заложить экипажъ и поѣхалъ къ Іонѣ.

Подъѣзжая къ самой Дмитровкѣ, онъ былъ очень удивленъ: половина почти полей оставалась незапаханною.

На лугахъ нѣсколько бѣдныхъ дворянъ, съ стриженными головами и съ выбритыми лицами, косили.

— Что это, господа, какъ у васъ поля запущены?— сказалъ онъ имъ.

— Не слушаются нынче насъ рабы наши, — отвѣчали ему нѣкоторые изъ нихъ какими-то дикими голосами.

Около дороги бѣдная дворянка, съ загорѣлымъ, безобразнымъ лицомъ, но въ платышкѣ, а не въ сарафанѣ, кормила толстаго, безобразнаго ребенка и, при проѣздѣ Бакланова, какъ дикарка какая, не сочла даже за нужное прикрыть грудь.

Собственно жилище стараго грѣшника Іоны тоже поразило его: садъ, какъ запущенная борода, еще болѣе разросся и позеленѣлъ; кругомъ его тынъ и вокругъ краснаго двора рѣшетка обвалились. Самый домъ точно совсѣмъ присѣлъ къ землѣ. Баклановъ толкнулъ ногой въ дверь. Она сначала было покачнулась, потомъ вдругъ остановилась, зацѣпившись за перекошенную половицу. Въ залѣ соблазнительная картина голой женщины все еще висѣла, но вся была заплевана мухами. Баклановъ прошелъ въ сосѣднюю комнату, въ спаленку; тамъ онъ увидѣлъ Іону, совсѣмъ плѣшиваго, съ сѣдою, отпущен-

ною бородой, лежащимъ на грязныхъ подушкахъ, подъ грязнымъ, худымъ одѣяломъ.

Вѣсившая здѣсь соблазнительная картина не была ничѣмъ ужь и закрыта. Нарисованный на ней господинъ, по преимуществу кидавшійся въ глаза, кѣмъ-то, должно быть, возмутившимся его позой, былъ проколотъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

— А! другъ сердечный! — воскликнулъ Іона.

— Что это вы? — говорилъ Баклановъ, садясь около него на стулъ.

Запахъ и всюду виднѣвшаяся нечистота были невыносимы.

— Боленъ! — отвѣчалъ Іона хриплымъ голосомъ: — безъ ногъ совсѣмъ.

— Что-жъ это такое?

— Да вонъ, дуракъ докторъ говоритъ, что за дѣвками бѣгалъ, а я, Матерь Божья, никогда не бѣгалъ: все ѣздилъ.

— Лѣчиться надо! ничего, пройдетъ! — утѣшалъ его Баклановъ.

— Га! — воскликнулъ Іона, — лѣчиться надо! Мнѣ ѣсть нечего, Саша, да! Что вотъ, спасибо, напротивъ старушка, бѣдная дворяночка, живетъ, что придетъ да уберетъ около меня, то и есть, Саша, другъ мой!

И старикъ зарыдалъ.

— Гдѣ-жъ ваши люди?

— Люди — да! Гдѣ вода весенняя, поищи-ка ее лѣтомъ! я было дьяволовъ ихъ всѣхъ въ дворовые въ прошлую ревизію приперъ, и они, какъ вышло положеніе, и разлетѣлись, какъ птички Божьи! И ну-ка, Саша, и Марѳутка-то ушла. Сколько тоже жилъ съ ней, не жалѣлъ на нее ничего; подъ конецъ, что есть, била ужь меня, и то ушла... хоть бы на нее, окаянную, взглянуть передъ смертью-то...

И старикъ снова горько, горько зарыдалъ.

— Что-жъ, у васъ земля осталась, — вздумалъ было опять утѣшить его Баклановъ.

— Возьми у меня ее всю!... не хочешь-ли? — прокорми только до смерти.

Баклановъ молчалъ.

— Возьми! — повторилъ Іона.

— Что-же! — произнесъ наконецъ тотъ.

— То-то что же!... А я за имѣніе-то десять тысячъ далъ; пятнадцать разъ изъ-за нихъ, окаянныхъ, въ уголовной палатѣ былъ; чуть на каторгу два раза не сослали... За чтожъ меня теперича ограбили совсѣмъ какъ есть?

— Нельзя-же, Іона Мокеичъ, для вашего благосостоянія пожертвовать благосостояніемъ двадцати милліоновъ. Вы вотъ недовольны этимъ, а другіе помѣщики рады.

— Кто радъ-то, кто? — воскликнулъ Іона. — Подлецы вы, вотъ что... Языкъ-то у васъ, видно, безъ костей, такъ и гнется на каждое слово. Рады они?... Вотъ предводителишки такъ рады — жалованье дьяволамъ дали! И вдругъ говорятъ мнѣ: «Ты-де, говорятъ, съ земли будешь платить по пятнадцати копѣекъ!» Меня ограбили, а я плати!

На этомъ мѣстѣ Іона развелъ даже руками, какъ-бы совсѣмъ ужь не понимая, что это такое.

— А предводитель здѣшній говоритъ, что все устроилъ по крестьянскому дѣлу.

— Все онъ, все! — отвѣчалъ Іона съ исказившимся лицомъ.

— Онъ говорилъ, что у него крѣпостной трудъ давно замѣненъ наемнымъ, — продолжалъ Баклановъ.

Ему почему-то пріятно было подзадоривать Іону, чтобъ онъ хорошенько продернулъ предводителя.

— Какъ-же, — продолжалъ Іона: — давно ужъ на винокуренный заводишко мужиковъ гоняетъ, въ лѣтнюю

пору, за гривенникъ въ день; два раза ужь поджигали у него это вольнонаемное-то заведеніе. Разъ самого-то было въ заторъ толкнули, да ловокъ — выскочилъ!

— Онъ говоритъ, что и машинное хозяйство у него давно существуетъ?

— Давно! — отвѣчалъ Іона и на это спокойно, хотя злобѣ его и предѣловъ не было. — Разъ какъ-то, — я еще служилъ, — заѣхали мы къ нему. Сталъ онъ намъ показывать свои модные амбары, — гляжу, хлѣба ни зерна. Я ему и говорю: «Вели-ка, говорю, братъ, сусѣки-то войлоками обить; при батькѣ твоемъ крыса съ потолка упадетъ, все-таки въ хлѣбъ попадетъ, а теперь на голыя-то доски треснется, убьется до смерти, — мнѣ-же земскому чиновнику, придется тѣло поднимать»...

— Онъ говоритъ, что у него на мировомъ съѣздѣ отличный порядокъ, — продолжалъ Баклановъ пилить Іону.

— Какъ-же? отлично! Ха, ха, ха! — захохоталъ старикъ дикимъ голосомъ. — Былъ я, сударь, Александръ Николаичъ, у нихъ, былъ на этихъ съѣздахъ... столпотвореніе Вавилонское — и потому, я думаю, не подобный шумъ. Кто что говоритъ, словно лошади степныя скачутъ: никто никого не слушаетъ... У насъ прежде по крайности въ присутственныхъ мѣстахъ благочиніе было, а тутъ я омерзеніе почувствовалъ... Посредники эти молососы: пикъ, пикъ, тоже!... Предводителишка вретъ, по обыкновенію, несетъ свою околесную, а дурачье мужичье стоятъ, брюхо распустивши, и слушаютъ.

— Что-жъ въ этомъ особенно худаго? — возразилъ Баклановъ.

— Хорошо, хорошо! — продолжалъ Іона: — а сами, подлецы, себя такъ не забываютъ... «Что, говорятъ, не придете-ли къ намъ, мужички, на помочь повеселиться». Ну какъ, батюшка, подначальные — совсѣмъ какъ не придутъ? И привалятъ, разумѣется, цѣлая тысяча; а у насъ-то... Пришиби ты меня, другъ сердечный, лучше!..

По крайности буду мертвъ и ничего того не буду ни видѣть, ни чувствовать...

Говоря послѣднія слова, Іона, кажется, не помнилъ ужъ самъ себя.

— Ну что-жъ? Къ чему такъ отчаяваться! — сказалъ ему Бакановъ: — я вотъ теперь вамъ немножко помогу, а тамъ и сами станете поправляться, — прибавилъ онъ и подалъ Іонѣ Мокеичу двадцати-пятирублевую.

— Спасибо! — произнесъ тотъ, сначала пожимая только у Бакланова руку. — Спасибо! — повторилъ онъ еще разъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ и вдругъ поцѣловалъ у Бакланова руку и оттолкнулъ ее потомъ отъ себя. — Да! — забормоталъ онъ, опускаясь на постель. — Іона плутъ, мошенникъ былъ, но никогда не думалъ нищимъ быть...

При послѣднихъ словахъ у него голосъ былъ даже хриплый, какъ у умирающаго.

— Ну-съ, прощайте! — сказалъ Баклановъ вставая. Ему тяжело было долѣе оставаться.

— Прощай! — сказалъ Іона, какъ-то чмокнувъ губами. — Прощай! — а я теперь опять одинъ, опять! — произнесъ онъ и заревѣлъ на весь домъ.

Баклановъ поспѣшилъ уйдти и уѣхать.

XVIII.

Добрый помѣщикъ.

Въ одно изъ ближайшихъ утръ Баклановъ лежалъ въ своемъ кабинетѣ съ каминомъ, съ картинами, съ мебелью (все это было перевезено изъ городскаго дома покойнаго отца). Передъ нимъ стоялъ приказчикъ, тотъ самый молодой лакей, жившій когда-то съ нимъ въ Москвѣ, а теперь растолстѣвшій и раздобрѣвшій до довольно почтенной и

Из фондов Российской национальной библиотеки

солидной фигуры. Впрочемъ, лицо его было печально и какъ-бы выражало, что звѣзда его счастья закатывается.

— Что, скажи, любятъ меня крестьяне? — спрашивалъ Баклановъ.

— Любятъ-съ! — отвѣчалъ прикащикъ.

— Пожалуй, и на волю бы не пожелали?

— Да извѣстно, что есть дураки, — гайгайкуютъ, радуются тому; а который мужикъ поумнѣй, такъ понимаетъ тоже...

— Ну что, скажи, пожалуйста, міръ этотъ ихній?

— Что міръ! Не даетъ тоже спуску никому: теперь ужь какой бѣдный, али промотавшійся недоимщикъ не надѣйся, шабашъ!.. Этта вонъ, у нашего Гаврюшки, по полтиннику сборъ былъ, не было денегъ, такъ послѣднюю овцу со двора стащили да продали.

— А много ужь этихъ поборовъ-то было?

— Да году еще нѣтъ, а ужь рубля по три сошло съ души... вскочитъ тоже имъ эта забавка-то въ копѣечку, одному старшинѣ жалованья 200 рублей серебромъ, онъ и самъ-то весь того не стоитъ.

— Отчего же не стоитъ?

— Да оттого, что-съ, гдѣ вотъ тоже эта ссора или неудовольствіе промежъ помѣщикомъ и мужиками, пріѣдетъ тоже, разговариваетъ, разсуждаетъ, а толку ничего изъ того нѣтъ.

— Это такъ сначала, а послѣ обойдется.

— Нѣтъ-съ, николи это не обойдется... У нашего вонъ тоже Кирила сына-то выбрали въ старосты, какъ батька кучится, оченно-съ!.. «Что-что, говоритъ, пятьдесятъ рублей серебромъ жалованья положили, мы черезъ это самое мастерство наше колесное запускаемъ,— подороже, поближе сердцу-то нашему всякой должности.»

— Неужели же они не понимаютъ, что это для общей пользы?

— Что ему общая польза-то? Мужикъ, осмѣлюсь,

сударь, доложить вамъ, уменъ на своемъ только дѣлѣ, а что про постороннее судить али разговаривать, онъ ничего того не можетъ.

— Пожалуй, старшины эти потомъ и взяточки начнутъ побирать?

— Непремѣнно-съ! Посредниковъ-то еще теперь маненько побаиваются.

— Ну, а посредники люди все хорошіе?

— Молодые все больше господа... Не большаго разсудка, и на рѣчахъ не такъ, чтобы складные... Кто-жъ, помилуйте, развѣ хорошій господинъ, настоящій, служащій, пойдетъ въ эту должность, на экія неудовольствія... Такъ сунулись, кому въ другомъ мѣстѣ негдѣ ужь притѣснуться было.

— Это пустяки, я самъ знаю, сколько отличныхъ людей тутъ.

— Попервоначалу такъ-съ! А что послѣ — всѣ вышли, потому самому: видятъ, что никакого ладу нѣтъ ни съ мужиками, ни съ барами. Пустое все это дѣло, баринъ, ей-богу такъ, — заключилъ приказчикъ.

— Ну, скажи, пожалуйста, дворовые у меня не желаютъ-ли взять надѣлъ земли?

Приказчикъ даже вспыхнулъ отъ радости.

— Какъ не желать-съ, помилуйте, съ великимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ онъ: крестьянамъ теперь экія милости оказаны, а намъ дворовымъ... два года эти пройдутъ, хоть топись совсѣмъ... у другаго семейство большое, самъ дѣла настоящаго дѣлать никакого не можетъ, другой — старикъ тоже старый, ветхій.

— Дѣтки прокормятъ!

— Гмъ, дѣтки! Нечего нынче, батюшка никому на дѣтокъ-то надѣяться... Мы вотъ тоже, Александръ Николаевичъ, вмѣстѣ съ вами росли и родителей имѣли, жалѣли ихъ тоже маненечко, а нынѣшніе молодые ребята никакого чувства къ старикамъ не имѣютъ... Али

опять теперича къ женамъ, къ хозяйкамъ: что есть, что нѣтъ ея, все ему единственно!

— Ахъ, кстати, къ женамъ! — произнесъ Баклановъ: — гдѣ, скажи, пожалуйста, Марья?

— Да здѣсь у насъ, въ нашу-же вотчину вышла-съ. Славная женщина изъ нея вывалялась, умная такая, расторопная.

— И хорошо живетъ съ мужемъ?

— Да ничего особливаго не видать... Всѣ, вѣдь, онѣ одинаково живутъ... Въ Питерѣ мужъ-то... Не часто тоже сходитъ!

— Знаешь что, я желалъ-бы, во-первыхъ, потолковать съ мужиками объ уставныхъ грамотахъ и, наконецъ, поблагодарить ихъ за любовь ко мнѣ.

Приказчикъ смотрѣлъ на барина.

— Вели приготовить имъ сегодня ужинъ: вина тамъ ведра три купить, пива. Пусть придутъ съ поля, часовъ, этакъ, въ восемь, попьютъ, поѣдятъ... Я потолкую въ это время съ стариками и вообще отпраздную съ ними нашу общую радость.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ приказчикъ, рѣшительно недоумѣвая, къ чему все это господинъ хочетъ дѣлать.

— Ну, и женщины чтобы пришли, и Марья также, попѣли-бы, поплясали-бы! — заключилъ Баклановъ.

— Да это сколько угодно, удовольствіе вамъ сдѣлаютъ, — отвѣчалъ приказчикъ.

Оставшись одинъ, Баклановъ былъ очень доволенъ своимъ прежнимъ крѣпостнымъ *неуправленіемъ*.

XIX.

Братскій праздникъ съ народомъ.

Изъ луговъ, гдѣ сгребали сѣно, вотчина шла въ усадьбу — мужики въ красныхъ ситцевыхъ рубахахъ,

женщины тоже въ ситцевыхъ сарафанахъ и въ чистыхъ, бѣлыхъ рубашкахъ, всѣ съ граблями и съ вилами на плечахъ, всѣ, по большей части, красивыя и молодыя.

Баклановъ стоялъ на балконѣ и прислушивался. Толпа пѣла пѣсню и чѣмъ ближе подходила, тѣмъ голоса становились слышнѣе. Баклановъ замѣтилъ впереди идущую фигуру въ бѣлой рубахѣ, синихъ штанахъ, которая разводила руками и помахивала платкомъ. Это былъ гайдукъ Петруша, совсѣмъ сѣдой какъ лунь, но еще бодрый...

Голоса совсѣмъ ужь стали слышны; Баклановъ сталъ, наконецъ, различать слова:

«*Съ поля, съ поля ѣдетъ баринъ*», пѣли мужики и бабы.

«*Двѣ собачки впереди!*» слышался, по преимуществу, дребезжащій голосъ Петруши.

«*Поровнявшися со мною, кинулъ онъ умильный взглядъ!*» пѣли, кажется, по преимуществу женщины.

«*Здравствуй, милая красотка, изъ котораго села?*» пробасили ужь мужчины.

«*Вашей милости крестьянка, отвѣчала ему я!*» опять залились женскіе голоса.

Всю эту штуку выдумалъ, и управлялъ ею старикъ Петруша.

Баклановъ, стоя на балконѣ, все ниже и ниже наклонялъ голову; наконецъ, не могъ выдержать и, убѣжавъ къ себѣ въ кабинетъ, упалъ на диванъ и зарыдалъ.

Покуда онъ лежалъ тамъ, толпа пришла на дворъ, и слышалась ужь другая пѣсня:

«Башмачки, башмачки,
«Башмачки мои тороченые!
«Три рубля за нихъ платила,
«Только день въ нихъ проходила.
«Башмачки, башмачки,
«Башмачки мои тороченые!»

Изображение предоставлено Российской национальной библиотекой

При этомъ какой-то малый, изъ простыхъ деревенскихъ мужиковъ, неистово ломался передъ народомъ.

Бакановъ, наконецъ, вышелъ на крыльцо.

— Ура! нашъ батюшка, баринъ!—вскрикнула толпа, подкидывая шапки на воздухъ. — Ура! — повторила она. И опять этимъ распорядился старикъ Петруша, который стоялъ на правомъ флангѣ и выше всѣхъ поматывалъ рукой.

Бакановъ снова прослезился.

— Благодарю васъ, братцы! — началъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Что-же водку-то?.. Подавайте водку-то! — прибавилъ онъ.

Управляющій, съ огромнымъ боченкомъ и со стакаиомъ въ рукахъ, пошелъ обносить.

— Давай по два стакана за разъ! — сказалъ Бакановъ.

Мужики при этомъ отхаркивались, отплевывались, однако выпивали.

— Земли вамъ, братцы, — продолжалъ, между тѣмъ, Бакановъ, стоя передъ ними: — по Положенію назначено по четыре десятины; но вы владѣете, вѣроятно, больше?

— Да, словно бы есть маленькій излишечекъ, — произнесло нѣсколько стариковъ-мужиковъ.

— Весь этотъ излишекъ оставляю вамъ, не отрѣзываю ни клочка.

— Благодаримъ, батюшка, покорно! — произнесли опять тѣ-же старики.

— Земля-то больна плоха, — сказалъ стоявшій нѣсколько вдали рыжій, съ перекошеннымъ лицомъ, среднихъ лѣтъ мужикъ: — каменья да илякъ.

— Ну ужь, любезный, мнѣ для тебя земли не выдумать, не сочинять, — отозвался ему Бакановъ, услышавъ его слова.

— Что, пустяки!... Земля какъ быть надо землѣ... У всѣхъ здѣсь одинаковая, — сказалъ опять старикъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Такая, небось, какъ у тебя, у стараго. По сороку телѣгъ на одну полосу навоза-то валишь, — возразилъ ему, въ свою очередь, мужикъ.

— А тебѣ кто мѣшаетъ, какой лѣшій? — окрысился на него старикъ.

— Ну-съ, дворовые теперь, — перебилъ ихъ Баклановъ: — желаете ли оставаться у меня временно-обязанными крестьянами?

— Лучше того намъ быть не можетъ!—сказалъ ему первый Петруша.

— Старики пусть живутъ здѣсь, а молодые промышляютъ и будутъ платить за нихъ оброкъ, — сказалъ Баклановъ.

— Намъ тоже, Александръ Николаевичъ, все про нихъ да для нихъ взять негдѣ-съ! — сказалъ молодой парень.

— А ты вотъ найдешь у меня, какъ тебя на міру-то раза два поучатъ; ихъ вспоили, вскормили, а они батекъ и знать не хотятъ,—сказалъ Баклановъ.

— Такъ, батюшка, Александръ Николаевичъ, справедливо! — отозвались съ удовольствіемъ старики.

— Ну, садитесь, кушайте!

Мужики повернулись и стали усаживаться за приготовленные для нихъ столы.

— А я вотъ къ бабамъ пойду и побесѣдую съ ними,— прибавилъ Баклановъ и пошелъ.

Онъ давно уже видѣлъ между женщинами Марью, которая, съ замѣтнымъ любопытствомъ, смотрѣла на него, и даже, какъ показалось ему, съ нѣкорымъ чувствомъ.

Онъ прямо подошелъ къ ней.

— Здравствуй, Марья? — сказалъ онъ и протянулъ къ ней руку.

Она хотѣла было поцѣловать ее.

— Какъ можно! этого ужь нынче нѣтъ, — говорилъ Баклановъ, не давая ей руки и хотѣлъ поцѣловать ее въ

лобъ; но Марья протянула къ нему губы, и они поцѣловались, и оба покраснѣли.

Другія женщины смотрѣли на всю эту сцену съ усмѣшкой.

— Ну, садитесь!.. Садись, Марья, и я сяду около тебя!...

Марья продолжала смотрѣть на него съ любопытствомъ.

— Я стану съ вами ужинать и выпью водки. Эй, дайте сюда!..

Приказчикъ подалъ.

— Ну, вы теперь, — продолжалъ Баклановъ, выпивъ самъ рюмку и обращаясь къ женщинамъ.

Большая часть изъ нихъ отхлебнули только, а Марья такъ и совсѣмъ отказалась.

Подслѣповатая старуха, та самая, которая такъ сильно выла, когда онъ въ первый еще разъ уѣзжалъ изъ Лопуховъ, не спускала съ него глазъ.

— Какъ баушка-то на барина смотритъ, — замѣтила одна женщина.

— Что ты, старушка?.. — обратился къ ней Баклановъ.

— Да больно какъ, батюшка, гляжу, баря-то просты нынѣ стали! — отвѣчала она.

— Просты они, матушка, нынѣ всѣ! — отвѣчала ей прежняя женщина.

Марья, сидя около Бакланова, замѣтно модничала.

— Коли ты не хочешь водки, мы вино будемъ пить. Помнишь, какъ когда-то пивали съ собой? — обратился онъ къ ней.

Приказчикъ, по его приказанію, принесъ изъ горницы бутылку мадеры.

— Нѣтъ, баринъ, не хочу, не стану! — отказывалась Марья, отстраняя рукою стаканъ, который подавалъ было ей Баклановъ.

На мужской половинѣ, между тѣмъ, начинали все больше и больше пошумливать.

— Мнѣ таперича, Яковъ Ивановичъ, что значитъ — ничего, — заговорилъ уже прежній покорный старичекъ.

— А я его, дьявола, вотъ какъ ссучу! — говорилъ съ перекошенной рожей мужикъ и показывалъ даже руками, какъ онъ кого-то ссучитъ.

— Тсъ! Тише! — скомандовалъ достаточно выпившій Петрушка. — Пѣсню господину пѣть.

— Пѣсню, изволь! — повторила толпа.

— Братцы, пойдемте въ садъ, тамъ намъ попривольнѣй будетъ веселиться! Эй! вино несите въ садъ! — сказалъ громко Баклановъ.

— Въ садъ, робята, уважимъ барина! — раздалось нѣсколько голосовъ.

Вся толпа тронулась.

Баклановъ постоянно старался быть около Марьи. Онъ нарочно затѣялъ идти въ садъ, чтобы въ тѣнистыхъ аллеяхъ удобнѣе съ ней объясниться.

Солнце въ это время закатилось, и горѣла одна только яркая заря.

Передъ балкономъ мужики расположились по одну сторону, а бабы по другую.

Баклановъ оставался между послѣдними.

Загорланили пѣсню тамъ и тамъ: сначала пѣли было одну, а потомъ стали разныя.

Баклановъ взялъ Марью за задъ сарафана и посадилъ ее около себя.

— Ой, баринъ, не трожьте! — проговорила она, отодвигаясь отъ него.

Другія бабы, замѣтивъ это, поотошли нѣсколько.

— Пойдемъ въ горницу, — шепнулъ ей Баклановъ.

— Я еще, баринъ, не сошла съ ума... — отвѣчала она, устремляя на него насмѣшливый взглядъ.

— Да, вѣдь, прежде ходила-же?

— Мало-ли вы прежде крови нашей пили! — отвѣчала Марья.

Бакланову сдѣлалось стыдно и досадно.

— Я, кажется, тебя не принуждалъ?

— Волей, значитъ, видно, шла! — отвѣчала насмѣшливо Марья.

— Да вѣдь, это глупо-же, — произнесъ Баклановъ: — прежде тамъ какъ-бы то ни было, но были-же отношенія; отчего-же теперь... Я денегъ тебѣ дамъ, сколько хочешь!

— Не надо, баринъ, никакихъ мнѣ вашихъ денегъ,— проговорила Марья и потомъ, прибавивъ тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ: «Пустите-съ!» отошла на болѣе приличное ей мѣсто.

Такое холодное и насмѣшливое обращеніе ея разсердило Бакланова. Онъ перешелъ на балконъ и сѣлъ на мужскую половину.

Бабы, точно въ насмѣшку, запѣли какую-то звончайшую пѣсню, и Марья впереди всѣхъ выводила.

Передъ Баклановымъ всталъ раскорякой одинъ совсѣмъ пьяный мужикъ.

— Баринъ, я пляшу, смотри, — говорилъ онъ, и обернувшись спиной, началъ приплясывать. — Да ты гляди, хорошо-ли? — говорилъ онъ.

— Обернись, дуралей, къ барину-то лицомъ, — усовѣщевали его другіе мужики.

— Изволь, сейчасъ!.. — отвѣчалъ мужикъ и, обернувшись къ Бакланову лицомъ, показалъ языкъ.

— Экой дуракъ! экой скотина! — проговорили ему на это другіе мужики.

— Дуракъ и есть! — подтвердилъ Баклановъ, вставая и уходя въ комнаты.

«И это люди!» — говорилъ онъ мысленно самъ съ собой.

Черезъ полчаса къ нему пришелъ приказчикъ, тоже выпивши.

Из фонда Российской национальной библиотеки

— Говорили съ Марьей-съ? — спросилъ онъ его съ улыбкой.

— Неприступна ужь очень стала! — отвѣчалъ Баклановъ въ томъ-же тонѣ.

— Всѣ онѣ, проклятыя, набрались этой фанаберіи! — объяснилъ прикащикъ.

— Что это они такъ шумятъ? — спросилъ Баклановъ съ досадой.

— Да разныя тамъ свои глупости врутъ; разберешь у нихъ!

— Прогони ихъ! Скажи, чтобы шли по домамъ. Съ ними нельзя повеселиться хорошенько!

— Безчувственный народъ, — какъ есть самый! Докладывать-то только давеча не смѣлъ, а стоятъ они этого! — отвѣчалъ прикащикъ и ушелъ.

Баклановъ слышалъ потомъ его голосъ и нѣсколько ругавшихся съ нимъ голосовъ. Шумъ не только не умолкалъ, но становился все больше и больше въ саду и на дворѣ. Бабы продолжали визжать пѣсни.

Баклановъ, наконецъ, нашелъ нужнымъ затворить окна, запереть потомъ двери и осмотрѣлъ свой револьверъ. «Чортъ ихъ знаетъ, чего имъ не придетъ, пожалуй, въ пьяныя-то башки!»

XX.

Возвратившаяся любовь.

На другой-же день послѣ того, Баклановъ, въ легонькой бричкѣ, на наемной тройкѣ, несся, что есть духу, по дорогѣ къ Ковригину.

Софи его извѣстила коротенькимъ письмецомъ, что она уѣзжаетъ на дняхъ за-границу, и вдругъ эта женщина выросла въ его глазахъ: ему показалось, что онъ

жить безъ нея не можетъ. Онъ рѣшился ее нагнать и ѣхать вмѣстѣ съ нею. Онъ трепеталъ одного, — что не нагонитъ Софи: тогда ужъ рѣшительно не зналъ, что съ собой дѣлать, хоть стрѣляйся!

Въ Ковригинѣ, не доѣхавъ еще до крыльца, онъ выскочилъ изъ брички и побѣжалъ въ домъ. Сердце его забилось радостною надеждой. Двери въ сѣни были не заперты и даже не затворены.

Баклановъ прямо пошелъ черезъ корридоръ въ комнату Биби, отворилъ дверь, и странное зрѣлище представилось его глазамъ: на постели, въ одной рубашкѣ и босикомъ, лежалъ Петръ Григорьевичъ и, закрывъ глаза, держалъ одно ухо обращеннымъ въ правую сторону. На деревянномъ стульчикѣ около него сидѣла старуха и что-то безпрестанно ему говорила, покачивая въ тактъ головой.

При видѣ Бакланова, Петръ Григорьевичъ вскочилъ и ужасно сконфузился.

— Извините, сдѣлайте милость, — заговорилъ онъ.

— Гдѣ Софья Петровна? — спрашивалъ его тотъ задыхающимся голосомъ.

— Сейчасъ... часа съ два, какъ уѣхала, — отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ.

— Сдѣлайте милость, тройку мнѣ лошадей... я ее догоню... мнѣ до нея и ей до меня крайняя надобность.

— Сейчасъ лошади будутъ! — отвѣчалъ самонадѣянно Петръ Григорьевичъ и, въ одной рубахѣ, босикомъ, пошелъ на улицу.

Баклановъ остался въ тоскливомъ и нетерпѣливомъ ожиданіи.

— Гдѣ лошади-то! — Нѣту лошадей-то! — бормотала между тѣмъ старуха.

— Вы что тутъ дѣлали? — спросилъ ее Баклановъ.

— Сказки барину-то разсказывала... охотникъ... очень ужь любитъ это! — отвѣчала старуха.

«Вотъ, чортъ, чѣмъ занимается!» — подумалъ Бакла-новъ.

Петръ Григорьевичъ возвратился что-то не съ весе-лымъ лицомъ.

— Говорятъ, лошади не съѣзжены, не пойдутъ — проговорилъ онъ.

— О вздоръ! — у меня пойдутъ! — проговорилъ Бакла-новъ и, видя что надѣяться больше на распоряди-тельность добродушнаго старца нечего, самъ пошелъ. На дворѣ стояли старикъ-староста, молодой сынъ его, сельскій даже староста и ямщикъ, пріѣхавшій съ Бакла-новымъ. Всѣ они въ какомъ-то раздумьи разсуж-дали.

— Пустяки, братцы, у меня пойдутъ; я вамъ заплачу за это! — говорилъ Баклановъ.

— Намъ, батюшка, не жаль, — отвѣчалъ старикъ-староста: — пятнадцать лошадей на дворѣ стоятъ, ни одна не ѣзжена; тетенька при жизни-то не приказывала, а послѣ смерти ихъ — мы сами не смѣли.

— Карька-то сходитъ; разъ въ телѣгѣ ѣздилъ я на немъ, — подхватилъ молодой парень.

— Пустое дѣло, какъ тройки не выбрать изъ пят-надцати животинъ! — насмѣшливо замѣтилъ извощикъ Бакланова.

— Выбери ка, попробуй, и поѣзжай самъ! — сказалъ ему старикашка-староста.

— Ну и выберу, — али нѣтъ! — отвѣчалъ ему мо-лодцовато извозчикъ.

— Попробуйте-ка въ самомъ дѣлѣ, ребята! — распо-ряжался между тѣмъ сельскій староста, начинавшій явно принимать тонъ полицейскаго чиновника.

— Ну и попробуй, и поѣзжай! — говорилъ старикъ-староста, идя съ сыномъ и съ извозчикомъ въ конюшни.

— И поѣду, покажу вамъ въ зубы-то, какъ это дѣло надо дѣлать! — говорилъ извощикъ.

Вскорѣ они привели тройку лошадей и выкатили изъ сарая телѣгу.

Смотрѣть на сцену закладыванья вышелъ на крыльцо и Петръ Григорьевичъ, по прежнему, въ одной рубашкѣ.

Коренная вошла въ оглобли съ нѣкоторымъ приличіемъ; впрочемъ извозчикъ имѣлъ осторожность, вынувъ изъ своего собственнаго кармана бичевку, взнуздать ее этимъ. Молодой парень сталъ ее держать. Лошадь какъ-то глупо-сердито поводила глазами.

Изъ пристяжныхъ одна, когда ей поворачивали, какъ слѣдуетъ, голову, она задъ отворачивала; задъ подвернутъ, голову отнесетъ. Другая-же при этомъ и лягнула. Старикъ-староста, отскочивъ отъ нея, проговорилъ: «дьяволъ, что ты!» Обѣихъ ихъ взялись держать подъ уздцы сельскій староста и пришедшій какой-то ужь новый мужикъ.

— Въ трокъ имъ головы-то, въ трокъ, — кричалъ было съ крыльца Петръ Григорьевичъ, но его никто не слушалъ.

У извозчика, заправлявшаго всѣмъ этимъ дѣломъ, замѣтно дрожали руки.

— Отпускай! — крикнулъ онъ, проворно вскакивая въ телѣгу и подбирая возжи.

Всѣ трое разскочились. Лошади сначала пошли хорошо.

Въ телѣгу наскакали молодой малый, сельскій староста, новый мужикъ и даже бѣжалъ было и старикъ-староста, да не успѣлъ ужь вскочить.

— Пойдутъ, ничего, пойдутъ! — ободрялъ съ крыльца Петръ Григорьевичъ.

Лошади, однако, начали все больше и больше забирать.

— Батюшки, бьютъ, кажется! — проговорилъ бѣжавшій за ними старикашка.

— Въ самомъ дѣлѣ бьютъ! — говорилъ Баклановъ, тоже бѣжавшій за ними.

— Держи! держи! — кричали, между тѣмъ, въ самой телѣгѣ, и всѣ хватали за возжи и тянули въ разныя стороны.

Но коренная перекусила уже бичевку, одна изъ пристяжныхъ безпрестанно взлягивала, другая попала ногой въ постромку. Извозчикъ былъ блѣденъ какъ полотно.

Телѣга адски стучала.

Изъ усадьбы побѣжало еще нѣсколько народу, и одинъ только Петръ Григорьевичъ оставался спокоенъ на крыльцѣ.

— Сдержатъ, сдержатъ! — толковалъ онъ вышедшей на крыльцо старухѣ-сказочницѣ.

— Держите на стѣну! на стѣну! — кричалъ сельскій староста, соскакивая самъ съ телѣги.

Но на стѣну не попали, а вылетѣли за околицу, а тамъ на пашню, на косогоръ, въ оврагъ. Телѣга перевернулась, но лошади продолжали нести. Извозчикъ потащился было на возжахъ, но бросилъ; новый мужикъ побѣжалъ было, держась за задокъ телѣги, но упалъ.

Молодой парень лежалъ и охалъ.

Къ нему подбѣжалъ батька.

— Что, батюшка, не убился-ли?

Но парень ничего ему не отвѣтилъ, а вскочилъ и побѣжалъ за лошадьми. Тѣ, какъ неопредѣленная масса какая-то, мелькали вдали.

— Черти! лѣшіе! — говорилъ извозчикъ, возвращаясь въ усадьбу. — Поѣдемте, баринъ, я васъ на своихъ отвезу. Не далеко тутъ. Въ Захарьинѣ, говорятъ, барынято кормитъ, — обратился онъ къ Бакланову.

— Сдѣлай милость, — отвѣчалъ тотъ.

Извозчику всего болѣе было стыдно, что онъ хвастался, а лошади его разбили.

— Поѣдемте сейчасъ-же! — прибавилъ онъ, и затѣмъ, приведя еще дрожавшую отъ усталости свою тройку, заложилъ ее снова въ бричку.

Баклановъ сѣлъ.

— Прощайте! — произнесъ ему съ крыльца, своимъ добродушнымъ голосомъ, Петръ Григорьевичъ.

Баклановъ молча кивнулъ ему головой.

— Кричатъ всѣ, лѣшіе, а то бы я справился съ ними! — продолжалъ, какъ-бы оправдываясь передъ Баклановымъ извозчикъ, а потомъ, отъ сдержанной вѣроятно досады, сталъ неистово сѣчь свою тройку, такъ что та снова заскакала у него. Сердце Бакланова замерло въ страхѣ, когда они стали подъѣзжать къ Захарьину. «Ну, какъ ея нѣтъ тутъ!» — подумалъ онъ, и у него волосы на головѣ стали дыбомъ отъ ужаса. По крайней мѣрѣ за версту еще онъ сталъ въ повозкѣ своей ракомъ, выглядывая, нѣтъ-ли на улицѣ Захарьина экипажа Софи. Но его не было. Почти не помня себя, Баклановъ обѣжалъ всѣ дворы и на одномъ изъ нихъ сказали ему, что Софи приставала ненадолго, но уже съ полсутокъ какъ уѣхала.

Выйдя на улицу, бѣдный герой мой сѣлъ на валявшееся бревно и горько, горько заплакалъ. О, какъ онъ любилъ въ эти минуты Софью.

Из фондов Российской национальной библиотеки

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

I.

Изученіе искусствъ

Въ Петербургѣ судьба сжалилась надъ моимъ героемъ: онъ отыскалъ Софью, помирился съ ней, и они вмѣстѣ отправились за-границу.

Въ одно свѣтлое блистающее утро, оба они, счастливые и довольные, выходили изъ гостиницы Гота въ Дрезденѣ.

Рядомъ съ ними шелъ нѣмецъ, чичероне.

— Мы куда это? — спросила его Софи.

— О, Madame, въ grünes Gewölbe, — отвѣчалъ тотъ.

— Это, гдѣ сокровища хранятся, — пояснилъ ей Баклановъ, внимательно заглянувъ въ красную книжку Бедекера.

Нѣмецъ многозначительно кивнулъ ему, въ знакъ согласія, головой.

Войдя во дворъ королевскаго замка, онъ таинственно посадилъ ихъ въ какихъ-то сѣняхъ. Тутъ уже сидѣли полная дама съ двумя дѣвицами и толстый господинъ, должно быть, русскій купецъ съ бородой, въ пальто, непривычно на немъ сидѣвшемъ, и мрачно склонившій голову. Полная дама бранилась съ дочерьми.

— Ты глупа, что не надѣла коричневой шляпки! — говорила она.

— И не надѣну! — отвѣчала дочь.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— И я не надѣну! — подхватила и другая.

— Дуры! — сказала имъ на это мать.

Все это, разумѣется, было говорено по-нѣмецки и самымъ скромнымъ образомъ.

— Сейчасъ, какъ выйдутъ, такъ и мы войдемъ! — сказалъ таинственно и лукаво нѣмецъ.

Купецъ, при этомъ, приподнялъ на него лицо и почесалъ у себя за ухомъ.

Наконецъ двери отворились, и изъ нихъ стала выходить толпа.

Нѣмецъ, почти съ азартомъ, схватилъ Бакланова и Софи за руку и втолкнулъ ихъ въ дверь, а потомъ сдѣлалъ имъ въ знакъ поздравленія, ручкой.

Тамъ ихъ уже встрѣтилъ самъ господинъ профессоръ, съ почтенною физіономіей, въ очкахъ и ермолкѣ. Купецъ и дама съ дочерьми тоже вошли вслѣдъ за ними.

Профессоръ ввелъ ихъ въ первую, съ статуэтками, комнату, и закрывъ какъ бы отъ удовольствія глаза, началъ имъ разсказывать.

— У насъ это въ каждомъ магазинѣ есть, — сказала Софи.

— Да, — отвѣчалъ Баклановъ! — но это древность!

Въ одной изъ слѣдующихъ комнатъ, съ шпагами и орденами, Софи уже сѣла.

Но за то внимательно и какъ-то злобно разсматривалъ все купецъ.

Дочери полной дамы тоже восхищались разными поддѣльными и настоящими брильянтами.

Въ слѣдующихъ затѣмъ комнатахъ и Баклановъ зѣвнулъ, и больше ужь сталъ обращать вниманіе на изображенія королей саксонскихъ, смутно соображая, какъ этѳ они, изъ этакихъ дикихъ рыцарей, дѣлались все больше и больше образованными принцами.

Съ купца потъ градомъ катился; но онъ, какъ чело-

Из фонда Российской национальной библиотеки

вѣкъ привычный ко всякому черному дѣлу, продолжалъ смотрѣть и слушать.

— Ухъ! — сказалъ наконецъ Баклановъ, когда ихъ выпустили изъ «Грюнесъ Гевельбе.»

— Голова заболѣла, — подтвердила и Софи.

Съ одной только дамой нѣмецкою ничего не случилось, можетъ быть потому, что она прошла, рѣшительно ни на что не смотря.

— Угодно въ галлерею? — произнесъ было провожатый Бакланову и Софи.

Тѣ переглянулись между собой.

— Нѣтъ, мы бы поѣсть хотѣли, — сказали они.

— О, да! — произнесъ нѣмецъ и вѣжливо повелъ ихъ изъ дворца.

Выйдя на площадь, онъ пріостановился и принялъ нѣсколько театральную позу.

— Мостъ! — началъ онъ, показывая въ самомъ дѣлѣ на мостъ: — былъ разрушенъ французами... Императоръ русскій возстановилъ его... Пріятно вамъ это слышать?

— Да, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Терраса! — продолжалъ провожатый докторальнымъ тономъ, ведя нашихъ путниковъ на извѣстную брюлевскую террасу.

— Здѣсь очень мило! — сказалъ Баклановъ.

Внизу, передъ самыми почти ихъ глазами, не очень шумно, да и не совсѣмъ мертво катилась Эльба. По ней приплывали и отплывали веселые на видъ и съ веселымъ народомъ пароходы. Впереди, на другомъ берегу, раскидывался старый городъ, весь перемѣшанный съ зеленью.

Софи сѣла и спросила себѣ кофе.

Баклановъ сѣлъ около нея.

Проводникъ съ серьезнымъ видомъ началъ толковать имъ.

— Все это министръ и любимецъ Августа, курфир-

ста саксонскаго, Брюль сдѣлалъ!... Это его мѣсто и дворецъ.

— Брюль? — переспросилъ Бакламовъ.

— Да, — отвѣчалъ нѣмецъ: — но слава наша на землѣ дымъ: онъ умеръ, и потомокъ его такимъ же ремесломъ занимается, какъ и я...

Подкрѣпившись кофеемъ и освѣжившись воздухомъ, путники наши объявили о своемъ желаніи идти въ картинную галлерею.

Нѣмецъ гордо пошелъ впередъ.

Бакламовъ повелъ Софи подъ руку. За-границей они новою какою-то любовью стали жить, точно снова ее начинали.

— Софи! — шепталъ потихоньку, но съ восторгомъ, Бакламовъ: — вѣдь мы будемъ видѣть Сикстинскую Мадонну, пойми ты это!

— Да, — отвѣчала она.

— Софи, смотри: это Гвидо Рени настоящій! — началъ онъ восклицать съ перваго же шагу.

Купецъ тоже тутъ похаживалъ своею здоровою походкой и на все, не столько со вниманіемъ, сколько со злобою посматривалъ.

— Каковъ Караччи-то, каковъ? — кричалъ на всю залу Бакламовъ.—Отойди вотъ сюда, сядь вотъ тутъ!—говорилъ онъ, отводя и сажая Софи на диванчикъ: — Смотри, видишь эту перспективу капеллы и спину этой молящейся женщины.

— Вижу, — говорила Софи.

Румянецъ снова начиналъ пропадать у нея на щечкахъ и появлялась блѣдность утомленія.

— Пойдемъ, я хочу поскорѣе Мадонну видѣть! — сказала она.

— Ахъ, душа моя, нѣтъ! — сказалъ было сначала Бакламовъ, но впрочемъ пошелъ.

— Это вотъ Рембрантъ, это Джуліо-Романо, это Клодъ-Лорренъ; напередъ вижу и знаю, неподходя!

Софи заглянула на надпись.

— Нѣтъ, это Тиціанъ подписано! — сказала она.

— Да, ну, они схожи въ манерѣ, — произнесъ Бакланов, и они вошли къ Мадоннѣ.

Въ первое мгновеніе Софи и Бакланов взглянули на картину, а потомъ другъ на друга.

— А! — произнесъ онъ, увлекая и сажая Софи на диванъ. — А! — повторилъ онъ. — Тебя что больше всего поразило?... — прибавилъ онъ почти шепотомъ.

— Младенецъ, я ужь и не знаю что это такое! — отвѣчала Софи.

— А, младенецъ! — повторилъ Бакланов попрежнему тихо: — да ты видишь ли, что это будущій аскетъ реформаторъ!

— Божескій какой-то огонь въ глазахъ.

— А ты видишь эти волоски сбившіеся... это они вѣдь на облакахъ плывутъ... это вѣтеръ ихъ немножко раздулъ, — продолжалъ Бакланов.

— А вотъ она-то хороша!

— Она плыветъ... идетъ... она мать... она уничтожена, чувствуетъ Бога на рукахъ...

Софи продолжала смотрѣть.

— Это вѣдь не картина!.. Это развернлись небеса и оттуда видѣніе!.. — толковалъ ей Бакланов.

— Да, — подтверждала Софи.

Ей почему-то въ эти минуты вдругъ припомнилась вся ея жизнь, и ей сдѣлалось какъ-то неловко.

— Ну! — сказала она, послѣ цѣлаго получаса молчанія, въ продолженіе котораго Бакланов сидѣлъ, какъ въ опьянѣніи.

— Пойдемъ! — отвѣчалъ онъ ей, и оба, молча и подъ вліяніемъ какихъ-то особенныхъ мыслей, вышли.

Из фондов Российской национальной библиотеки

II.

Нѣмецкій обѣдъ и нѣмецкій вечеръ.

— Я не могу больше ужь этого ѣсть, — говорилъ Баклановъ, отодвигая отъ себя осьмое блюдо, которое подавали имъ на Брюлевской террасѣ.

— Ужасно! — сказала и Софи, тоже отодвигая отъ себя тарелку.

— Garçon! — крикнулъ Баклановъ.

— Monsieur! — отозвался тотъ съ шикомъ парижскаго гарсона.

— Возьми! — сказалъ Баклановъ.

— Monsieur trouve que cela n'est pas bon?

— Напротивъ, совершенно bon, но es ist genug.

— Vous êtes russiche gentlemen! — произнесъ одобрительно, но Богъ ужь знаетъ на какомъ языкѣ, гарсонъ.

Невдалекѣ отъ нашихъ героевъ, обѣдалъ, или, точнѣе сказать, хлебалъ бульонъ съ вермишелью русскій купецъ. Баклановъ рѣшился, наконецъ, къ нему обратиться.

— Вы тоже путешествуете? — сказалъ онъ.

— Да-съ! — отвѣчалъ купецъ, боязно на него посмотрѣвъ.

— Что-же вы, для здоровья или для разсѣянія вояжируете?

Купецъ обвелъ кругомъ себя глазами.

— По дѣламъ своимъ, — извѣстно-съ! — сказалъ онъ, и тотъ же недовольный взглядъ перевелъ на подававшаго ему счетъ гарсона, и при этомъ совершенно чисто и свободно заговорилъ съ нимъ по-нѣмецки.

«И языки еще иностранные знаетъ, скотина этакая!..» подумалъ про себя Баклановъ.

Из фонда Российской национальной библиотеки

Купецъ, отдавъ деньги, сейчасъ же ушелъ, и черезъ какую-нибудь минуту уже видна была далеко-далеко мелькающая его фуражка въ саду.

Баклановъ сталъ наблюдать надъ другими посѣтителями.

Часа въ четыре пришли музыканты; пришло нѣсколько пріѣзжихъ семействъ, прибыла и полная дама съ двумя своими дочерьми. Дѣвушки на этотъ разъ покорились родительской власти и были въ коричневыхъ шляпкахъ, которыя въ самомъ дѣлѣ были ужасно смѣшныя и совершенно къ нимъ не шли.

Баклановъ заговорилъ съ ними.

— Вы, вѣроятно, тоже иностранки?

— О, нѣтъ, мы саксонки! — отвѣчали обѣ дѣвушки въ одинъ разъ и съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

— И осматриваете древности?... Дѣлаетъ честь вашему патріотическому чувству!

— О, да, мы должны все осмотрѣть, — крикнули дѣвушки.

Бакланову показались онѣ очень глупы, и онъ прекратилъ съ ними бесѣду.

Прошло четверо офицеровъ, эффектно постукивая саблями, въ нафабренныхъ усахъ и въ вымытыхъ замшевыхъ перчаткахъ.

— Посмотри, какъ эти господа похожи на нашихъ аптекарей! — сказалъ онъ Софи.

— Да! И точно, знаешь, не настоящіе офицеры, а для театра только нарядились!

Заиграла музыка, и музыкальная нѣмецкая душа почувствовалась въ каждой флейтѣ, кларнетѣ, въ какой-нибудь второстепенной валторнѣ.

Баклановъ все время поколачивалъ ногой и моталъ въ тактъ головой.

Софи опять почему-то взгрустнулось, и стала ей припоминаться прошлая жизнь.

Въ антрактахъ публика пила кофе, пиво, ѣла мороженое, а кто и ростбифъ: нѣмцы могутъ ѣсть во всякое время и что вамъ угодно!

Путешественники наши наконецъ утомились.

— Домой! — сказала Софи приподымаясь.

— Allons! — произнесъ Баклановъ.

Возвратившись въ отель, гдѣ занимали два номера рядомъ, они сейчасъ-же разошлись по своимъ комнатамъ, раздѣлись и улеглись; но вскорѣ стали переговариваться между собой.

— Какъ чудно сегодня день провели! — заговорилъ Баклановъ первый.

— Да! — отвѣчала Софи.

— Завтра, — продолжалъ онъ: — какъ встану, отправлюсь въ картинную галлерею и ужь стану серьезно изучать ее.

— А я, — подхватила Софи: — пойду гулять: я замѣтила прелестное мѣсто въ саду.

— Сойдемся мы, значитъ, на Брюлевской террасѣ часамъ къ двумъ?

— Да, — подтвердила Софи.

III.

Другой день въ Дрезденѣ.

Поутру Софи отправилась на прогулку гораздо позднѣе Бакланова. Онъ еще часовъ въ десять, проходя мимо ея номера, торопливо крикнулъ ей:

— Ну, я иду!

— Ступайте! — сказала ему Софи. Изъ отеля она потомъ вышла какою-то нѣсколько таинственною и робкою походкой.

— Ayez la complaisance, monsieur, de me dire où

Из фондов Российской национальной библиотеки

est la poste? — обратилась она къ одному молодому человѣку.

Тотъ сдѣлалъ какую-то мину изъ лица, развелъ руками и прошелъ мимо.

Софи сконфузилась и обратилась къ болѣе уже пожилому мужчинѣ (по бѣлому галстуху она догадалась, что это долженъ быть пасторъ).

— Montrez-moi votre lettre! — сказалъ ей тотъ почти строгимъ голосомъ.

Софи робко подала ему письмо.

— A Pétersbourg, monsieur Petzoloff! — произнесъ вслухъ нѣмецъ.

Софи въ это время обертывалась, какъ-бы боясь, чтобы не подслушалъ кто.

— Voilà! — произнесъ пасторъ и тутъ же опустилъ письмо въ прибитый передъ самыми ихъ глазами ящикъ.

Софи поблагодарила его милымъ наклоненіемъ головы и прошла въ садъ.

Сначала она сѣла на одну изъ лавочекъ, съ цѣлью помечтать.

Помечтала и пошла потомъ ходить.

Походила, остановилась и съ большимъ вниманіемъ посмотрѣла на одинъ изъ открывающихся видовъ.

Снова сѣла.

Скука ясно уже была видна на ея лицѣ.

Она встала и пошла изъ саду по улицѣ, остановилась передъ одною церковью, полюбовалась и хотѣла было внутрь зайдти, но заперто!

Сойдя со ступеней храма, она вошла не то въ лавочку, не то въ аптеку, купила тамъ мыла и духовъ; но, отойдя немного отъ лавочки и понюхавъ духи, бросила ихъ на тротуаръ: такіе они были гадкіе!

Далѣе она рѣшительно не знала, что съ собой дѣлать, и возвратилась на Брюлевскую террасу.

Всего еще было 12 часовъ.

Черезъ полчаса, впрочемъ, явился туда и Баклановъ, запыленный и усталый.

Онъ поутру прямо и проворно прошелъ въ галлерею; въ двухъ комнатахъ останавливался передъ каждою картиной, справлялся съ каталогомъ, дѣлалъ глубокомысленную мину, записывалъ у себя что-то такое въ книжкѣ; въ третьей началъ онъ хвататься за голову; съ каталогомъ ужь болѣе не справлялся, и наконецъ слѣдующія комнаты прошелъ совершенно быстро и сѣлъ противъ Мадонны. Потомъ вдругъ вскочилъ, какъ-бы вспомнивъ что-то, и вышелъ снова въ прежнія комнаты, снова началъ останавливаться передъ каждою картиной, записывать въ памятную книжку... Между тѣмъ у него во рту стало становиться сухо и поламывало ноги. Не давая себѣ хорошенько отчета, онъ пошелъ, пошелъ и совсѣмъ вышелъ изъ галлереи.

Но на террасу ему совѣстно было идти. Онъ рѣшился пройтись по улицамъ и, не желая встрѣтиться съ Софи, бродилъ по самымъ глухимъ переулкамъ; а тутъ, какъ нарочно, поднялся вѣтеръ, который дулъ ему въ глаза и въ ротъ, такъ что Баклановъ безпрестанно отплевывался и ужь самымъ скорымъ шагомъ отправился на террасу.

— Фу, поработалъ-же сегодня! — сказалъ онъ, усаживаясь подлѣ Софи.

— Все осмотрѣлъ? — спросила она.

— Все!... — отвѣчалъ Баклановъ.

— Стало, мы можемъ уѣхать сегодня отсюда. Мнѣ черезъ мѣсяцъ непремѣнно надобно быть въ Парижѣ.

Послѣднія слова Софи почему-то произнесла несовсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Куда-же ѣхать? — спросилъ Баклановъ.

— Въ Баденъ, на воды; тамъ препріятное, говорятъ, общество, — подхватила Софи съ живостью.

— Хорошо!—отвѣчалъ Баклановъ, зѣвая во весь ротъ.

IV.

Рулетка.

Баденъ-Баденъ былъ въ самомъ разгарѣ своего сезона. Опершись на перилы мостика, идущаго отъ отеля Европы, стоялъ Баклановъ въ какомъ-то упоеніи. Подъ нимъ шумѣлъ источникъ. Кругомъ пѣли птицы. Воздухъ былъ какъ молокомъ пропитанъ. Впереди виднѣлся Conversation's Haus, а за нимъ высокія горы.

Они часа уже три какъ пріѣхали, но Софи все еще одѣвалась. Горничная хлопотливо и безпрестанно входила и выходила отъ нея то за водой, то гладить платье, воротнички.

— Что ты такъ хлопочешь? — спрашивала ее другая горничная, служащая въ нижнемъ этажѣ.

— Съ одной госпожей!... Она очень хороша собой,— отвѣчала первая горничная и показала своей подругѣ, вынувъ изъ кармана, червонецъ.

— Гм. гм! — произнесла та.

Когда Софи вышла, наконецъ, изъ номера, въ шляпкѣ и бѣломъ бурнусѣ, горничная не утерпѣла и сказала ей:

— Vous êtes bien jolie, madame!

Софи съ улыбкой поблагодарила ее наклоненіемъ головы.

Стоявшій внизу оберъ-кельнеръ въ бѣлыхъ штанахъ и бѣломъ галстухѣ, когда проходила она, закусивъ какъ-то губы и, засунувъ палецъ въ ключъ, сталъ имъ колотить себя по ногѣ.

Софи прямо пошла къ Бакланову.

— Какъ ты хороша, однако, сегодня! — невольно проговорилъ онъ.

Софи, гордо закинувъ головку, подала ему руку.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Чтобы нарядиться и выйти на водахъ на гулянье, она какъ-будто была рождена для этого!

Передъ Конверсаціонною залой играла музыка.

Софи и Баклановъ сѣли.

При этомъ обратила на нихъ вниманіе даже одна, какъ впослѣдствіи оказалось, владѣтельная особа, путешествующая инкогнито, которая нѣсколько времени лорнировала ихъ.

Сидѣвшій рядомъ съ Софи молодой англичанинъ тоже каждый разъ вспыхивалъ, когда она взглядывала на него.

— Allons dans la salle, — сказалъ, наконецъ, Баклановъ.

Софи встала.

— Madame, votre gant, — сказалъ англичанинъ, подавая ей уроненную перчатку.

— Merçi, monsieur, — сказала она, долго протянувъ эти слова.

— Madame est francaise? — прибавилъ онъ совсѣмъ уже робко.

— Non, monsieur, je suis Russe, — отвѣчала Софи.

Англичанинъ въ почтеніи склонилъ передъ ней голову.

Въ первой же великолѣпной залѣ, въ которую они вошли, раздался радостный голосъ:

— Баклановъ, Боже мой! Кого я вижу!

Но Баклановъ при этомъ дрогнулъ и даже поблѣднѣлъ. Къ нимъ подходилъ, съ бородой, одѣтый совершеннымъ франтомъ и, какъ видно, чище обыкновеннаго умывавшійся Никтополіоновъ.

Софи невольно отняла руку отъ Баклапова и даже отошла отъ него.

— Скажите пожалуйста! — кричалъ между тѣмъ тотъ, подмигивая своимъ единственнымъ глазомъ: — вы совершенно пропали изъ К...

— Я былъ въ Петербургѣ, въ деревнѣ, а теперь за-

границей, — отвѣчалъ Баклановъ, желая поскорѣе уйдти отъ своего соотечественника.

— А у насъ Богъ знаетъ какіе слухи про васъ! — воскликнулъ Никтополіоновъ и потомъ вдругъ обратился къ Софи:

— Il me semble, que j'ai l'honneur de voir madame Leneff?

Софи слегка, но серьезно и ничего не сказавъ, поклонилась ему.

— У насъ, Богъ знаетъ, что говорятъ, — продолжалъ Никтополіоновъ, снова обращаясь къ Бакланову:— что вы вашу супругу бросили... въ разводѣ съ ней...

— Сплетни въ нашемъ городѣ не новость, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Гдѣ рулетка? — Я рулетку желаю видѣть, — перебила ихъ разговоръ Софи.

— Позвольте мнѣ быть вашимъ кавалеромъ! Я здѣсь, какъ дома, — сказалъ Никтополіоновъ и ловко предложилъ Софи руку.

Она должна была идти съ нимъ.

— Вы вмѣстѣ путешествуете съ Баклановымъ? — спросилъ онъ ее невиннѣйшимъ образомъ.

— Мы встрѣтились съ нимъ въ Дрезденѣ, также какъ вотъ и съ вами теперь, — отвѣчала Софи небрежно.

— Да!... разумѣется,—подхватилъ Никтополіоновъ:— какъ пріятны эти встрѣчи!

За-границей онъ былъ хотя также ядовитъ, но по крайней мѣрѣ гораздо вѣжливѣе.

— Про Бакланова тамъ рѣшительно говорятъ, что онъ бросилъ жену и влюбился въ какую-то даму...

— А, такъ вотъ какая рулетка! — перебила его на этихъ словахъ Софи, останавливаясь передъ огромнымъ игорнымъ столомъ.

Баклановъ пошелъ и сталъ на другомъ его концѣ. Онъ хотѣлъ показать, что вовсе не съ Софи пріѣхалъ.

— Какъ же тутъ играютъ? — продолжала та, смотря со вниманіемъ на груды золота и серебра, которыя безпрестанно переходили то къ банкометамъ, то къ играющимъ.

— Очень просто: положите деньги на какое угодно вамъ мѣсто, тамъ ужь не обсчитаютъ! — объяснилъ ей Никтополіоновъ и бросилъ самъ два талера.

Ему дали четыре. Онъ положилъ ихъ въ карманъ.

— Ахъ, это весело! — воскликнула Софи и бросила пять талеровъ. У нея взяли. Она еще; опять взяли. Никтополіоновъ попросилъ одного сидѣвшаго тутъ господина, чтобъ онъ уступилъ ей мѣсто. Тотъ всталъ.

Софи помѣстилась къ столу.

Она бросила пять червонцевъ. У ней взяли. Она еще десять. У ней взяли.

— Пріостановитесь немножко!... ставьте поменьше! — научалъ ее Никтополіоновъ.

Софи поставила червонецъ. Ей дали три. Она еще три. Ей дали шесть. Потомъ она опять проиграла.

— Теперь увеличьте кушъ! — шепталъ ей Никтополіоновъ.

Софи поставила двадцать червонцевъ.

У нея взяли:

Софи поставила еще пятьдесятъ.

У нея взяли.

— Софи, что вы дѣлаете? — кричалъ ей Баклановъ съ другаго конца.

Но Софи даже и не отвѣчала ему. Лицо ея горѣло....

Она поставила билетъ въ четыреста франковъ, взяли!

Она высыпала все золото изъ кошелька, ей дали немного.

Она все это поставила и приложила еще билетъ въ четыреста франковъ, — взяли!

— Нѣтъ больше пока денегъ! — проговорила она, обращая къ Никтополіонову свое взволнованное лицо.

— Какъ? все проиграли?—спросилъ тотъ ее съ удивленіемъ.

— Кредитивъ у меня на Парижъ! — отвѣчала съ досадой Софи и потомъ вдругъ обернулась къ Бакланову.— Дайте мнѣ денегъ! — сказала она.

Тотъ, растерявшись, и всѣмъ этимъ очень недовольный, вынулъ портъ-моне.

— Давайте всѣ, сколько есть! — проговорила Софи, и, потомъ повернувшись, сейчасъ-же начала ставить.

Въ два пріема портъ-моне Бакланова былъ пустъ.

Софи, по крайней мѣрѣ, часа три сидѣла около стола; глаза ея неустанно бѣгали за золотомъ: ей очень было жаль тѣхъ денегъ, которыя она проиграла, и ужасно хотѣлось выиграть тѣ, которыя она видѣла передъ собой.

На другой день, еще часовъ въ одиннадцать, Никтополіоновъ зашелъ за ней, увелъ ее подъ руку, въ Salle de Conversation, записывалъ для нея проигравшіе на рулеткѣ номера и училъ, на которые ставить.

Бакланова болѣе всего безпокоило, гдѣ Софи брала денегъ; но оберъ-кельнеръ объяснилъ ему это.

— Monsieur! — окликнулъ онъ его разъ, когда тотъ проходилъ мимо его будки: — Дама эта — ваша родственница?

— Да! — отвѣчалъ Баклановъ, заранѣе предчувствуя что-то недоброе.

— Вамъ извѣстно, что она заложила у хозяина всѣ свои брильянты за пятнадцать тысячъ франковъ?

Баклановъ пожалъ плечами.

— Ея дѣло! — сказалъ онъ съ улыбкою.

— О, здѣсь это часто бываетъ! — произнесъ оберъ-кельнеръ.

Вечеромъ, впрочемъ, когда Софи, утомленная и усталая, возвратилась въ свой номеръ, Баклановъ рѣшился постучаться къ ней въ комнату. Она отворила ему несовсѣмъ поспѣшно и несовсѣмъ съ удовольствіемъ.

— Вы все играете? — началъ онъ.

— Да.

— Выиграли?

— Проиграла.

— Зачѣмъ вы это, Софи, дѣлаете?

— Я не на ваши деньги играю, а на свои.

— На чьи-бы то ни было, все-таки это безумство и наконецъ неприлично.

— Моя вся жизнь была неприличіе и безумство! — отвѣчала Софи, вынимая изъ косы гребенку и закладывая волосы за ухо, видимо приготовляясь спать. Баклановъ принужденъ былъ уйти.

Такъ прошелъ еще день, два, три... Чтобы спасти себя отъ невыносимой скуки, Баклановъ однажды утромъ рѣшился съѣздить, на ослѣ верхомъ, въ одну изъ сосѣднихъ горъ, на которой, говорили ему, были развалины. Мѣстность, чрезъ которую онъ проѣзжалъ, была восхитительна, но на душѣ у него было скверно! При подъемѣ на самую гору онъ увидѣлъ, что на встрѣчу ему спускается другой господинъ, который, поровнявшись съ Баклановымъ, сейчасъ же повернулъ своего осла рядомъ съ нимъ.

— Господинъ Баклановъ! — проговорилъ онъ.

Баклановъ узналъ въ немъ старшаго Галкина.

— Вы тоже оставили Россію? — началъ молодой человѣкъ.

— Да, — отвѣчалъ Баклановъ, погоняя осла.

— Это невозможно, тамъ оставаться!... Чортъ знаетъ, что такое происходитъ!... — продолжалъ Галкинъ.

Баклановъ молчалъ.

— Вы знаете, меня не пускали совсѣмъ за-границу! — продолжалъ онъ съ гордымъ видомъ.

«Тебя бы не только надо пускать, а выгнать изъ каждой страны!» — подумалъ Баклановъ.

— Кого еще я здѣсь встрѣтилъ? — заговорилъ моло-

дой человѣкъ уже съ хохотомъ и видя, что прежній разговоръ не занимаетъ его спутника: — Madame Леневу!... Помните, которая жила съ отцомъ... Она вдругъ меня спрашиваетъ объ немъ; видно, опять желаетъ обирать его!...

— А батюшка вашъ здѣсь? — спросилъ Баклановъ.

— Да, но онъ еще не выѣзжаетъ... Мы всего здѣсь три дня... Госпожа эта ужасная мерзавка!... Она столько у него перебрала.

Баклановъ, наконецъ, не выдержалъ.

— Послушайте, вы еще мальчишка и позволяете себѣ подобнымъ образомъ говорить о женщинѣ.

Галкинъ сконфузился.

— Женщина женщинѣ рознь!... — пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ, не рознь! — воскликнулъ Баклановъ: — она моя родственница, понимаете ли вы это?...

Галкинъ совсѣмъ растерялся.

— Я не зналъ этого!... — сказалъ онъ.

— Ну, такъ я заставлю васъ знать! — кричалъ Баклановъ: — и сейчасъ-же васъ, съ вашимъ осломъ, отправлю въ эту пропасть! — прибавилъ онъ, показывая на крутѣйшій обрывъ, мимо котораго они проѣзжали, и вслѣдъ затѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, началъ толкать Галкинова осла въ спину, въ задъ, чтобъ онъ подошелъ къ обрыву.

— Перестаньте, Баклановъ, перестаньте! — кричалъ во все это время молодой еврей.

Баклановъ разбилъ себѣ ногу, руку, но ничего не сдѣлалъ съ осломъ.

— Эманципаторы тоже женскіе! — заключилъ онъ бѣшенымъ голосомъ.

Но Галкинъ успѣлъ уже въ это время повернуть осла и ѣхать подъ гору.

— Вы ужаснѣйшій чудакъ! — говорилъ онъ, обертываясь къ Бакланову, котораго главнымъ образомъ въ эти

минуты взбѣсило то, что Софи проигрывалась и, пожалуй, опять продастъ себя Галкину.

Возвратившись съ своей прогулки, онъ рѣшился еще разъ, и уже въ послѣдній, имѣть съ ней объясненіе.

Къ удивленію своему, онъ на этотъ разъ засталъ ее дома и, грубо отворивъ дверь, вошелъ къ ней въ номеръ.

Софи, съ изнуреннымъ и истощеннымъ лицомъ, стояла около своего дорожнаго сундука и укладывала въ немъ.

Баклановъ началъ прямо:

— Вамъ, вѣроятно, пріятно здѣсь; но я никакъ не могъ этого сказать про себя, а потому я уѣзжаю.

— Я сама уѣзжаю,— отвѣчала она ему спокойно.

— Куда-же это?

— Въ Парижъ.

— Но вѣдь мы, кажется, предполагали съ вами ѣхать сначала въ Швейцарію, подышать чистымъ воздухомъ.

— Поѣдемте въ Швейцарію, для меня все равно,— отвѣчала Софи, садясь уже на стулъ.

Баклановъ опять ожилъ отъ радости.

— У меня только денегъ нѣтъ; я должна спѣшить,— прибавила она.

— Да деньги у меня есть; возьмите на путешествіе.

— Хорошо!...

Черезъ нѣсколько минутъ Баклановъ рѣшился ее спросить о главномъ:

— А что, Софи, вы много проиграли?

— Много,— отвѣчала она съ улыбкой:— тысячъ сорокъ франковъ проиграла.

— Сорокъ тысячъ! Зачѣмъ-же вы это дѣлали?

— Такъ, отъ скуки... скучно!...— отвѣчала Софи.

— Много-ли-же теперь у васъ осталось отъ всего капитала?

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Немного ужь! — отвѣчала Софи опять съ улыбкой, и затѣмъ, выславъ Баклановa отъ себя, занялась своимъ туалетомъ, и къ обѣду вышла, блистающая красотой и нарядомъ.

V.

Восхожденіе на гору Риги.

По Цугскому озеру къ Арту шелъ пароходъ.

На немъ ѣхали наши путешественники. Тутъ они уже входили въ настоящія швейцарскія горы, которыя, сдавляя взоръ то зеленѣющими, то обрывистыми и почти голыми скалами, окружали ихъ со всѣхъ сторонъ. Неба чистаго, голубаго, блистающаго полуденнымъ солнцемъ, былъ видѣнъ только клочокъ. На нижнихъ склонахъ горъ были разсыпаны деревеньки; а на верхнихъ — изрѣдка мелькали пастушьи хижины. Все это какъ-будто-бы было на театрѣ, а не въ жизни и не на землѣ.

Баклановъ безпрестанно повертывался изъ стороны въ сторону.

— Нѣтъ, тутъ жить нельзя, — говорилъ онъ: — это слишкомъ все какъ-то искусственно... Жизнь человѣческая должна проходить обыкновеннѣе.

— Что въ нашей-то обыкновенной жизни! Наскучила ужь она! — возразила Софи.

— Посмотри, — прибавилъ онъ: — ты видишь дымъ около этой горы? Это облака.

— Это гора Риги! — объяснилъ имъ стоявшій около нихъ господинъ, въ плоховатомъ пальто, но съ чрезвычайно добродушною физіономіей.

— Риги... Мы туда и поѣдемъ? — переспросилъ Баклановъ.

— Туда, на самый верхъ; его еще не видать въ облакахъ.

— Софи! Мы будемъ въ этихъ облакахъ! — воскликнулъ Баклановъ.

Но Софи въ это время была занята другимъ. Она уже нѣсколько минутъ не спускала глазъ съ того самаго молодаго англичанина, который подалъ ей перчатки въ Баденѣ и который рѣшительно теперь ѣхалъ по слѣдамъ ихъ: куда они брали билеты, туда и онъ.

Софи, конечно на мгновеніе, но придала такое выраженіе глазамъ, что въ значеніи ея взгляда не оставалось никакого сомнѣнія: англичанинъ при этомъ слегка улыбнулся и потупился.

— Madame! — обратился къ Софи господинъ въ поношенномъ пальто (это былъ ихъ проводникъ): — угодно вамъ пѣшкомъ или на лошади ѣхать на гору?

— А какъ страшнѣе? — спросила она его.

— Нѣкоторыя дамы боятся верхомъ, а другія нѣтъ.

— Ну, такъ я поѣду верхомъ, и на самой сердитой лошади! Смотрите, такую мнѣ и дайте!

— Вы получите коня, достойнаго васъ! — сказалъ ей вѣжливый швейцарецъ.

Софи говорила громко и при томъ опять взглянула на англичанина.

Тотъ опять улыбнулся своею хорошею улыбкой.

Всего этого Баклановъ или не видалъ, или не хотѣлъ видѣть, и только ужь вслушавшись въ послѣднія слова Софи, проговорилъ:

— Что за глупости ѣхать на гору на сердитой лошади!

— Я такъ хочу, и въ ледники еще пойду, — отвѣчала Софи.

Баклановъ пожалъ плечами. Они, какъ выѣхали изъ Бадена, все ссорились.

Въ Арту проводникъ провелъ ихъ въ гостиницу.

Англичанинъ тоже пришелъ туда.

Софи перемѣнила туалетъ и вышла въ черномъ съ

длиннѣйшимъ шлейфомъ платьѣ и шляпкѣ à la Гарибальди.

Баклановъ въ это время былъ на улицѣ и смотрѣлъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ не привели бѣшеныхъ лошадей.

О, нѣтъ? У насъ такихъ нѣтъ! — успокоивалъ его проводникъ.

Софи стала передъ зеркаломъ и начала поправлять свои волосы, которые, по густотѣ своей, никакъ не укладывались подъ шляпку.

— Какъ идетъ къ вамъ этотъ нарядъ! — осмѣлился, наконецъ, обратиться къ ней съ первыми еще словами англичанинъ, и при этомъ весь вспыхнулъ.

— Вы находите?—спросила Софи.

— Да,— проговорилъ англичанинъ.

— Вы ѣдете на Риги? — спросила его Софи.

— Д-да! — протянулъ еще разъ англичанинъ. — А вы потомъ куда поѣдете? — прибавилъ онъ уже робко.

— Въ Парижъ.

— И я! — сказалъ англичанинъ.

— О, это хорошо! — воскликнула Софи и, молодцовато похлопывая себя хлыстомъ по платью, пошла на встрѣчу Бакланову.

— Все готово, — сказалъ тотъ.

— Allons! — обратилась Софи къ англичанину.

Тотъ пошелъ.

Софи, какъ только усадили ее, сейчасъ-же начала свою лошадь бить хлыстомъ и поскакала.

— Софи! Софи! — кричалъ Баклановъ, едва поспѣвая за ней.

Англичанинъ ѣхалъ отъ нихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи около своего проводника, который несъ ему пледъ, подзорную трубу и стулья въ палкахъ.

— Monsieur! — воскликнула вдругъ Софи, обертываясь къ нему:— угодно вамъ ѣхать со мною рядомъ?...

Англичанинъ подъѣхалъ къ ней.

Баклановъ нарочно сталъ отставать, чтобы не подать виду, что ему это непріятно.

— Поскачемте! кто изъ насъ кого перескачетъ! — сказала Софи: — дайте руку; вотъ этакъ виднѣе, кто у кого впереди!...— прибавила она, протягивая свою ручку. Англичанинъ, совсѣмъ сконфуженный, взялъ ее.

— Тише, тише, Софи! — закричалъ опять Баклановъ поскакавъ.

Проводники тоже бѣжали.

— Такъ, messieurs, нельзя! Нельзя! — говорили они.

— Такъ ѣздить на чужихъ лошадяхъ нельзя! — передавалъ ихъ слова Баклановъ Софи.

— Я имъ заплачу! — отвѣчала она, и вскорѣ потомъ, вмѣстѣ съ англичаниномъ, совсѣмъ скрылась изъ глазъ Бакланова и проводниковъ, которые нашли ихъ уже около маленькой гостиницы, гдѣ Софи преспокойно сидѣла и пила пиво.

— Что это, Софи: и пиво, наконецъ, пить! — воскликнулъ Баклановъ, немогшій удержать своей досады.

— Оно очень вкусно! — отвѣчала Софи и затѣмъ ловко и безъ всякой помощи сама вскочила на сѣдло.

Проводникъ умолялъ ее ѣхать осторожнѣе.

Тронулись.

Дорога шла чѣмъ дальше, тѣмъ круче и опаснѣе. Тамъ, гдѣ она суживалась и къ ней съ одной стороны прилегали нависшія скалы, а съ другой — почти прямою стѣной шелъ обрывъ, которому дна было не видно, тамъ именно Софи и начинала понукать лошадь. Умное животное не знало, какъ вести себя: оно и не слушалось ея, и слегка трусило...

Англичанинъ, на своемъ конѣ, преспокойно слѣдовалъ за нею.

— Madame est fort imprudente! — восклицали почти безпрерывно проводники.

Вблизи самой гостиницы есть выдавшійся мысъ, по

которому идутъ двѣ дороги: одна нѣсколько отступя, а другая по самой закраинѣ, и съ нея дѣйствительно открывался великолѣпный видъ склоновъ горъ, лѣсовъ... летавшія внизу въ воздухѣ птицы казались маленькими черными точками... человѣкъ, двигающійся по одной изъ тропинокъ на утесѣ, понагнулся нѣсколько внизъ и, казалось, что вотъ, вотъ упадетъ; города и деревни представлялись шишками, пароходъ — крошечною лодочкой.

Сердце замирало, мутился разумъ глядѣть внизъ!.. Какое-то странное желаніе ринуться туда поднимало ужасомъ на головѣ вашей волосъ.

Софи нарочно поѣхала по прежней дорогѣ. Лошадь ея раза два обрывалась въ пропасть. Англичанинъ тоже проѣхалъ за ней; но Баклановъ — нѣтъ...

Передъ отелью, наконецъ, они спѣшились. Горный воздухъ сейчасъ же далъ себя почувствовать. Баклановъ совѣтовалъ Софи идти переодѣться, но она отвѣчала ему только насмѣшливымъ взглядомъ.

— Дайте, побѣжимте внизъ! — сказала она англичанину, показывая на одинъ изъ крутѣйшихъ скатовъ.

Тотъ молчаливымъ кивкомъ головы изъявилъ согласіе.

Они побѣжали. Видно было, какъ Софи все быстрѣе и быстрѣе стремилась и замѣтно не имѣла силъ остановить самое себя; вдругъ, при одномъ изгибѣ дорожки, передъ ней, въ нѣсколькихъ саженяхъ, открылся обрывъ. Софи сдѣлала движеніе назадъ; но нѣтъ: ее несло впередъ!.. передъ глазами ея уже чернѣла пропасть!.. Англичанинъ, въ это время, совершеннымъ козломъ, перебѣжалъ ее; на всемъ маху повернулся къ ней лицомъ и, съ нечеловѣческимъ усиліемъ опершись одною ногой, распустилъ руки. Софи упала ему въ объятія. Нѣсколько минутъ они колебались: въ пропасть ли имъ упасть, или остаться на мѣстѣ.

Баклановъ, видѣвшій все это съ горы, всплеснулъ руками и отвернулся въ ужасѣ.

Софи, опершись на руку своего кавалера, начинала тихо и томно взбираться на гору.

Солнце, между тѣмъ, начинало садиться.

Вся наѣхавшая публика вышла любоваться его закатомъ.

Горы, какъ остроконечныя волны, шли кругомъ всего горизонта. Милліоны оттѣнковъ пробѣгали по немъ. По вершинамъ большей части изъ нихъ вспыхивали ледники и снѣгъ. Солнце красноватымъ шаромъ спускалось въ разрѣзъ двухъ горъ.

Съ долинъ и съ озеръ, какъ бы къ собратамъ своимъ, поднимался и лѣзъ по утесамъ туманъ. Деревень и озеръ было почти не видать. Думы Бакланова невольно возвысились. Ему мечталось, что тутъ, гдѣ-нибудь на вершинѣ, въ облакахъ, и на своемъ золотомъ отъ солнца престолѣ, возсѣдаетъ самъ Саваоѳъ, въ громахъ и въ славѣ царствующій и управляющій вселенною!

Туманы земли окончательно слились съ туманами неба, и все превратилось въ какое-то безразличное темно-сѣроватое море. И такъ осталось на нѣсколько часовъ!..

Наконецъ тѣни ночи дрогнули. Туманъ побѣлѣлъ; между нѣсколькими горами прорѣзалась блѣдно-розовая полоса утренней зари. На противоположной сторонѣ, какъ бы умывшись и обрядившись, ясно бѣлѣли лежащіе на вершинахъ снѣга.

Публика опять высыпала на край горы.

Молодой англичанинъ тоже стоялъ тутъ, завернувшись въ свой пледъ. Но ни Бакланова, ни Софи не было.

Наша смѣлая путешественница чуть не умерла въ ту ночь: съ ней сначала была истерика, потомъ жаръ, и теперь она лежала въ постелѣ, съ лицомъ пылающимъ, вся разметавшаяся и со взбившимися волосами.

Баклановъ сидѣлъ около нея съ испуганнымъ лицомъ и держалъ ее за руку.

— Какъ можно быть такой неосторожной! — заговорилъ онъ наконецъ, видя, что Софи нѣсколько успокоивается.

— Что-жъ, когда мнѣ грустно?.. тошно!.. скучно!— воскликнула она со слезами на глазахъ.

— Все оттого, что ты ничѣмъ не хочешь заняться. Ты читать даже не хочешь и не любишь.

— Ты много самъ читаешь! — возразила она ему съ насмѣшкою.

— Наконецъ, это путешествіе тебя, я вижу, нисколько не занимаетъ.

— Что же, ахать по твоему на каждомъ шагу?

— А главное, ты никого не любишь!

Послѣднія слова Баклановъ проговорилъ и потупился.

— Онъ-то любитъ! Кто-бы говорилъ, только не ты!— вскричала Софи съ досадой.—Отойдите отъ меня; мнѣ и такъ душно!.. — прибавила она.

Баклановъ отошелъ.

Софи, между тѣмъ, начала мало-по-малу смыкать глаза. Обрадованный этимъ Баклановъ, свернувшись коекакъ на диванчикѣ, тоже началъ дремать.

Когда они проснулись, полдневное солнце совершенно сняло съ окружающихъ видовъ таинственный характеръ вечера и разсвѣтающаго утра, и очень ужъ хорошо было видно, что тамъ, пониже, вблизи человѣческихъ жилищъ, гораздо лучше, чѣмъ на этихъ голыхъ и мертвыхъ вершинахъ.

— Поѣдемъ отсюда поскорѣе! — было первое слово Софи.

— Сейчасъ,—отвѣчалъ Баклановъ, проворно вставая.

— Только, пожалуйста, гдѣ бы этихъ горъ проклятыхъ не было: противны онѣ мнѣ! — восклицала Софи.

— Самое лучшее въ Веве: тамъ нѣтъ ни горъ, ни людей, отдохнемъ и вполнѣ насладимся деревней.

— Да, — подтвердила Софи.

Баклановъ вышелъ распорядиться. Софи встала и потянулась. Она чувствовала ломоту во всемъ тѣлѣ. Цвѣтъ лица у нея былъ очень нехорошъ.

— О, какая скука это путешествіе! Все болитъ, вся грязная!..

И Софи чуть не заплакала.

При съѣздѣ съ горы, она не шалила больше и не гнала лошади, и хоть смѣло, но какъ-то мрачно смотрѣла внизъ.

Баклановъ шелъ около нея пѣшкомъ.

Когда они проѣхали первую долину, то, обернувшись назадъ, оба невольно и въ голосъ воскликнули:

— Господи! гдѣ мы были!

Дорожка, по которой они сходили, казалась тоненькою ленточкой.

Вдругъ на ней появилась движущаяся масса.

— Это monsieur англичанинъ ѣдетъ, — сказалъ проводникъ.

— Чтобы чортъ его далъ! — произнесъ Баклановъ.

Но Софи ничего не сказала.

VI.

Жанъ-Жакъ Руссо, Шильонскій узникъ и Вольтеръ.

Веве—красивое мѣстечко на берегу Женевскаго озера. Набережная у него отдѣлана базальтомъ. Впереди рисуется противоположный берегъ своими мягкими очертаніями. Шире, нѣжнѣй, привольнѣй этого ландшафта трудно что-нибудь себѣ вообразить.

Баклановъ и Софи сидѣли на набережной и любовались этою водой, этими горами и облаками

По небу безпрестанно пролетали птицы и точно восхищались тѣмъ, что видѣли.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Баклановъ толковалъ о Руссо, о томъ, какъ этотъ философъ желалъ возвратить человѣчество къ болѣе естественному и натуральному состоянію.

— Что за глупости! — сказала ему на это Софи.

Потомъ онъ объяснилъ ей, какъ madame Варранъ и изъ какихъ побудительныхъ причинъ полюбила юнаго и мечтательнаго Руссо.

— Что за гадости! — сказала на это Софи.

Они долго потомъ, почти до самыхъ сумерекъ, гуляли рука объ руку.

Софи, впрочемъ, была болѣе скучна, чѣмъ весела.

На другой день она рѣшительно отказалась идти гулять, говоря, что ей не очень здоровится; но, оставшись одна, сейчасъ же заперла дверь и написала французскую записочку:

«Si vous voulez me voir, je serai à Paris dans une semaine et je m'arrêterai à l'hôtel de Bade.

Sophie Leneff.

На конвертѣ она обозначила: à Paris, monsieur Plumboque, poste restante.

Запечатавъ письмо съ своею обычною, нѣсколько лукавою физіономіей, она спросила у горничной, гдѣ почта, и сама сходила и отнесла его.

Баклановъ, желая показать, что ему ужасно весело въ Вевэ, цѣлое утро ходилъ по окрестностямъ; но на самомъ дѣлѣ ему подъ конецъ стало очень скучновато. Красота природы приглядѣлась, а другимъ ничѣмъ онъ не былъ связанъ съ представляющеюся ему жизнью.

Впрочемъ, возвратясь домой, онъ уговорилъ Софи съѣздить покататься на лодкѣ.

Они поѣхали. Вдали виднѣлась башня.

— Знаешь ли, Софи, какая это знаменитая башня? — спросилъ ее Баклановъ.

— Нѣтъ!

— Это Шильонскій замокъ!

Софи изъ этого названія ничего не поняла.

— Да неужели же ты не знаешь поэмы Байрона. И это нисколько не пояснило дѣла.

— Переведенной Жуковскимъ?—сказалъ Баклановъ.

— Мало-ли у него поэмъ! Гдѣ-жъ ихъ запомнить?— отвѣчала, наконецъ, Софи.

— Эта очень извѣстная, — отвѣчалъ ей, съ нѣкоторою досадой, Баклановъ и желалъ видно пополнить ея свѣдѣнія въ этомъ случаѣ: — ихъ три брата были посажены тутъ и прикованы къ столбамъ. Одинъ изъ нихъ видѣлъ, какъ двое братьевъ его умирали, и не могъ ни подать имъ руки, ни принять ихъ прощальнаго взора. Наконецъ освободили человѣка, а онъ не идетъ, не хочетъ: въ темницѣ своей все похоронилъ, и любовь свою, и молодость!

— А долго-ли онъ сидѣлъ? — спросила Софи.

— Долго.

— Когда же это было, давно?

— Давно.

— А за что его посадили?

На этотъ вопросъ Баклановъ рѣшительно не зналъ, что отвѣчать.

— За совершенно правое и законное возстаніе, во время, знаешь, этихъ религіозныхъ войнъ и всего этого вообще движенія, — отвѣчалъ онъ ей общею фразой.

— Можетъ быть, это и неправда, — замѣтила Софи.

— Все равно это!.. Тутъ главное дѣло въ ощущеніяхъ узника, которыя схвачены у поэта неподражаемо! — подхватилъ Баклановъ.

Но Софи, кажется, оставалась совершенно равнодушна къ этому достоинству.

— А вотъ это вѣдь Женева бѣлѣетъ. Это Женева?— спросилъ онъ гребцовъ.

— Oui, monsieur! — отвѣчали тѣ въ одинъ голосъ.

— Вотъ, около нея, — продолжалъ Баклановъ обра-

щаясь снова къ Софи: — въ Фернеѣ жилъ другой философъ, Вольтеръ: «Сей циникъ посѣдѣлый», «умовъ и моды вождь, пронырливый и смѣлый!» Знаешь эти стихи?

— Знаю, — отвѣчала Софи и сказала неправду. — А что, въ Парижъ чрезъ Женеву надобно ѣхать? — прибавила она.

— Чрезъ Женеву.

— Такъ поѣдемъ лучше туда. Здѣсь рѣшительно больше нечего дѣлать.

— Какъ нечего? Гулять бы надобно! — возразилъ Баклановъ.

— Мы и то ужь нагулялись, — замѣтила на это Софи.

— Вотъ кататься-бы въ лодкѣ! — продолжалъ Баклановъ.

— Сегодня накатались! — опять объяснила Софи.

На другой день они въ самомъ дѣлѣ поѣхали на пароходѣ въ Женеву.

При видѣ каменныхъ тротуаровъ и съ большими окнами магазиновъ, героиня моя точно ожила. Не теряя времени, она пошла и купила себѣ цѣпочку, часы, бинокль.

— У тебя, вѣдь, все это есть! — замѣтилъ было ей Баклановъ.

— Но у меня все такое дрянное, — отвѣчала Софи

— Гдѣ-жъ дрянное? — возразилъ онъ и пошелъ нанимать коляску, чтобъ ѣхать въ Ферней.

Проѣзжая мимо маленькаго, съ памятникомъ, островка, Баклановъ сказалъ Софи съ увлеченіемъ:

— Это островъ Жанъ-Жака Руссо!

Она кивнула головой, какъ-бы дѣло шло о знакомомъ и надоѣвшемъ предметѣ. Дорога шла все въ гору. Когда поднялись на довольно значительную вышину, извозчикъ обернулся и, указывая хлыстомъ на даль, проговорилъ:

— Это Монбланъ!

Из фонда Российской национальной библиотеки

— Чудо, прелесть! — восклицалъ Баклановъ.

Софи сидѣла молча.

Наконецъ они доѣхали до цѣли своей поѣздки.

— Это такой-то замокъ! — воскликнула Софи, увидя весьма небольшой домикъ.

Баклановъ сталъ по ступенямъ крыльца подниматься съ какимъ-то благоговѣніемъ.

— C'est le salon de monsieur Voltaire! — произнесъ провожавшій привратникъ.

Софи осмотрѣла кругомъ.

Печи точно у старинныхъ помѣщиковъ въ домахъ,— проговорила она, какъ-бы даже съ сожалѣніемъ.

На урнѣ, стоящей на высокомъ пьедесталѣ, было написано:

«Son esprit est partout,
Et son coeur est ici!»

— Тутъ пепелъ отъ его сердца хранится! — пояснилъ Баклановъ.

Софи ничего ему на это не сказала, но сдѣлала больше насмѣшливую, чѣмъ уважительную мину.

Въ спальнѣ великаго мыслителя и поэта они увидѣли альковъ съ оборваннымъ пологомъ и портретъ императрицы Екатерины.

— Какимъ же образомъ тутъ портретъ нашей императрицы?—спросила Софи Бакланова.

— Она была другъ Вольтера, неужели ты этого не знаешь? — отвѣчалъ онъ ей.

— Очень мнѣ нужно было это знать! — произнесла Софи.

Баклановъ покачалъ только головою.

Онъ ужь очень хорошо понималъ, что подруга его для искусствъ, для поэзіи, для красоты природы была рѣшительно существо непроницаемое!

Из фондов Российской национальной библиотеки

VII.

Баклановъ и Парижъ.

Поѣздъ желѣзной дороги не шелъ, а летѣлъ.

На станціяхъ все красивѣй и красивѣй стали попадаться наполеоновскіе жандармы.

Софи свое запыленное личико обтерла одеколономъ и поправила нѣсколько свой костюмъ.

Баклановъ, въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи, безпрестанно заглядывалъ впередъ.

— Видать ужь! — произнесъ онъ, почти со слезами въ голосѣ и откидываясь на спинку дивана.

— Я остановлюсь въ гостиницѣ Баденъ; а ты, пожалуйста, гдѣ-нибудь въ другомъ отелѣ! А то въ Парижѣ пропасть русскихъ... — сказала ему Софи.

Хорошо... ты это мнѣ пятый разъ говоришь! — отвѣчалъ онъ ей съ досадой.

Стали, наконецъ, мелькать дома чаще и чаще, и наши путешественники въѣхали подъ арки вокзала.

Вышли.

— Что-то увидимъ? — произнесъ Баклановъ.

— Да и у меня сердце бьется, — отвѣчала ему Софи...

Софи, въ покойномъ, красивомъ ремизѣ, весело мотнувъ головой, сейчасъ-же скрылась въ ближайшемъ переулкѣ.

Баклановъ взялъ себѣ другой экипажъ.

— Куда угодно ѣхать господину? — спросилъ его извозчикъ.

— Въ какой-нибудь отель, недалеко отъ отель де-Бадъ.

— Въ отель де-Лувръ! — произнесъ кучеръ, полу-

чившій изъ отель де-Лувръ болѣе на водку, чѣмъ въ другихъ отеляхъ.

— Ну хоть туда! — сказалъ Бакановъ.

Солнце, между тѣмъ, свѣтило полнымъ своимъ блескомъ на бѣлые дома и на гладко вымощенную мостовую.

При въѣздѣ на бульвары, у Бакланова, наконецъ, зарябило въ глазахъ. Экипажи ѣхали ему на встрѣчу, поперекъ, объѣзжали его. По тротуару, какъ-бы на празднество какое, шла цѣлая, непрерывная толпа народа, и всѣ такіе были по виду бодрые, нарядные, веселые. Прошелъ, наконецъ, и полкъ съ барабаномъ, бой котораго поднималъ всѣ ваши нервы. На каждомъ углу стоялъ городской сержантъ, въ своей треугольной шляпѣ и синемъ мундирѣ. При поворотѣ, около Вандомской колонны, мелькнула площадь.

— Провезите меня туда, пожалуйста!... — сказалъ Бакановъ.

— Bien, monsieur! — отвѣчалъ съ гордостію извозчикъ и повезъ.

— Pas si vite! pas si vite, mon cher! — говорилъ, безпрестанно приподнимаясь изъ экипажа, Бакановъ.

— Это обелискъ! — сказалъ извозчикъ. Онъ поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ казненъ Людовикъ XVI и была гильотина.

— Но эти фонтаны, фонтаны, Боже ты мой! — говорилъ Бакановъ, смотря въ самомъ дѣлѣ на прелестные фонтаны: изъ роговъ изобилія, въ рукахъ нереидъ, огромными снопами била вода, и нимфы держали головы свои обращенными нѣсколько назадъ, какъ-бы смотря, туда-ли она попадаетъ, куда надо.

— Что это за зданіе? — спрашивалъ Бакановъ, совсѣмъ какъ-бы растерявшись.

— Тюльери!.. Императоръ тутъ теперь живетъ, — отвѣчалъ извозчикъ.

Баклановъ обернулся въ другую сторону и замеръ отъ удивленія.

— А это?

— Это, — отвѣчалъ извозчикъ: — Елисейскія поля: а вонъ арка тріумфальная. Это мѣсто, господинъ, хорошее, красивое!

— Чудо что такое! такихъ ощущеній нельзя вдругъ подолгу переживать: везите меня поскорѣе въ отель!

Извозчикъ поѣхалъ.

— Это мѣсто хорошее, господинъ, хорошее! — повторялъ онъ въ одно и то-же время добродушно и многозначительно.

Въ отелѣ Бакланову предложили номеръ въ пять франковъ.

Въ мило-убранной комнатѣ, съ каминомъ, съ коврами, съ мраморнымъ умывальникомъ, онъ, наконецъ, снялъ съ себя пыльное, дорожное платье и сѣлъ.

— Да, матушка Россія, да! — началъ онъ вслухъ повторять: — далеко тебѣ еще до Европы: и теплѣй-то она тебя, и умнѣй, и изящнѣй, и богаче.

Умывшись и пріодѣвшись онъ отправился въ Палерояль.

«Что такое этотъ Палерояль? Вѣроятно, что-нибудь великолѣпное,» — рѣшалъ онъ мысленно, но подойдя долженъ былъ спуститься нѣсколько ступеней внизъ и очутился на какомъ-то четвероугольномъ дворѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ домами съ магазинами и ресторанами.

Онъ зашелъ въ одинъ изъ нихъ и спросилъ себѣ обѣдъ.

— И это за четыре франка все, за нашъ цѣлковый, — говорилъ онъ, допивая послѣдній глотокъ довольно сноснаго вина.

Кофе пить онъ пошелъ въ одну изъ бульварныхъ кофеенъ.

Открывшаяся тутъ ему панорама показалась просто сказочною.

Начинали уже зажигать газъ. Магазины совершенно показывали свои внутреннія, богатыя, красивыя убранства. Въ каждомъ почти изъ нихъ виднѣлось хорошенькое личико торгующей мадамъ.

Около Бакланова тоже сѣли двѣ дамы. Одѣты онѣ были роскошно, но съ замѣтно-набѣленными лицами, и какъ сѣли, такъ сейчасъ-же постарались поднять высоко-высоко свои платья.

Баклановъ имъ невольно улыбнулся. Онѣ ему тоже улыбнулись.

— Этотъ monsieur очень хорошъ собой! — сказала одна изъ нихъ, громко и явно показывая на него.

— Да, я желала-бы его поцѣловать! — отвѣчала другая.

Бакланову это несовсѣмъ понравилось; онъ всталъ и пошелъ.

Увидавъ на одномъ изъ домовъ надпись Hotel de Bade, онъ зашелъ и спросилъ о Софи.

— Mais madame n'est pas à la maison! — отвѣчала ему черноволосая привратница.

«Гдѣ-жъ это она, вѣтренница, до сихъ поръ?» — подумалъ не безъ досады Баклановъ и кликнулъ извозчика.

— Au Bal Mabil! — сказалъ онъ.

— Oui, monsieur! — отвѣчалъ тотъ и повезъ.

«Тамъ, должно-быть, что-нибудь вакхическое, одурящее!» — мечталъ герой мой, проѣзжая Елисейскими полями.

Цѣлая масса огня горѣла на воротахъ Баль-Мабиля.

Баклановъ вошелъ не безъ удовольствія.

Свѣтъ газа пробѣгалъ по газонамъ, свѣтился въ самыхъ цвѣтахъ и горѣлъ въ разнообразнѣйшихъ, развѣшенныхъ по деревьямъ шарахъ.

Баклановъ пробрался къ толпѣ, гдѣ танцовали.

Двѣ дѣвицы, очень некрасивыя собой, наклоняясь подъ музыку, поднимали платья.

Бакланову сдѣлалось жалко, зачѣмъ это онѣ дѣлали.

Перейдя на другую сторону, онъ увидѣлъ дѣвицу получше, которая, совсѣмъ почти лежа на плечѣ кавалера, танцовала; потомъ вдругъ подняла ногу и задѣла при этомъ одного господина за носъ. Онъ и вся стоявшая публика захохотали.

Баклановъ наконецъ захотѣлъ поговорить съ какою-нибудь изъ этихъ госпожъ.

— Mademoiselle! — обратился онъ къ одной изъ нихъ несовсѣмъ смѣло.

— Ci-devant, monsieur! — отвѣчала ему та съ грустью.

При этомъ шедшая съ ней подруга захохотала осиплымъ и почти мужскимъ голосомъ.

Еще съ полчаса, Баклановъ не зналъ, какъ и просидѣть.

Выйдя изъ сада и, пройдя по Елисейскимъ полямъ, онъ наконецъ вздохнулъ посвободнѣе.

— Все то мерзость; а это вотъ и это — прелесть! — произнесъ онъ, показывая на весело и безпечно идущую по широкимъ панелямъ толпу и на виднѣющееся въ высотѣ темно-синее небо. Въ воздухѣ, между тѣмъ, было что-то раздражающее. Онъ опахивалъ въ одно и то же время теплотой и свѣжестью. Баклановъ живо чувствовалъ во всемъ тѣлѣ своемъ какую-то нѣгу и сладострастіе.

VIII.

Софи и Парижъ.

Не менѣе разнообразно проводила свое время и Софи.

Въ гостиницѣ Баденъ она заняла номеръ въ десять франковъ.

Надѣвъ свое лучшее платье, свою новую ...ляпку и бурнусъ, она сейчасъ-же вышла на улицу; но, Боже мой, какъ показался ей весь нарядъ ея несвѣжъ и старомоденъ.

— Къ Ротшильду въ контору! — сказала она.

Извозчикъ подвезъ.

Софи робко вошла въ грязноватое помѣщеніе.

— Сколько угодно вамъ получить по вашему кредитиву? — спросилъ ее плѣшивый кассиръ.

— Десять тысячъ франковъ.

Ей сейчасъ-же отсчитали золотомъ.

Она совершенно небрежно положила эту чувствительную сумму въ свой кармашекъ и вышла.

— Въ лучшій магазинъ, гдѣ дамскіе наряды дѣлаются! — сказала она своему возницѣ.

Тотъ мотнулъ въ отвѣтъ головой и подвезъ ее къ цѣлому дому-магазину.

Софи вошла сначала по мраморной, а потомъ по чугунной, съ золотомъ, лѣстницѣ. Красивые французы и красивыя француженки окружили ее.

— Мнѣ нужно платье или, лучше сказать, весь туалетъ.

— Avec grand plaisir, madame, avec grand plaisir! — восклицали француженки и повели ее.

При видѣ нѣкоторыхъ матерій и фасоновъ, у Софи даже дыханье захватывало.

Часа четыре, по крайней мѣрѣ, она ходила, пересматривала; съ нея снимали мѣрку, восхищались ея красотой. Наконецъ она вышла и поѣхала въ магазинъ бѣлья.

Тамъ ей говорили:

— Вамъ нужно батистовое бѣлье. Вамъ нужно сдѣлать ночное особенное, съ длинными рукавами.

Сама содержательница магазина даже обидѣлась, когда Софи сказала ей, что у ней есть для ночи кофты.

— Кто-жъ, madame, нынче кофты носитъ?.. Кто носитъ?.. — восклицала она.

Софи, чтобъ успокоить ее, поспѣшила заказать бѣлье съ длинными рукавами.

Изъ магазина бѣлья она поѣхала въ магазинъ обуви.

— Ваша ножка восхитительна! — говорилъ ей французъ, снявъ съ нея ботинку, и даже пожалъ ей при этомъ ножку, а когда надѣлъ свою ботинку, то попросилъ ее встать и походить.

Софи встала.

— Вы, вѣдь, madame, не ходите, а летаете.

Софи въ самомъ дѣлѣ чувствовала какую-то особенную легкость и живость. Она взяла у него паръ восемь разнаго рода обуви.

Было уже часовъ семь.

Софи, вспомнивъ наконецъ, что она еще ничего не кушала, возвратилась въ свой отель и прошла прямо въ обѣденную залу.

Тамъ сидѣло за столомъ человѣкъ пятьдесятъ. Софи робко сѣла на одно пустое мѣсто. Она въ первый еще разъ обѣдала одна. Впрочемъ, ей было весело: всѣ почти мужчины съ замѣтнымъ вниманіемъ и любопытствомъ смотрѣли на нее.

Откушавъ и выйдя на улицу, Софи рѣшительно не въ состояніи была вернуться въ свой номеръ. Ей такъ все нравилось, такъ все ее прельщало!..

Она взяла экипажъ и поѣхала въ Елисейскія поля, гдѣ пошла было пѣшкомъ, погулять. Тысячи огней горѣли въ аллеяхъ и придавали всему нѣсколько таинственный видъ.

Софи шла по дорожкѣ.

Къ ней, на первыхъ-же шагахъ, пристalъ какой-то господинъ.

— Я васъ провожаю! — сказалъ онъ.

— Non, non, non, monsieur! — поспѣшно отвѣчала Софи.

Она уже струсила и опять сѣла въ экипажъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

При возвращеніи домой, привратница, подавая ей ключъ, объявила:

— У васъ были три господина: одинъ высокій съ бородой, другой черноволосый, съ усами, третій — блондинъ.

Софи, не безъ гордости и не безъ удовольствія, мотнула ей головой въ отвѣтъ и начала взбираться въ свой номеръ.

Тамъ она въ утомленіи, но съ замѣтно довольнымъ лицомъ, сѣла и начала припоминать, что она видѣла.

Вдругъ въ двери постучали.

— Entrez! — сказала она.

Вошелъ мужчина: Петцоловъ въ штатскомъ платьѣ и съ бородой.

— Ахъ, какой ты смѣшной!.. — было первое слово Софи.

— А что же? — спросилъ молодой человѣкъ, какъ-бы нѣсколько обидѣвшись.

— Въ штатскомъ платьѣ...

— Надоѣла ужь эта ливрея-то, да здѣсь и нельзя.

— Знаю это; но зачѣмъ, однако, пришелъ такъ поздно?

— Три раза былъ у васъ, — говорилъ Петцоловъ, беря обѣ ея руки и цѣлуя ихъ.

— Нѣтъ, нельзя такъ поздно, — отвѣчала Софи, не отнимая впрочемъ рукъ.

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, хоть насмотрѣться на васъ немножко! — произнесъ молодой человѣкъ съ замѣтнымъ чувствомъ и сѣлъ на диванъ.

— Ну, смотрите! — сказала Софи, вставая противъ него.

— Вотъ такъ! — произнесъ Петцоловъ, обнимая ее и притягивая къ себѣ.

— Ну, вотъ, поцѣлую васъ, и будетъ: отправляйтесь домой! — сказала Софи.

— Не вижу къ тому никакой побудительной причины! — думалъ было шуткой отыграться молодой человѣкъ.

— Александръ, вѣдь, тоже въ Парижѣ. Очень можетъ быть, что зайдетъ еще ко мнѣ.

— Но, вѣдь, онъ не ревнивъ!

— Да, не ревнивъ! Отправляйтесь, отправляйтесь!... Я къ вамъ или пришлю, или напишу, или сама заѣду.

— Вы знаете, я стою въ отель де-Бирон!

— Знаю, отправляйтесь! — торопливо говорила Софи и почти что насильно выпроводила своего гостя за двери.

Потомъ сейчасъ же раздѣлась и улеглась на упругій тюфякъ.

— Какъ тутъ славно! — сказала она, ударивъ по немъ ручкой и покачнувшись при этомъ всѣмъ своимъ прелестнымъ тѣломъ.

IX.

Глупое положеніе.

Въ совершенно приличный часъ для визитовъ, въ дверь Софи раздался несмѣлый стукъ.

Она въ эти минуты была вся обложена разными рюшами, газами, матеріями. Передъ ней стояла такая же какъ и она сама, красивая француженка.

Entrez! — сказала Софи на второй ужь стукъ.

Дверь отворилась: вошелъ англичанинъ, въ свѣтлѣйшей шляпѣ, въ перчаткахъ огненнаго цвѣта и сапогахъ на толстѣйшихъ подошвахъ.

Bonjour! — весело проговорила ему Софи: — pardon, что я займусь еще нѣсколько минутъ.

— O, madame! — произнесъ англичанинъ и чопорно сѣлъ.

Софи принялась смотрѣть на рисунокъ, который чер-

тила ей портниха, и только по временамъ съ улыбкой и ласково взглядывала на своего гостя.

Тотъ при этомъ всегда немножко краснѣлъ.

Наконецъ раздался опять стукъ въ двери. Софи съ безпокойствомъ взглянула на нихъ.

— Entrez! — сказала она.

Вошелъ Бакланов.

Увидавъ англичанина, онъ, какъ ни старался это скрыть, замѣтно выразилъ въ лицѣ своемъ неудовольствіе и недоумѣніе.

— Bonjour! — говорилъ онъ, протягивая безъ церемоніи руку Софи. — Je vous salue! — прибавилъ онъ англичанину и, затѣмъ, усѣвшись на диванъ, небрежно развалился.

— Я зашелъ къ вамъ, Софи: когда-жъ мы съ вами поѣдемъ прокатиться по Парижу?

— Все занята!—отвѣчала ему Софи.

— Если позволите мнѣ предложить вамъ мой экипажъ, — сказалъ англичанинъ: — онъ и лошади у меня очень хороши!

— Ахъ, пожалуйста! Я ужасно люблю хорошіе экипажи и хорошихъ лошадей, — воскликнула Софи.

— Но у васъ, какъ у путешественника, вѣроятно тоже, нанятой, — замѣтилъ ему Бакланов.

— Нѣтъ, мой дядя здѣсь посланникъ: все семейство наше очень любитъ лошадей! — отвѣчалъ скромно англичанинъ.

— Monsieur Plumboque — лордъ, — пояснила Софи.

Замѣчаніе это показалось Бакланову глупо и пошло.

— Теперь часъ гулянья въ Булонскомъ лѣсу: угодно вамъ, madame, и вамъ, monsieur? — продолжалъ вѣжливо англичанинъ, сначала обращаясь къ Софи, а потомъ къ Бакланову.

— Въ восторгѣ, monsieur Plumboque, отъ вашего предложенія, въ восторгѣ! — произнесла Софи и ушла

вмѣстѣ съ модисткой, въ слѣдующую комнату, чтобы надѣть тамъ свой новый нарядъ.

Туалетъ ея, разумѣется, продолжался около часу, и въ продолженіе этого времени англичанинъ нѣсколько разъ обращался къ Баклановy съ разговорами, но тотъ отвѣчалъ ему больше полусловами и зѣвая.

Онъ соглашался съ ними ѣхать, единственно не желая показать, что онъ тутъ что-нибудь подозрѣваетъ или ревнуетъ.

Софи вышла шумно и гордо. Модистка тоже вышла за ней не безъ гордости.

Лошади и экипажъ англичанина оказались дѣйствительно такіе, что Софи и Баклановъ подобныхъ еще и не видывали. Онъ упросилъ ихъ сѣсть на заднюю скамейку, а самъ сѣлъ напротивъ.

Понеслись.

Кто видалъ цѣпь экипажей, часа въ три, отъ Тюльери до Тріумфальныхъ воротъ, тотъ знаетъ, сколько тутъ роскоши, красоты, изящества, какіе львы и львицы сидятъ, какіе львы, запряженные у дышла, несутся.

Софи совершенно была счастлива своимъ нарядомъ и своимъ экипажемъ. Одно только непріятно ей было, что рядомъ съ ней сидѣлъ Баклановъ въ довольно поношенномъ пальто.

Впереди ихъ скакалъ взводъ старой гвардіи, конвоировавшій маленькаго принца Наполеона.

Софи ужасно хотѣлось обогнать ихъ, и они обогнали. Она увидѣла въ коляскѣ двухъ дамъ и какого-то маленькаго мальчугана.

Въ Булонскомъ лѣсу они, какъ водится, остановились у искусственнаго водопада.

Софи сейчасъ-же весело побѣжала туда. Англичанинъ пошелъ за ней.

Баклановъ не пошелъ: ему странно показалось бѣгать за этою госпожой, куда только ей было угодно.

Онъ видѣлъ, какъ на верхъ утеса Софи всходила, опираясь на руку англичанина. Потомъ видѣлъ, какъ они спустились оттуда и стали проходить подъ водою, по темноватой пещерѣ и довольно долго оттуда не выходили. Наконецъ они вышли и, какъ-бы совершенно забывъ о его существованіи, снова скрылись въ лѣсу.

Бакланову, наконецъ, показалось смѣшно его положеніе.

Онъ велѣлъ подать себѣ завтракъ, съѣлъ его, выпилъ бутылку вина; но товарищи не возвращались.

Терпѣніе его истощилось.

Онъ взялъ перваго попавшагося извозчика и уѣхалъ.

X.

Конецъ исторіи любви.

Баклановъ цѣлую ночь не спалъ отъ досады и ревности.

Вставъ поутру, онъ прямо отправился къ Софи, чтобъ имѣть съ ней рѣшительное объясненіе.

Дорогой онъ все прибиралъ самыя рѣзкія выраженія:

«Если это одно только кокетство, такъ глупое, неприличное кокетство», думалъ онъ. «Если-же любовь, такъ зачѣмъ не сказать прямо: я люблю другаго, а не васъ.»

Въ гостиницѣ Баденъ, взбѣжавъ по винтообразной лѣстницѣ къ номеру Софи, онъ услыхалъ тамъ ея веселый и несовсѣмъ естественный смѣхъ.

Не столько съ умысломъ, сколько по торопливости, онъ не постучавшись отворилъ дверь.

— Ахъ! — раздался голосъ Софи.

Фонд русской национальной библиотеки

Петцоловъ въ это время цѣловалъ ее въ шею.

— Pardon madame! — сказалъ Баклановъ, проворно отступая назадъ и захлопнувъ дверь. — Pardon! — повторилъ онъ и пошелъ.

— Александръ! Александръ! — послышался было съ лѣстницы ея голосъ.

Но Баклановъ не обернулся.

На душѣ его бушевала уже не ревность, а презрѣніе къ Софи: такого поступка онъ все-таки не ожидалъ отъ нея.

Цѣлый день послѣ того онъ ходилъ по Парижу, чтобы какъ-нибудь забыться; на другой день тоже. Главнымъ образомъ его мучила мысль, что ему съ собой дѣлать (онъ собственно и за-границу поскакалъ за Софи, потому что не зналъ, что съ собой дѣлать въ деревнѣ). Всѣ женщины, жизнь которыхъ была не безукоризненна и которыми онъ такъ еще недавно восхищался, стали ему казаться омерзительны; но за то, Боже мой, въ какомъ свѣтозарномъ ореолѣ представилась ему его чистая и непорочная жена! Безъ мучительной тоски и тайнаго стыда онъ не въ состояніи былъ видѣть маленькихъ дѣтей, воображая, что и онъ тоже отецъ!... Съ чувствомъ искренней зависти онъ смотрѣлъ на каждаго солиднаго господина, идущаго подъ руку съ солидною дамой, припоминая, что онъ нѣкогда гулялъ такъ съ Евпраксіей, при чемъ обыкновенно всегда ужасно скучалъ; но теперь это казалось ему величайшимъ блаженствомъ!... Десять лѣтъ жизни онъ готовъ былъ отдать, чтобы только возвратиться къ семейству, но въ то-же время не смѣлъ и подумать объ этомъ?...

Наконецъ скука и одиночество пересилили его; онъ рѣшился, что-бы тамъ ни было, написать Евпраксіи совершенно откровенное письмо и звать ее къ себѣ въ Парижъ. Если она пріѣдетъ къ нему, значитъ, еще любитъ его, .. потому все ему проститъ, а если напишетъ письмо только, то тамъ видно будетъ какое именно.

«Безцѣнный другъ!» писалъ онъ. «Ты въ Петербургѣ теперь. Пріѣзжай, Бога ради, въ Парижъ, и спаси меня отъ самого себя. Какъ велико было мое преступленіе противъ тебя, такъ велико и раскаяніе. Я бы самъ къ тебѣ летѣлъ, да не смѣю этого сдѣлать, и притомъ тяжко боленъ!»

Даже за прощеніемъ онъ не хотѣлъ самъ идти, а желалъ, чтобъ ему принесли его: баловень и счастливецъ былъ судьбы!

XI.

Обращеніе къ болѣе серьезнымъ занятіямъ.

Въ полицейскомъ отдѣленіи Palais de Justice происходилъ судъ надъ пятьюдесятью человѣками, которые хотѣли произвести демонстрацію при представленіи пьесы адъютанта наполеоновскаго.

Баклановъ, значительно успокоившійся послѣ отправки письма къ женѣ, тутъ же сидѣлъ около стенографовъ.

Онъ въ первый еще разъ былъ въ открытомъ судѣ и видѣлъ политическихъ преступниковъ.

Судьи и адвокаты въ мантіяхъ и шапочкахъ тоже сильно его занимали.

Императорскій прокуроръ, съ испитымъ лицомъ, показался ему противенъ.

Два главные агитатора: бывшій аптекарь, почти уже старикъ съ большою сѣдою бородой, и другой — молодой человѣкъ, черноволосый, сидѣли отдѣльно. Ихъ выразительныя и характерныя физіономіи чрезвычайно понравились Бакланову.

Прочіе преступники помѣщались всѣ на амфитеатрѣ противъ судей; почти около каждаго изъ нихъ сидѣлъ солдатъ.

Баклановъ все высматривалъ присяжныхъ.

— Скажите, гдѣ жъ присяжные? — обратился онъ къ одному молодому адвокату.

— О, здѣсь нѣтъ присяжныхъ! — отвѣчалъ тотъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ: — это судъ полицейскій.

— Но преступленіе, вѣдь, кажется, очень важное.

— Нѣтъ, чтожъ: нарушеніе правилъ благочинія, уличный скандалъ.

— Однако я самъ читалъ ихъ прокламацію и воззванія не къ уличному скандалу.

— Да, — отвѣчалъ, съ улыбкою, адвокатъ: — но императоръ не желаетъ придавать этому никакого особеннаго значенія.

— Однако, можетъ быть, этихъ людей сошлютъ на галеры? — прибавилъ Баклановъ.

— Вѣроятно, — подтвердилъ адвокатъ.

Баклановъ исполнился удивленія и негодованія, и придя домой, сейчасъ-же началъ писать статью: *Объ открытомъ судѣ вообще, и каковъ онъ во Франціи.* Весь запасъ старыхъ университетскихъ свѣдѣній, все что прочтено потомъ въ журналахъ, все это было воскрешено въ памяти, и статейка вышла весьма, весьма приличная.

— Вотъ это жизнь! — говорилъ онъ, проработавъ съ утра до самаго обѣда.

Трудомъ своимъ ему ужасно хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться.

Разъ, идя по бульвару, онъ увидѣлъ Галкина, шедшаго съ какимъ-то господиномъ.

Юноша сей, замѣтивъ его, сейчасъ-же хотѣлъ было дать тягу въ сторону, но Баклановъ самъ подошелъ къ нему.

— Здравствуйте-съ! — сказалъ онъ ему довольно привѣтливо.

— Ахъ, да, здравствуйте! — отвѣчалъ робко и съ удовольствіемъ Галкинъ.

Шедшій съ нимъ господинъ тоже поклонился Баклановy. Тотъ всмотрѣлся въ него.

— А, monsieur Басардинъ! Здравствуйте.

— Скажите, пожалуйста, — началъ тотъ: — вы съ сестрою моей сюда пріѣхали?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Баклановъ смѣло; но въ сущности весьма сконфуженный. — Мы были съ ней въ Баденѣ, а потомъ она поѣхала куда-то въ Швейцарію, а я въ другое мѣсто.

— Досадно! — проговорилъ Викторъ крутя усы.

Съ молодымъ Галкинымъ онъ не только не былъ врагъ, а напротивъ, въ дружбѣ съ нимъ находился, и Галкинъ, по преимуществу, уважалъ Басардина за то, что онъ продергивалъ въ печати его отца.

Когда потомъ узналось, что Басардину платятъ изъ откупа за то, чтобъ онъ молчалъ, то молодой человѣкъ и это въ немъ уважилъ, говоря, что съ этакихъ скотовъ слѣдуетъ брать всякому.

— Я либеральному человѣку, — пояснилъ онъ: — все прощаю, чтобъ онъ ни сдѣлалъ.

Теперь они жили даже вмѣстѣ и постоянно ходили подъ руку.

— А что, господа, не свободны-ли вы какъ-нибудь вечеркомъ? — заговорилъ вдругъ Баклановъ, нѣсколько заискивающимъ голосомъ.

— А вамъ что? — спросилъ Галкинъ.

— Да мнѣ бы хотѣлось прочесть вамъ мою статейку, которую я написалъ по случаю разныхъ парижскихъ распорядковъ. Вотъ и вамъ, господинъ Басардинъ.

— Я очень радъ, и свободенъ! — произнесъ съ восторгомъ Галкинъ.

Басардинъ молчаливымъ поклономъ изъявилъ согласіе. Несомнѣнный-ли успѣхъ его новыхъ произведеній, въ которыхъ онъ называлъ ужь прямо по именамъ тѣхъ лицъ, о которыхъ писалъ, или Викторъ имѣлъ въ головѣ

своей какое-нибудь еще новое и болѣе серьезное предпріятіе, только онъ замѣтно важничалъ и былъ какъ-то таинственъ.

Чтеніе условлено было на другой день вечеромъ.

Отойдя отъ своихъ будущихъ судей, Бакановъ нѣсколько даже устыдился, передъ кѣмъ это онъ будетъ читать.

«Что-же», успокоивалъ онъ себя, «молодой этотъ человѣкъ хоть и не далекъ, но по стремленіямъ своимъ благороденъ; а Басардинъ — самъ извѣстный обличительный писатель!»

XII.

Красные.

На среднемъ столѣ, въ номерѣ Бакланова, стояли сифонъ содовой воды, сахаръ въ серебряной сахарницѣ, красное вино, и посреди всего этого лежала тетрадка.

Часовъ въ восемь пришли гости.

Басардинъ былъ, попрежнему, мраченъ и серьезенъ, а Галкинъ, хоть и вольнодуменъ, но доволенъ.

Бакановъ, съ свойственнымъ всѣмъ авторамъ нетерпѣніемъ и робостью, ожидалъ начала чтенія.

Судьи его, наконецъ, усѣлись.

Басардинъ, какъ опытный литераторъ, сѣлъ поближе у самаго стола, а Галкинъ на диванѣ въ глубоковнимательной позѣ.

— Ну-съ, такъ я начну,— говорилъ Бакановъ, слегка откашливаясь, и зачиталъ: «Всѣ великія истины просты и часто даются человѣчеству непосредственно: первобытные народы судили своихъ преступниковъ судомъ открытымъ, гласнымъ; впослѣдствіи это предоставлено было лицамъ избраннымъ, судьямъ, и только уже съ развитіемъ цивилизаціи, съ внесеніемъ въ общественный распоря-

докъ высшихъ нравственныхъ идей, общество снова обратилось къ первоначальной формѣ суда.»

— Да, позвольте-съ, — перебилъ его Галкинъ: — въ первобытныхъ обществахъ совсѣмъ другое считалось преступленіемъ, воровство тамъ было ловкостью, а убійство— молодечествомъ.

— Да такъ и надо! — подхватилъ, съ мрачнымъ выраженіемъ, Басардинъ: — пусть всякій защищается самъ, а у насъ статью, вонъ, про кого напишешь, такъ сейчасъ въ острогъ ладятъ засадить.

— Да я не про то совсѣмъ, господа, говорю! — возражалъ удивленный и сконфуженный этими замѣчаніями Баклановъ. — Я объясняю только, какъ въ обществахъ человѣческихъ шелъ исторически судъ.

— Ничего я не вижу изъ вашихъ объясненій, ничего!... — возражалъ ему Галкинъ.

Баклановъ сдѣлалъ замѣтно недовольную мину.

— Я говорю-съ, — началъ онъ пунктуально: — что судъ сначала принадлежалъ вполнѣ самому обществу, судили, такъ-сказать, простымъ, мірскимъ приговоромъ; наконецъ, стали судить по обычаямъ, преданіямъ; а тамъ, послѣ разныхъ комбинацій, онъ дѣлается, напримѣръ, во времена феодальныя, принадлежностью начальника— барона. Это, вѣдь, безсмыслица!

— Разумѣется, — подтвердилъ Галкинъ.

— Отъ барона онъ передается судьѣ-спеціалисту, произволъ котораго, все-таки, связывается преданіями и законами. Согласны вы съ этимъ?

— Совершенно! — подтвердилъ Галкинъ.

Но Басардинъ, замѣтно дѣлавшій надъ собой усиліе, чтобы понять что тутъ говорилось, на этомъ мѣстѣ вдругъ поднялъ голову.

— Вы говорите, что въ феодальныя времена начальники-бароны судили... Вотъ на Кавказѣ я служилъ...

Тамъ дикій совершенно народъ, а тоже начальники судятъ: возьметъ да и застрѣлитъ, и баста!

— Я не то совсѣмъ говорю! — отвѣчалъ ему съ досадой Баклановъ. — Судьѣ-спеціалисту, — продолжалъ онъ: — придали, наконецъ, судъ по совѣсти, то есть, присяжныхъ, или, другими словами, внесли элементъ прежняго общественнаго суда.

— Я не понимаю, къ чему вы все это ведете? — возразилъ Галкинъ.

— И я тоже! — подтвердилъ Басардинъ.

— Веду къ тому-съ, — отвѣчалъ Баклановъ: — что у насъ, собственно въ Россіи, вопросъ этотъ теперь на очереди. Въ противодѣйствіе ему обыкновенно ставятъ то, что у насъ не можетъ быть присяжныхъ, что они необразованы. Прекрасно-съ. Но они должны быть таковы, потому что таковы и преступники. Человѣкъ живетъ въ извѣстномъ обществѣ, знаетъ всѣ его условія. Только это общество и имѣетъ право судить его. Странно было-бы, если-бы краснокожаго людоѣда стали судить англійскіе присяжные, а madame Лафаржъ — калмыцкій судъ.

— Чтожъ изъ этого будетъ, если вы одну эту форму введете, а тысяча другихъ, старыхъ ветошей останется?

— Чтожъ дѣлать съ этимъ?

— Надобно все измѣнить, — отвѣчалъ Галкинъ: — уничтожить сословія; сдѣлать землю совершенно свободною, какъ воздухъ, пусть всякій беретъ ее, сколько ему надобно; уничтожить бракъ, семью.

— Это земля тамъ, и сословія, все это пустяки! — перебилъ его Басардинъ: — а главное, чтобъ деньги у этихъ каналій-богачей не лежали.

— И чтобы деньги не лежали!

— Да кто-же вамъ позволитъ это сдѣлать, господа?— возразилъ Баклановъ.

— Идти, такъ позволятъ! — подхватилъ Галкинъ, вы-

ворачивая при этомъ глаза, чтобы сдѣлаться пострашнѣй.

— Взять топоръ, такъ позволятъ! — подхватилъ Басардинъ, грозно тряхнувъ головой и поднявъ кулакъ на воздухъ.

— Господа! Вы разсуждаете, какъ дѣти, какъ мальчики! — воскликнулъ Бакановъ.

— Нѣтъ, мы разсуждаемъ, потому что знаемъ...

— Что вы знаете?

— Знаемъ, чего хочетъ народъ.

— Какой?

— Русскій!...

— Да народъ васъ первыхъ побьетъ каменьями, — закричалъ ужь Бакановъ.

— Ха, ха, ха! — отвѣтили ему на это молодые люди.

Затѣмъ сдѣлался всеобщій шумъ.

— Глупо, господа, глупо! какъ хотите! — восклицалъ Бакановъ.

— Я не понимаю васъ, не понимаю! — отвѣчалъ топорщась Галкинъ.

— Такъ говорить подло, низко, скверно! — произносилъ, скрежеща зубами, Басардинъ.

Споръ этотъ прерванъ былъ вошедшимъ человѣкомъ.

— Monsieur, madame votre épouse est arrivée! — сказалъ онъ Бакланову.

У того мгновенно выскочили изъ головы и статья, и открытый судъ, и невѣжественные оппоненты его, и въ воображеніи представлялась сердитая и укоряющая Евпраксія.

— Гдѣ она?... — говорилъ онъ робкимъ голосомъ, выходя за лакеемъ въ корридоръ, и очень былъ радъ, что тамъ было не такъ свѣтло.

Monsieur! — сказалъ ему лакей, показывая на стоявшую невдалекѣ даму съ мужчиной: послѣдній былъ Валерьянъ Сабакѣевъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Une chambre! — сказалъ Бакланов лакею и подошелъ къ женѣ.

— Пріѣхали! — проговорилъ онъ радостно заискивающимъ голосомъ.

Евпраксія ничего ему не отвѣчала и вошла въ отворенную лакеемъ дверь.

Баклановъ замѣтилъ, что она очень похудѣла и въ тоже время похорошѣла, хотя выраженіе лица ея было почти суровое.

— Ну, здравствуйте-съ! — сказалъ было онъ опять ласково и поцѣловалъ у жены руку; но Евпраксія и тутъ ему ничего не сказала.

Не зная, какъ себя держать, Баклановъ заговорилъ съ шуриномъ.

— И вы, Валерьянъ, пріѣхали, — это прекрасно!

— Пріѣхалъ, — отвѣчалъ Валерьянъ.

Въ голосѣ его Бакланову тоже послышались какъ-бы насмѣшка и неудовольствіе.

Евпраксія, видимо утомленная дорогой, сѣла. Баклановъ осмѣлился взглянуть на нее повнимательнѣе и хоть бы малѣйшее замѣтилъ въ чертахъ лица ея снисхожденіе къ себѣ.

— Чтожъ ты, здоровъ? — проговорила, наконецъ, она.

— Здоровъ! — отвѣчалъ Баклановъ какою-то фистулой.

— Какъ-же ты писалъ, что боленъ.

— Выздоровѣлъ.

Въ это время въ номеръ вошелъ лакей.

— Ваши гости спрашиваютъ, возвратитесь вы къ нимъ или нѣтъ? — сказалъ онъ Бакланову.

— Убирались-бы къ чорту! — отвѣчалъ тотъ.

Лакей съ улыбкой вышелъ.

Сабакѣевъ обратился къ сестрѣ.

— Ну, такъ я пойду, — сказалъ онъ.

— Ступай! — отвѣчала ему та съ ласковой улыбкой.

— Куда это, мой милѣйшій? —спросилъ его Баклановъ.

— Нужно! — отвѣчалъ Сабакѣевъ и ушелъ.

Оставшись съ женою вдвоемъ, Баклановъ рѣшительно не находился, что ему дѣлать.

— Куда это братъ пошелъ? — поспѣшилъ онъ о чемъ-нибудь заговорить.

— Къ невѣстѣ своей, — отвѣчала односложно Евпраксія.

— Вотъ какъ!... Кто же она такая?

— Елена, дочь madame Базелейнъ.

— Ахъ, Боже мой! — воскликнулъ Баклановъ, какъ-бы и съ живымъ участіемъ: — дѣвочкой еще маленькою помню!... Какъ же она въ Парижъ попала?

— Пріѣхала съ матерью, съ водъ.

— И чтожъ, милая особа?

На этотъ вопросъ Евпраксія ничего не отвѣтила.

Въ корридорѣ, между тѣмъ, раздался русскій говоръ.

— Рѣзню хорошую устроить, такъ... — говорилъ Басардинъ.

— Д-да! — подтвердилъ Галкинъ.

Евпраксія посмотрѣла на мужа.

— Это у тебя вѣрно были? — спросила она.

— У меня!

— Кто такіе?

— Такъ, шуты одни гороховые!—отвѣчалъ Баклановъ.

Онъ разрывался въ душѣ отъ стыда и досады: лучше-бы Евпраксія сердилась, укоряла, бранила его, чѣмъ устремляла на него этотъ холодный и презрительный взглядъ.

XIII.

Еще новая героиня.

Прошелъ день, два. Положеніе Бакланова продолжало оставаться очень неловкимъ: Евпраксія ѣздила съ нимъ

по Парижу, все осматривала, всѣмъ очень интересовалась; но о прошедшемъ его проступкѣ хоть-бы слово. Баклановъ, однако, очень хорошо видѣлъ, что это было не прощеніе, а скорѣе равнодушіе и невниманіе къ тому, что онъ дѣлалъ и даже впредь намѣренъ былъ дѣлать.

Онъ рѣшился, наконецъ, самъ заговорить:

— Я, конечно, виноватъ противъ тебя, но что дѣлать? Первая любовь!

— Первая любовь... къ содержанкѣ! — повторила насмѣшливо Евпраксія.

— Какая-же содержанка! — сказалъ Баклановъ.

Ему показалось ужь обидно, что Евпраксія такимъ образомъ третировала Софи. Ему хотѣлось, чтобъ она въ этомъ случаѣ видѣла нѣкоторое торжество и побѣду съ его стороны.

— Ты сама тоже неправа: хоть-бы слово мнѣ написала и намекнула, что тебѣ это непріятно... Я и думалъ: чтожъ?... значитъ, для нея все равно.

Евпраксія съ насмѣшкой пожала плечами.

— Я никакъ не предполагала въ человѣкѣ столько низости душевной: бѣжать съ одною женщиной, и въ тоже время женѣ писать нѣжныя и страстныя письма,— проговорила она.

— Это не низость душевная, — сказалъ, покраснѣвъ, Баклановъ.

— Что же это такое? — спросила Евпраксія.

Въ тотъ же день, когда наши супруги возвращались часу въ четвертомъ съ прогулки изъ Булонскаго лѣсу, превосходный воздухъ, чистое голубое небо, прелестный Парижъ такъ разнѣжили Бакланова, что онъ непремѣнно рѣшился помириться съ женой. Все время по пріѣздѣ ея въ Парижъ она ужасно казалась ему хороша собой. Войдя въ номеръ и видя, что Евпраксія усѣлась въ кресла, съ своимъ, по обыкновенію, спокойнымъ лицомъ, онъ подошелъ къ ней и сталъ передъ ней на колѣни.

— Прости меня! — проговорилъ онъ, склоняя голову на ея колѣни и ловя ея руки.

Евпраксія отодвинулась отъ него.

— Не унижайте себя, по крайней мѣрѣ, этимъ! — сказала она.

— Но ты еще любишь меня, Евпраксія! — умолялъ ее Баклановъ: — ты пріѣхала по первому моему зову!

— Я пріѣхала къ отцу моихъ дѣтей, но не къ мужу! — проговорила строго Евпраксія.

Баклановъ сейчасъ же всталъ, гордо тряхнулъ своими красивыми и начинавшими ужь сѣдѣть кудрями, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ опустился въ небрежную позу на первый попавшійся стулъ и проговорилъ:

— Стальная и бездушная вы женщина!... Вы даже не стоите той минуты раскаянія, которой я предался теперь.

Евпраксія хоть бы бровью повела и только кинула взглядъ на домашнюю чудотворную икону, привезенную ею даже въ Парижъ.

— Во всю жизнь, — продолжалъ Баклановъ: — хоть бы одному чувству, одному порыву вы отвѣтили, и послѣ этого требовать, чтобы мужъ вамъ оставался вѣренъ!

— Прекратите, пожалуйста, ваши разсужденія; кто-то идетъ сюда, — перебила его Евпраксія.

Двери въ самомъ дѣлѣ отворились, и вошелъ Сабакѣевъ съ сіяющимъ лицомъ, а за нимъ шла молодая дѣвушка въ черномъ, наглухо застегнутомъ платьѣ, съ обстриженными волосами и въ шляпкѣ à la mousquetaire.

— Bonjour! — сказала она, какъ-то рѣзко пожимая руку у Евпраксіи.

— Мужъ мой! — сказала та, указывая ей на Баклановa.

— Bonjour! — сказала и ему дѣвушка, также смѣло протягивая руку.

Героя моего, привыкшаго къ порядочному кругу, такія манеры въ дѣвушкѣ странно поразили и даже показались ему нѣсколько натянутыми и неестественными.

— А я недавно слышала, — начала она, садясь на диванъ: — что monsieur Баклановъ спорилъ съ одними молодыми людьми и былъ въ этомъ случаѣ совершенно неправъ.

— Я спорилъ? Съ кѣмъ же это? — сказалъ Баклановъ не безъ удивленія.

— Съ Галкинымъ.

— А вы его знаете? — спросилъ онъ ужь насмѣшливо.

— Онъ другъ мой! — отвѣчала дѣвушка.

— Другъ вашъ! — повторилъ Баклановъ, склоняя голову.

Сабакѣевъ во все это время не спускалъ пылающихъ глазъ съ своей невѣсты.

— Евпраксія! — обратилась она къ Баклановой. — Мы съ Валерьяномъ предположили заѣхать за вами и взять васъ съ мужемъ, — ѣхать обѣдать къ Дойену въ Елисейскія поля. Тамъ есть русскія щи; я ихъ только и могу ѣсть.

— Пожалуй! — отвѣчала Евпраксія, и при этомъ не взглянула на мужа, какъ бы не желая и знать, хочетъ ли онъ ѣхать или нѣтъ.

Баклановъ, однако, счелъ за лучшее ѣхать, и черезъ нѣсколько минутъ Сабакѣевъ поѣхалъ съ невѣстой въ одной коляскѣ, а онъ съ женой въ другой.

Бакланова заинтересовала невѣста шурина.

— Что это за странная госпожа? — спросилъ онъ Евпраксію опять ужь ласковымъ голосомъ.

— Ты знаешь ея мать!.. Что жъ могло другое выйдти отъ подобнаго воспитанія? — отвѣчала та своимъ обыкновеннымъ тономъ, какъ бы ничего между ними не произошло.

— Но зачѣмъ же у нея рукава и воротнички грязные?

Что-то въ родѣ усмѣшки показалось на лицѣ Евпраксіи.

— Собой-то нехороша, ну и хочетъ показать, что всѣмъ этимъ пренебрегаетъ и занимается наукой и политикой.

— Чѣмъ ей заниматься! Она глупа, должно быть.

— Напротивъ, преумненькая и очень добрая дѣвушка.

Баклановъ пожалъ плечами.

— По крайней мѣрѣ вся изломана, и изломана въ самомъ дурномъ тонѣ, — проговорилъ онъ.

XIV.

Міросозерцаніе новой героини.

Наступили сумерки. Елисейскія поля освѣтились газомъ.

Евпраксія ушла съ Валерьяномъ въ café chantant.

Баклановъ и Елена ходили по довольно темной аллеѣ и спорили.

— Я не понимаю, какъ можно Галкина имѣть своимъ другомъ, — говорилъ Баклановъ.

— Да, онъ не уменъ, не даровитъ, это такъ! — возразила съ удареніемъ Елена: — но онъ человѣкъ съ характеромъ.

— Съ характеромъ? — повторилъ насмѣшливо Баклановъ.

— Да и да, — утверждала Елена: — у насъ, напримѣръ, — продолжала она, прищуривая глазки: — есть одно общее дѣло, и онъ въ немъ дѣйствуетъ превосходно, смѣло, неотступая, а Валерьянъ нѣтъ!

— Валерьянъ умный человѣкъ, образованный!... — произнесъ Баклановъ, разводя руками: — а это чортъ знаетъ что такое!

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Намъ Богъ съ ними, съ этими умниками!... — воскликнула весьма настойчиво и въ то же время ужасно мило Елена: — намъ нужны люди съ характеромъ, съ темпераментомъ, люди твердыхъ убѣжденій, а не разваренные макароны!...

— Господи! гдѣ вы этакихъ фразъ нахватались?... Васъ, вѣроятно, всѣмъ этимъ нашпиговала наша литература.

— Да, литература! Ужь, конечно, не мое дурацкое институтское воспитаніе и не мать, у которой едва достало силы родить меня; а потомъ ея жизнь вы сами знаете! — заключила Елена съ презрѣніемъ.

— Что такое? — спросилъ Баклановъ.

— Ея позорная интрига!

«Ну, это хоть-бы и Галкину! Не даромъ они друзья!» подумалъ Баклановъ.

— За подобныя отношенія вы, по вашей собственной теоріи, не должны бы, кажется, винить ее, — сказалъ онъ.

— Я бы ее и не винила, — подтвердила Елена, опять нахмуривая свой лобъ: — еслибъ она отдалась какому-нибудь бѣдняку, а не генералъ-губернатору.

— Но если она любила его?

— Не должна была любить, потому что онъ лицо оффиціальное; а собственно бракъ она могла и должна была нарушить.

— Должна?

— Да! что вы меня такъ спрашиваете? Вы сами нарушили бракъ.

— Однако, я опять къ нему-же возвратился, — отвѣчалъ Баклановъ конфузясь.

— Чтожъ, это оттого, что васъ повертѣли? — спросила насмѣшливо Елена.

Вопросъ этотъ нѣсколько смѣшалъ Бакланова.

— Оттого-ли или не оттого, я не знаю; но только мнѣ было неловко въ моемъ положеніи.

— Слабость характера, больше ничего! — сказала съ гримасой Елена.

— Но зачѣмъ-же вы сами выходите замужъ и будете вѣнчаться?

— Да потому, что заставляютъ это дѣлать; наконецъ, я выхожу за человѣка, котораго я люблю.

— А потомъ, если разлюбите его?...

— Если разлюблю его, такъ полюблю другаго.

— А если онъ полюбитъ другую?

— Скатертью дорога, — отвѣчала Елена, пожимая плечами.

— Это ваши правила?

— Да, мои правила!... Чтобы въ этомъ случаѣ ничего не было насильственнаго и принужденнаго!

— Правила хорошія-съ! — подхватилъ Баклановъ.

— Недурныя! — сказала Елена и потомъ, какъ-бы сообразивъ, прибавила: — конечно, еслибы требовали того какія-нибудь политическія цѣли.

— То-есть? — спросилъ Баклановъ.

— То-есть, еслибы требовало этого благо родины. Какъ, напримѣръ, Юдиѳь, которая пришла, отдалась Олоферну и отрубила ему голову.

— Ой, это ужь и страшно! — сказалъ Баклановъ.

Елена сама, впрочемъ, насмѣшливо посмотрѣла на него.

— Вамъ кажется все это смѣшно? — проговорила она.

— Смѣшно не смѣшно, а нѣсколько странно.

— Странны-то вы, а не мы!

— Кто-же это мы? — спросилъ Баклановъ.

— Люди безъ зрѣнія!... *слѣпые*!

— А вы, значитъ...

— А мы — *зрячіе*! — подхватила Елена.

Въ это время изъ кофейной выходили Евпраксія съ братомъ.

— Валерьянъ, Валерьянъ! — закричала Елена.

Из фондов Одесской государственной научной библиотеки

Тотъ подошелъ.

— Чтожъ, ты мнѣ купилъ потаенныя русскія стихотворенія?

— Нѣтъ еще! — отвѣчалъ краснѣя Валерьянъ.

— Неужели-же вы ихъ читать будете?.. — спросила Евпраксія.

— Я ужь все почти читала, — отвѣчала Елена.

— Даже царя Никиту? — спросилъ Баклановъ.

— И царя Никиту! — отвѣчала Елена. При этомъ она сама даже не могла удержаться, улыбнулась и добавила: — конца, впрочемъ, не дочитала; сказали, что очень ужь не хорошо!

— Я бы на мѣстѣ Валерьяна не позволила вамъ читать этихъ вещей, — сказала опять Евпраксія.

— Напротивъ, онъ долженъ былъ-бы заставить меня прочесть ихъ!.. — отвѣчала, разводя ручками, Елена: — мы въ этомъ случаѣ дѣлаемъ оппозицію русскому правительству... оно не хотѣло, чтобы мы это знали, а мы знаемъ!

— Да, разумѣется, ему, должно быть, очень это будетъ непріятно, — сказалъ Баклановъ.

Сабакѣевъ, замѣтивъ въ словахъ зятя насмѣшливый тонъ, посмотрѣлъ на него звѣремъ.

— Елена совсѣмъ не то хотѣла сказать, какъ вы это поняли, — произнесъ онъ, и когда стали прощаться, онъ даже не подалъ руки Бакланову.

— Что это такое? Что такое? — почти кричалъ тотъ всю дорогу.

Евпраксія ни слова не говорила.

— Эта госпожа въ корень развращена! — произнесъ наконецъ Баклановъ.

— Э, вздоръ какой! — сказала Евпраксія.

— Какъ вздоръ?

— Да такъ! говоритъ только; а слова и поступки — двѣ вещи разныя.

— Да достаточно, если и говоритъ только! Я понять не могу, какимъ образомъ Валерьянъ могъ влюбиться въ такую дѣвушку.

— Онъ самъ такихъ-же убѣжденій.

При этихъ словахъ выраженіе лица Евпраксіи сдѣлалось мрачно и печально.

— Самъ?

— Да! Богъ знаетъ только, откуда и какъ все это появилось въ немъ, — прибавила она и вздохнула.

XV.

Три женщины.

Въ номерѣ Сабакѣева были онъ самъ, въ дорожномъ пальто и съ сумкой черезъ плечо, Галкинъ и Басардинъ, тоже оба съ сумками, и Елена.

Послѣдняя съ жаромъ и увлеченіемъ что-то толковала имъ.

— Раскольниковъ надо поднять! Денегъ у нихъ, у чертей, пропасть! Въ Рогожское затесаться къ нимъ надо! — говорилъ, съ искаженными чертами лица, Басардинъ.

— Прекрасно! прекрасно! — ободряла его Елена.

— Надобно только, чтобъ они съ молодымъ поколѣніемъ сошлись, только! — подхватилъ Галкинъ.

— Всѣхъ готовѣе мужики, когда нарѣзку земли станутъ дѣлать, — сказалъ спокойнымъ, но невеселымъ голосомъ Сабакѣевъ.

— Да, да! — подтвердила и ему Елена. — Главное надобно, чтобы почвы въ этомъ случаѣ больше было, чтобы мы на почву могли опираться...

— Были-бы деньги, почва будетъ! — замѣтилъ на это Басардинъ.

Въ это время вошли Евпраксія и Баклановъ. Съ первою Елена радушно поздоровалась, а послѣднему едва даже поклонилась. Изъ разговора съ нимъ въ Елисейскихъ поляхъ, изъ разспросовъ о немъ Галкина, Басардина, она убѣдилась, что онъ *смѣшенькій*, и потому презирала его.

— Chère Euprахіе! — воскликнула она: — maman меня не пускаетъ съ ними ѣхать въ Лондонъ.

— И прекрасно дѣлаетъ: я бы на ея мѣстѣ тоже не пустила, — отвѣчала та.

— Почему же?

— Потому что какъ же дѣвушкѣ одной ѣхать съ молодыми людьми?

— Я ѣду съ женихомъ, — возразила Елена.

— Тѣмъ больше не ловко; вы еще не жена его.

— Какая-же тутъ разница, какая? — спрашивала Елена.

Евпраксія не находилась, что и отвѣчать ей.

— Что я не обвѣнчана еще съ нимъ, такъ я думаю, это все равно! — пояснила сама Елена.

— Да зачѣмъ и вѣнчаться-то? — подхватилъ Галкинъ.

— Не знаю! — отвѣчала Елена, пожимая плечиками.

Въ эти минуты она была до безконечности мила. Сабакѣевъ держалъ глаза потупленными; но видно было, что онъ готовъ былъ расцѣловать это юное и смѣлое существо. Евпраксія окончательно покраснѣла.

Басардинъ между тѣмъ, отнесся къ Бакланову и конфузилъ его.

— Я, вѣдь, сестры-то не видалъ, — сказалъ онъ: — говорятъ, что она тутъ ходитъ съ Петцоловымъ; вы знаете его?

— Никого и ничего я не знаю-съ! — отвѣчалъ съ досадой Баклановъ.

Путешественники наши, наконецъ, собрались. Елена

поѣхала ихъ провожать на желѣзную дорогу, а Баклановы уѣхали домой. Евпраксія была еще грустнѣй обыкновеннаго. Баклановъ въ послѣднее время замѣтилъ въ женѣ еще двѣ новыя черты: во-первыхъ, по утрамъ она очень долго оставалась въ своей комнатѣ и, видимо, молилась тамъ; во-вторыхъ, въ среду и пятницу или совсѣмъ ничего не обѣдала, или если иногда садилась за столъ, то приказывала подавать себѣ только зелень, и то безъ масла.

— Неужели ты въ Парижѣ хочешь соблюдать посты?— спросилъ онъ ее однажды.

— Кажется, для васъ все равно, соблюдаю-ли я что-нибудь, или нѣтъ, — отвѣчала она ему.

Баклановъ пожалъ плечами.

— Съ тобой говорить, Евпраксія, невозможно, до того твой характеръ испортился.

— Вы хоть чей характеръ испортите!

— Все я...

— Кто же?.. Я сама, что-ли?

Обращаясь такимъ образомъ холодно съ мужемъ, Евпраксія была чрезвычайно нѣжна съ братомъ. Она, кажется, прислушивалась къ каждому его слову, присматривалась къ каждому его движенію. Когда онъ сказалъ, что поѣдетъ въ Лондонъ, она сейчасъ-же объявила, что и они поѣдутъ, тогда какъ прежде и слышать не хотѣла объ этой поѣздкѣ.

Изъ всего этого Баклановъ ничего не понималъ. Чтобъ избѣжать неловкихъ tête-à-tête съ женою, онъ почти цѣлые дни таскался по Парижу и одинъ разъ, возвращаясь изъ Булонскаго лѣса, услышалъ несущійся ему на встрѣчу топотъ лошадей и говоръ людской. Это ѣхала цѣлая кавалькада: дама и нѣсколько мужчинъ. Когда они нагнали его, Баклановъ узналъ Софи, англичанина и еще нѣсколько молодыхъ людей: она имъ улыбалась, перекидывалась съ ними словами. Замѣтивъ Бакланова,

она даже ему не поклонилась, а напротивъ, какъ-то еще гордѣе подняла свою головку, ударила лошадь хлыстомъ и понеслась. Кавалеры ея послѣдовали за нею. Поднялась страшная пыль и всѣхъ ихъ скрыла.

«Совсѣмъ госпожа закружилась!» подумалъ Баклановъ, и въ воображеніи его невольно промелькнули три женщины: Софи, которая такъ прилично всегда себя держала и такъ мало говорила; Елена вѣроятно ничего еще не сдѣлавшая, но за то Богъ знаетъ что говорившая, и наконецъ Евпраксія, которая во всю жизнь свою, вѣроятно, не сказала ни одного лживаго слова и нецѣломудренно не подумала, и вмѣстѣ съ тѣмъ была совершенно непонятна Бакланову.

Сойдясь послѣ такой долгой разлуки съ женой, онъ, въ одно и то же время, любилъ и ненавидѣлъ ее, уважалъ и презиралъ. Сколько мечтаній было посвящено имъ, пока онъ ожидалъ ее въ Парижъ, что вотъ она пріѣдетъ, пожуритъ его немного, а потомъ будетъ попрежнему добра и ласкова съ нимъ; но ничего подобнаго не случилось: онъ встрѣтилъ одинъ только холодъ и презрѣніе.

— Эта женщина — ледъ, могила! — говорилъ онъ иногда съ скрежетомъ зубовъ, и вслѣдъ же затѣмъ въ сердцѣ его болѣзненно отзывалась мысль: «что, если она полюбила кого-нибудь другаго;» такъ что онъ однажды спросилъ ее:

— Ужь вы не влюбились-ли въ кого-нибудь?

Евпраксія взглянула при этомъ на мужа.

— То-то, къ несчастію, нѣтъ; а ужь слѣдовало-бы! — сказала она.

— Кто-жъ мѣшалъ?

— Конечно ужь не вы! — отвѣчала Евпраксія съ гримасой.

Баклановъ, не чувствуя самъ того, покраснѣлъ отъ досады.

— Вы даже лишаете меня права поревновать васъ,— произнесъ онъ полушутя, полусерьезно.

— Эта ревность не изъ любви.

— Изъ чего же?

— Изъ самолюбія. Первую я всегда-бы оцѣнила, а вторую презираю.

Баклановъ покачалъ только при этомъ головой:

«Да, эта женщина прощать не умѣетъ,» — рѣшилъ онъ мысленно.

XVI.

Таинственное посѣщеніе.

Лондонъ!

Къ зданію всемірной выставки подъѣхалъ, между прочимъ, кэбъ, изъ котораго вышли Баклановъ и Евпраксія.

— Не отставай, Бога ради, не отставай! — говорилъ онъ ей съ необыкновенною своей торопливостію.

— Иди ужь самъ-то! — отвѣчала та ему съ досадой.

У Бакланова, попрежнему, начались поддѣльные восторги.

— Евпраксія, посмотри, вѣдь это полисмены! — восклицалъ онъ радостно, какъ-бы увидѣвъ братьевъ родныхъ.

Затѣмъ они сейчасъ же попали въ совершенно сплошную массу народа.

— Гдѣ-жъ мы съ братомъ увидимся? — спросила Евпраксія.

— Онъ хотѣлъ придти въ русское отдѣленіе, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну, такъ и пойдемъ туда, — сказала Евпраксія и, спросивъ по-англійски перваго попавшагося господина, повела мужа.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Боже мой, какъ скудно и бѣдно наше отдѣленіе! — началъ опять восклицать Баклановъ... — Турція, посмотри, — и то какое богатство сравнительно съ нами.

— Не кричи, пожалуйста! здѣсь всѣ ходятъ молча!— возразила ему Евпраксія, а потомъ, взглянувъ въ даль, прибавила съ удовольствіемъ: — А вонъ и братъ!

Сабакѣевъ въ самомъ дѣлѣ подходилъ къ нимъ съ Басардинымъ.

— Madame, угодно вамъ руку? — сказалъ послѣдній.

Евпраксія, хоть и не съ большимъ удовольствіемъ, но подала ему руку.

Баклановъ пошелъ съ Сабакѣевымъ.

Евпраксія нѣсколько разъ обертывалась къ нимъ и замѣтно прислушивалась къ ихъ разговору.

— Мнѣ-бы очень хотѣлось, ужасно!.. — говорилъ Баклановъ.

— Куда это вы собираетесь? — спросила она, наконецъ, не утерпѣвъ.

— Такъ, ужо, въ кофейную, на одно представленіе, — отвѣчалъ ей мужъ.

— Хорошо, я думаю, представленіе...

— Не бойся, въ худое мѣсто не заведу его, — сказалъ съ улыбкой Сабакѣевъ.

— Боюсь, что ты болѣе чѣмъ въ худое заведешь, — сказала съ удареніемъ Евпраксія.

Послѣ обѣда, Баклановъ вдругъ пропалъ, такъ что Евпраксія и не видала когда. Это ее замѣтно встревожило. Она часовъ до двѣнадцати его дожидалась.

Наконецъ онъ возвратился очень, повидимому, веселый и довольный.

— Гдѣ ты былъ? — спросила она.

— У нашихъ эмигрантовъ, — отвѣчалъ Баклановъ съ самодовольствіемъ.

— Зачѣмъ-же тебѣ это такъ понадобилось?

— Во-первыхъ, они сами пожелали меня видѣть.

— Я думаю! — отвѣчала Евпраксія насмѣшливо: — чтожъ у тебя можетъ быть съ ними общаго.

— Какъ, что общаго?

— Да такъ: ты ихъ не старый знакомый, не революціонеръ; ты простой, обыкновенный человѣкъ, помѣщикъ, значитъ, лицо ненавистное имъ.

— У нихъ не я одинъ, а всѣ бываютъ.

— Это-то и глупо: люди печатно говорятъ, что они въ Бога не вѣруютъ (при этихъ словахъ все лицо Евпраксіи вспыхнуло), называютъ все ваше отечество нелѣпостью, васъ — гнилымъ развратнымъ сословіемъ, а вы къ нимъ лѣзете.

— Это, значитъ, нельзя быть знакому ни съ однимъ сатирикомъ! — произнесъ съ насмѣшкой Баклановъ.

— Какая ужъ тутъ сатира; они прямо мужикамъ говорятъ, чтобъ они топоры брали и головы рубили вамъ. Наконецъ, если раздѣляете ихъ убѣжденія, такъ и дѣйствуйте такъ; а то дома кресты и чины получать готовы, а къ нему пріѣдутъ, вольнодумничаютъ; чтожъ вы послѣ этого за люди?

Баклановъ какъ-то мрачно слушалъ жену.

XVII.

Заговоръ зрѣетъ.

Съ огромной лѣстницы средняго зданія хрустальнаго дворца сходили наши путешественники.

Рядомъ съ Евпраксіей шелъ Басардинъ. Онъ, видимо, старался быть уменъ и любезенъ.

— Вотъ это Европа! Чувствуешь, что на высшей точкѣ цивилизаціи находишься, — говорилъ онъ.

Евпраксія взглянула на верхъ и отвернулась.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Чтожъ, вы ужь и испугались? — сказалъ ей Басардинъ насмѣшливо и въ то-же время съ нѣжностью.

Евпраксія шла, ничего ему не отвѣтивъ.

Басардинъ старался нагонять ее и идти съ ней рядомъ.

— Это ужь несчастіе русскихъ, — говорилъ онъ: — что мы не можемъ и не хотимъ ни на что взглянуть прямо.

— Чтожъ тутъ пріятнаго смотрѣть прямо? — проговорила она.

— Я не про это говорю, а про другое, — отвѣчалъ Викторъ лукаво.

— Не знаю, про что вы говорите, — сказала ему почти сердито Евпраксія.

— Я говорю, — продолжалъ Викторъ, понижая голосъ: — что вы вотъ, напримѣръ, несчастливы въ вашей семейной жизни, а между тѣмъ остаетесь вѣрны вашему долгу.

Евпраксія сначала было разсердилась, а потомъ разсмѣялась.

— Вы ужасно глупы, извините вы меня! — проговорила она.

Басардина при этомъ только слегка передернуло. Впрочемъ, онъ сейчасъ-же поправился и съ насмѣшливою улыбкой продолжалъ слѣдовать за Евпраксіей.

Съ Баклановымъ, между тѣмъ, шелъ Галкинъ.

— Вамъ всего достанется какихъ-нибудь двѣсти или триста штукъ... — толковалъ онъ.

— Тутъ не въ количествѣ дѣло!... — возражалъ Баклановъ.

— Вамъ все это въ поясъ уложатъ, — объяснялъ Галкинъ: — вѣдь, поясъ нигдѣ не осматриваютъ, согласитесь съ этимъ.

Баклановъ молчалъ.

— Не понимаю я вашего дѣла, господа, какъ хо-

тите! — произнесъ онъ наконецъ и покачалъ съ грустью головой.

— Земскую думу надобно собрать!.. Согласитесь, что безъ этого нельзя.

— А потомъ что?..

— А потомъ разложеніе и федерація...

Бакановъ усмѣхнулся и задумался вмѣстѣ.

— Ну, такъ до свиданья! — сказалъ Галкинъ.

— Вы куда? — спросилъ его робко Бакановъ.

— Въ типографію.

— А Сабакѣевъ тамъ?

— Тамъ; съ утра сидитъ...

Галкинъ ушелъ.

Бакановъ остался въ сильно-мрачномъ настроеніи. Къ вящему его неудовольствію, онъ увидѣлъ вдали Петцолова, который прямехонько шелъ на него.

— Bonjour! — говорилъ онъ, дружески подходя и протягивая руку, какъ-будто-бы между ними ничего непріятнаго не было.

— Вы знаете, что произошло съ madame Леневой? — началъ онъ сейчасъ-же.

— Ея братъ тутъ идетъ! — шепнулъ было, указывая на Басардина, Бакановъ.

— Ничего!.. Я ему самъ все говорилъ; онъ нисколько не въ претензіи, — говорилъ Петцоловъ. — Imaginez! — присовокупилъ онъ: — она нанимаетъ въ улицѣ Saint-Honoré бельэтажъ!.. имѣетъ ложу въ оперѣ!.. Словомъ, живетъ съ какимъ-то англичаниномъ-крезомъ.

— Котораго предпочла вамъ, какъ васъ мнѣ! — сказалъ Бакановъ.

— Oui! — подтвердилъ весело Петцоловъ: — a, écoutez: вы были у здѣшнихъ господъ?

— Былъ! — отвѣчалъ Бакановъ.

— Неправда-ли, какіе чудные люди?

— Превосходные!

— Какъ они ласкаютъ молодежь! чудо!.. adieu!

— Вы ужь уходите?

— Да! Я завтра совсѣмъ изъ Лондона уѣзжаю.

— Что такъ?

— Такъ!.. Нужно еще въ Австрію заѣхать, просить тамошняго раскольничьяго митрополита сюда переѣхать!..— прибавилъ Петцоловъ уже полушепотомъ.

Баклановъ только посмотрѣлъ на него.

«Чортъ знаетъ что такое!» — подумалъ онъ, когда молодой человѣкъ отошелъ.

XVIII.

Агитаторъ и раскольникъ.

Въ одной изъ самыхъ сытныхъ лондонскихъ тавернъ, въ Сити, сидѣло, между прочимъ, много и русскихъ купцовъ, пріѣхавшихъ на выставку.

Купецъ, попавшійся намъ въ Дрезденѣ, тутъ обѣдалъ.

Его рѣшительно поѣдалъ глазами сидѣвшій невдалекѣ отъ него Викторъ Басардинъ. Наконецъ, замѣтивъ, что купецъ доѣлъ послѣднее блюдо и сталъ утирать свою бороду, онъ прямо подошелъ и сѣлъ противъ него.

— Вы знакомы, кажется, съ господиномъ Баклановымъ?.. — сказалъ онъ.

— Съ какимъ господиномъ Баклановымъ? — спросилъ купецъ не безъ удивленія.

— Съ однимъ моимъ знакомымъ; на выставкѣ вы съ нимъ кланялись.

— Не знаю-съ! — отвѣчалъ односложно купецъ.

— Но мы васъ знаемъ и уважаемъ!.. — продолжалъ Викторъ заискивающимъ голосомъ. — Къ вамъ, вѣдь приходилъ на-дняхъ одинъ человѣкъ?.. — прибавилъ онъ таинственно.

Купецъ посмотрѣлъ на Басардина внимательно.

— Приходилъ-съ! — отвѣчалъ онъ какъ-то отрывисто.

— Ну, сами согласитесь, у насъ вѣдь Богъ знаетъ, что съ раскольниками дѣлаютъ... наконецъ съ вами самими!..

Купецъ нѣсколько времени переводилъ безпокойный взглядъ съ Виктора на салфетку и съ салфетки на Виктора.

— Что кому за дѣло-съ, что со мной ни дѣлаютъ!— проговорилъ онъ наконецъ.

— Да, конечно, — отвѣчалъ Викторъ потупляясь:— но тутъ общая польза!

— Какая эта польза такая! Ничего мы того незнаемъ и не наше дѣло.

— А я полагалъ было... — произнесъ Басардинъ.

— А коли полагали, такъ не угодно-ли самимъ: площади у насъ въ Питерѣ и Москвѣ большія, разсказывайте тамъ, что вамъ охота.

— Тутъ, вы знаете, еслибы Христосъ пришелъ, такъ и того бы въ полицію взяли, — возразилъ Басардинъ.

Такъ чтожъ вы другихъ-то къ тому подводите?.. Вы здѣсь наболтаете, Богъ знаетъ что, а потомъ за васъ отвѣтствуй.

— Ну ужь вы можете быть спокойны, что здѣсь васъ никто не выдастъ.

— Какъ не выдастъ?.. Какъ вы бумагъ-то въ руки насуете, такъ тутъ съ поличнымъ словятъ. Вы, значитъ, только одно и есть, что человѣка-то подъ гибель подводите!

— Ну ужь насъ никто не можетъ укорить! — возразилъ Викторъ, поматывая головой: — чтобы мы простаго, русскаго человѣка не любили и не желали ему добра.

— Благодаримъ на томъ покорно-съ!.. Только словно

бы того, пожалуй, намъ и не надо: вы, баре, сами по себѣ, а мы, мужики, сами по себѣ. Вы вотъ Государя Императора браните, а мы ему благодарствуемъ и полагаемъ такъ, что собака лаетъ, а вѣтеръ носитъ... Въ Бога, вонъ, вы пишете, чтобы не вѣровать, и то мы ничего: считаемъ такъ, что отъ неразсудка вашего это происходитъ.

— Чтожъ, мы не изъ-за денегъ-же къ вамъ стремимся?

— Да денегъ мы вамъ и не дадимъ; деньги у насъ не ворованныя, а потомъ и трудомъ нашимъ нажитыя.

— Чиновникамъ давали-же ихъ! — возразилъ Викторъ ядовито.

— Чиновники-то все-таки маненечко царскіе слуги, а не самозванщина...

Басардинъ, наконецъ, всталъ.

— На васъ, значитъ, и надежды никакой питать нельзя!.. — произнесъ онъ.

— Мало че, что надежды, а что ежели бы теперь это во Франціи, али въ Австріи было, я бы, себя оберегаючи, коммиссару васъ представилъ, — отвѣчалъ внушительно купецъ.

— Какъ это глупо! — сказалъ Викторъ уходя.

— Что дѣлать-то! Неученые! Инако думать и полагать не умѣемъ! — отвѣчалъ купецъ.

XIX.

Прокламація.

Три дня уже какъ Сабакѣевъ и Бакановъ съ женой ѣхали на пароходѣ обратно въ Петербургъ. Послѣдній всю почти дорогу не пилъ, не ѣлъ ничего и былъ чрезвычайно грустенъ; а Сабакѣевъ, напротивъ, оставался

совершенно спокоенъ и все сидѣлъ на палубѣ и смотрѣлъ на море.

По случаю небольшаго числа пассажировъ, Баклановъ съ женой занималъ отдѣльную каюту. Въ одинъ вечеръ, ложась спать и снимая съ себя, между прочимъ, замшевый поясъ, онъ проговорилъ въ полголоса:

— Ахъ, обуза, обуза проклятая!

— Что такое это вы сказали? — спросила вдругъ его Евпраксія. Послѣднее время она замѣтно присматривала за мужемъ.

— Такъ!.. Ничего!.. — отвѣчалъ Баклановъ.

— Какая это у васъ обуза? — продолжала Евпраксія.

Баклановъ молчалъ.

— Да ну же, говори! — сказала она.

Баклановъ усмѣхался.

— Да вонъ... изъ Лондона... порученье дали.

— Что-о-о? — воскликнула Евпраксія.

— Да не кричи, пожалуйста! — перебилъ ее Баклановъ: — изъ Лондона!.. — прибавилъ онъ шепотомъ.

— Что изъ Лондона?

— Прокламаціи!

Евпраксія даже отступила нѣсколько шаговъ назадъ.

— Ахъ, вы, сумасшедшій человѣкъ! Сумасшедшій!— воскликнула она: — гдѣ онѣ у васъ, подайте сейчасъ!

— Какъ возможно!. Я не хочу подлецомъ быть!

— Подлецомъ вы будете, если провезете ихъ. Для чего вы это дѣлаете?

— Чтобы возбудить.

— Кого? къ чему?

— Да къ чему бы то ни было. Все лучше, чѣмъ оставаться при настоящемъ порядкѣ.

— Какъ къ чему-бы то ни было! — воскликнула Евпраксія: — да вы въ самомъ дѣлѣ послѣ этого злодѣи какіе-то!.. Кто вамъ далъ это право дѣлать?.. Кто васъ уполномочивалъ?

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Вся Россія, все общественное мнѣніе.

— Да Россія васъ растерзаетъ, если ей хоть пальцемъ указать на васъ.

— Ну, оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ!

— Нѣтъ, не оставлю. Вы, кажется, совершенно забыли, что у васъ есть дѣти, у которыхъ вы промотали все состояніе и для которыхъ должны теперь трудиться, а не въ рудники идти.

— До рудниковъ еще далеко, — проговорилъ Баклановъ съ улыбкою.

— Очень не далеко! Не успѣете, я думаю, носу въ Петербургъ показать, какъ всѣхъ васъ въ крѣпость пересажаютъ!

— Кто-же узнаетъ?

— Да ужь и знаютъ, вѣроятно, давно. Не одинъ разъ ужь, вѣроятно, телеграфировали объ васъ.

Замѣчаніе это замѣтно сконфузило Бакланова.

— И кѣмъ увлекся?.. Кому подражать сталъ?... — продолжала между тѣмъ Евпраксія: — мальчикамъ!.. Неужели настолько разсудку-то нѣтъ, чтобы понять это своимъ умомъ?

— Однако въ числѣ этихъ мальчишекъ и братъ вашъ.

— Братъ увлеченъ несчастною любовью своею. Она этакихъ и подбираетъ: или энтузіастовъ, или дураковъ... Подайте сейчасъ, гдѣ у васъ эти бумаги? — заключила она, вставая и подходя къ мужу.

— Да вонъ... въ поясѣ!... отвяжись только! — отвѣчалъ Баклановъ какъ-бы съ досадой.

— Евпраксія сейчасъ же проворно взяла поясъ. Оборвавъ до крови ногти, она сама расшила его и начала выкидывать изъ него въ отворенное окно бумажки.

— Всѣ-ли тутъ? Нѣтъ-ли еще?

— Всѣ тутъ, ей-богу!... — отвѣчалъ Баклановъ.

Евпраксія и самый поясъ бросила въ море. Послѣ такого поступка жены, Бакланову стало какъ-то легче.

— Чортъ съ ними, въ самомъ дѣлѣ! — сказалъ онъ, сибаритскимъ образомъ разваливаясь на койкѣ.

Евпраксія усѣлась въ кресла.

— Какъ это вамъ могло придти въ голову, скажите пожалуйста? — сказала она.

— Да такъ, стали уговаривать: «Вы, говорятъ, человѣкъ съ такими хорошими убѣжденіями.»

Евпраксія съ грустью качала на него головою.

— Я было сначала и отнѣкивался, — продолжалъ Баклановъ: — надулись, перестали со мной говорить... смѣяться надо мною начали... мнѣ ужь и неловко стало.

Евпраксія усмѣхнулась.

— Вашему ничтожеству я ужь и словъ не нахожу; да хороши и они, хороши! — проговорила она и на другой день не оставила въ покоѣ и брата. Она взяла его за руку, увела къ себѣ въ комнату и заперла дверь.

— Что это такое ты съ собой везешь?—спросила она его прямо.

— Что везу? — спросилъ, въ свою очередь, мрачно Сабакѣевъ.

— Я знаю ужь что! — отвѣчала Евпраксія.

Валерьянъ смотрѣлъ себѣ на руки.

— Проболтался тотъ, болтушка-то! сказалъ онъ.

— Мало что онъ проболтался, я все у него отняла и выкинула.

Валерьянъ продолжалъ спокойно глядѣть себѣ на руки.

— Точно тоже и съ вами намѣрена сдѣлать? — продолжала Евпраксія уже съ улыбкой.

Сабакѣевъ молчалъ.

— Сдѣлаю, а? — спросила она, ласково взявъ его за руки.

Сабакѣевъ грустно усмѣхнулся.

— Ты вѣдь, сама очень хорошо знаешь, что со мной ты этого не сдѣлаешь ни ласками, ни угрозами... Къ чему же по этому и говорить? — добавилъ онъ.

— Знаю, — отвѣчала Евпраксія со слезами на глазахъ: — но я думала, что ты это сдѣлаешь для меня!... Что ты этимъ погубишь себя, въ этомъ я совершенно увѣрена, а твоя погибель для меня все равно, что погибель всѣхъ дѣтей моихъ, значитъ, болѣе чѣмъ моя собственная!

— Очень жаль! — отвѣчалъ, повидимому, совершенно равнодушно Валерьянъ: — и еслибъ отъ этого въ самомъ дѣлѣ погибъ я самъ, мать, ты, дѣти твои, все-таки я ни на шагъ-бы не отступилъ.

— Богъ съ тобой! — сказала Евпраксія.

— Въ Бога я не вѣрую, но что поступаю такъ, какъ слѣдуетъ поступать честному человѣку, въ этомъ убѣжденъ, — сказалъ онъ и, хлопнувъ дверьми, вышелъ на палубу.

Евпраксія поняла, что больше съ нимъ говорить было нечего, и остальную дорогу она уже ничего не ѣла и цѣлые дни почти все плакала.

Сабакѣевъ все это видѣлъ, зеленѣлъ отъ волновавшихъ его чувствованій, но не сказалъ ей ни одного слова въ утѣшеніе.

XX.

Петербургскій пожаръ.

Пассажиры шли въ таможенную кронштадтскую залу. Вещи разложены были по идущимъ вокругъ столамъ. На среднемъ столѣ лежали паспорты. Чиновникъ въ очкахъ перебиралъ ихъ и несовсѣмъ спокойнымъ голосомъ произнесъ:

— Господинъ Сабакѣевъ!

Сабакѣевъ вышелъ. Евпраксія, блѣдная какъ передъ смертью, видѣла, что у брата въ это время подергивало щеку.

— Потрудитесь пожаловать вонъ въ эту комнату!— произнесъ чиновникъ, показывая на одну изъ дверей.

Сабакѣевъ пошелъ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ также и солдатъ-жандармъ.

Всѣ пассажиры переглянулись между собой. У Евпраксіи были полнехоньки слезъ глаза. Она старалась ихъ смигнуть, но утереть не смѣла.

Въ залу вошли еще нѣсколько лицъ и что-то такое объявили. Пассажиры заволновались и стали безпокоиться. Таможенные чиновники принялись торопливо осматривать вещи.

Баклановъ и Евпраксія, занятые своимъ положеніемъ, не обратили сначала на это вниманія.

— Господинъ Баклановъ! — провозгласилъ, наконецъ, тотъ-же чиновникъ.

Баклановъ переглянулся съ женой и поблѣднѣлъ.

— Пожалуйте въ слѣдующую комнату! — сказалъ чиновникъ.

Баклановъ пошелъ.

Прочіе пассажиры продолжали торопливо прятать свои вещи и бѣгомъ уходили изъ залы.

Баклановъ, наконецъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ возвратился къ женѣ.

— Всего осматривали, — произнесъ онъ.

Въ это время молоденькій чиновникъ подалъ Евпраксіи записку. Она какъ прочитала ее, такъ и опустила руки. Это писалъ Сабакѣевъ.

«Не дожидайтесь меня. Я арестованъ!»

Евпраксія пошла.

Она безпрестанно оступалась и, кажется, совсѣмъ не видѣла, куда идетъ. Баклановъ принужденъ былъ поддерживать ее.

Они прошли на пароходъ. Тамъ капитанъ что-то торопливо бѣгалъ по палубѣ и отдавалъ приказанія.

— Скоро мы поѣдемъ? — спросилъ его Баклановъ.

Из собрания Российской национальной библиотеки

— Надо скорѣе... Петербургъ горитъ... — отвѣчалъ ему тотъ.

— Какъ Петербургъ? — повторилъ Баклановъ.

Въ отвѣтъ на это пассажиры указали ему на виднѣвшееся облако дыму, окрашенное во многихъ мѣстахъ красноватымъ цвѣтомъ пламени.

— Евпраксія, Петербургъ горитъ! — не утерпѣлъ и сказалъ женѣ Баклановъ.

— Господи, дѣти мои! — воскликнула та.

Баклановъ понялъ, что сдѣлалъ глупость.

— Гдѣ именно горитъ-то? — обертывался онъ и спрашивалъ всѣхъ.

— Апраксинъ дворъ, говорятъ, — отвѣчали ему.

— Апраксинъ дворъ, они далеко, — утѣшалъ было онъ жену.

— Два шага всего тутъ... — произнесла та и начала безпрестанно подходить къ капитану и спрашивать: — Скоро мы пріѣдемъ, скоро?

— Самымъ полнымъ ходомъ идемъ, — отвѣчалъ тотъ.

Пройди еще съ часъ времени, и Евпраксія или-бы съ ума сошла, или бы у ней лопнуло сердце.

У пристани едва бросили трапъ, какъ она проскользнула по немъ и побѣжала по Англійской набережной, по площади, по Невскому...

Народъ толпами валилъ по тротуару, перекликался, перебранивался. Неслись пожарные; на Думѣ былъ выкинутъ красный флагъ.

— Чтобъ избѣжать давки, Евпраксія повернула на Екатерининскій каналъ.

Баклановъ едва успѣвалъ слѣдовать за ней.

Въ переулкѣ ихъ остановила цѣлая куча народа.

— Ваше благородіе... ваше благородіе! — закричалъ изъ толпы голосъ къ Бакланову.

— Что такое тутъ? — спросилъ тотъ.

Толпа напирала на двухъ какихъ-то господъ, изъ ко-

Из фондов Российской национальной библиотеки

торыхъ одного огромнаго мужика нѣсколько человѣкъ держали за руки; а другой, совершенный старичишка, дрожащею и слабою рукою повертывалъ ему галстухъ, съ видимою цѣлью удавить его.

— Кто тебя научилъ?... Кто?... — говорилъ онъ.

— Что такое? — повторилъ еще разъ Баклановъ.

— Поджигатель... У старичка домъ-то поджигалъ,— отвѣчалъ кто-то ему.

— Кто научалъ? — повторялъ, уже покраснѣвъ отъ бѣшенства, старичишка.

— Поляки, ваше благородіе, Матерь Божья! — пробормоталъ мужикъ.

— О-го-го-го! — заголосила толпа, и повалила въ сторону отъ Бакланова.

— Го-го-го-го! — слышалось ему еще нѣсколько разъ.

— А супружницу-то его швырнули въ огонь, — объяснилъ ему проходившій мимо его молодой мѣщанинъ.

Остановленный всею этою сценой, Баклановъ едва догналъ Евпраксію.

— Дай мнѣ руку! — сказалъ онъ.

— На!! — отвѣчала она, какъ помѣшанная, и все шла впередъ.

Баклановъ, между тѣмъ, припоминалъ черты мужика: не оставалось никакого сомнѣнія, что это былъ Михайло, кучеръ Басардиныхъ, а супружница его вѣроятно Иродіада.

На Садовой, предъ Банкомъ, толпа снова остановила ихъ. Раздавались какіе-то клики, и вдали мелькалъ бѣлый султанъ.

Баклановъ самъ невольно пріостановился. Это шелъ Государь.

— Батюшка нашъ... батюшка!...— стонали и охали женщины.

— Ваше Императорское Величество, — повторяли мужики.

У чиновниковъ нѣкоторыхъ головы дрожали.

Баклановъ почувствовалъ, что и у него невольно навернулись слезы.

Евпраксія продолжала сама расталкивать народъ, и имъ удалось, наконецъ, снова выбраться на Невскій.

— Вези въ Графскій переулокъ! — сказала она, проворно садясь на перваго извозчика.

Баклановъ поспѣшилъ сѣсть съ нею.

— Кто это такіе поджигаютъ? — спросилъ онъ у извозчика.

— Да кто ихъ знаетъ, батюшка!!... Этта вотъ тоже, я ѣхалъ... такъ молодой баринокъ... какъ вотъ ихъ?... на Васильевскомъ острову еще ученье-то имъ идетъ...

— Да, знаю! — подхватилъ Баклановъ.

— Такъ какъ тоже отъ народу-то бѣжалъ, схватить было его хотѣли.

Баклановъ невольно при этомъ припомнилъ, какъ онъ всегда спорилъ съ молодыми людьми и увѣрялъ ихъ, что они народа не знаютъ. Они думали, что народъ съ ними, а онъ заподозрилъ ихъ въ первомъ скверномъ преступленіи.

— А болтаютъ тоже, и полякъ это жжетъ, — продолжалъ разговорчивый извозчикъ.

— Очень можетъ быть!

— Болтаютъ такъ... сказываютъ, — подтвердилъ извозчикъ.

Передъ однимъ домомъ Евпраксія остановила извозчика и проворно пошла по лѣстницѣ.

Баклановъ послѣдовалъ за ней.

Она дернула за звонокъ.

Отворили, и въ залѣ стояли Валерьянъ и Митя уже въ курточкахъ, а Петя еще въ рубашечкѣ. Она сразу всѣхъ ихъ и обняла и прижала къ груди.

Бакланова дѣти не узнали, и только одинъ Валерьянъ сказалъ наконецъ:

— Ахъ, это папаша!

Въ дверяхъ гостиной стояла старуха Сабакѣева.

Баклановъ едва имѣлъ духу подойти къ ней къ рукѣ.

— Что, батюшка, отыскали наконецъ! — произнесла она голосомъ, исполненнымъ презрѣнія: — а гдѣ Валерьянъ? — прибавила она.

Баклановъ молчалъ и смотрѣлъ на жену.

— Валерьянъ арестованъ! — отвѣчала та.

Старуха нѣсколько времени смотрѣла на дочь, а Евпраксія на нее.

— Этого надобно было почти ожидать! — пояснила она матери.

— Да! — произнесла старуха, и обѣ потомъ, не сказавъ ни слова больше, разошлись по своимъ комнатамъ.

Какъ ни великъ былъ у обѣихъ нравственный закалъ, но на этотъ разъ однако, видно, не хватило его!

XXI.

Черезъ полгода.

На Васильевскомъ островѣ, знакомая намъ гостиная Ливанова представляла далеко не прежнее убранство: въ обоихъ переднихъ углахъ ея стояли кіоты съ дорогими образами. Образъ Спасителя съ пронзенною стрѣлами головой, тоже былъ тутъ. Передъ обѣими кіотами горѣли лампады. Въ комнатѣ, сильно натопленной, вмѣсто прежняго пріятнаго запаха духами, пахло лекарствами. Самъ Евсевій Осиповичъ, худой, какъ мертвецъ, совсѣмъ плѣшивый, но еще съ сверкающими глазами, лежалъ на постели подъ пуховымъ одѣяломъ. У кровати его сидѣла, въ черномъ платьѣ и съ заплакан-

Из фондов Российской национальной библиотеки

ными глазами, Евпраксія. Около года ужь старикъ былъ тяжко боленъ: ни отъ трудностей и невзгодъ житейскихъ, ни отъ коварства и измѣнчивости людской никогда Ливановъ не поникалъ гордою головой своей; онъ зналъ, что онъ все поборетъ и надъ всѣмъ восторжествуетъ умомъ своимъ. Но чего не сдѣлала вся жизнь, то сдѣлалъ страхъ смерти. Евсевій Осиповичъ смирился духомъ; прежнее его мистическое направленіе приняло чисторелигіозный характеръ; онъ сдѣлался кротокъ со всѣми въ обращеніи, строилъ на свой счетъ больницу, разсылалъ деньги по бѣднымъ церквамъ, ко всѣмъ роднымъ своимъ написалъ исполненныя любви и покаянія письма, въ томъ числѣ и къ Бакланову, который сейчасъ-же пріѣхалъ къ нему и привезъ жену. Больной старикъ съ перваго-же разу заинтересовалъ Евпраксію; онъ такъ умно и красно говорилъ о разныхъ религіозныхъ предметахъ. Евсевій Осиповичъ, въ свою очередь, замѣтивъ въ племянницѣ настроеніе, схожее съ своимъ, съ удовольствіемъ взялся ее довоспитывать: онъ все еще любилъ, хотя-бы то и на самыхъ чистыхъ основаніяхъ, сближаться съ женщинами. Евпраксія стала къ нему заѣзжать раза по два въ недѣлю: во-первыхъ, чтобы посѣтить его, какъ больнаго, а во-вторыхъ, чтобъ и побесѣдовать съ нимъ. Въ настоящее свиданіе, не смотря на замѣтную слабость, Евсевій Осиповичъ говорилъ много и краснорѣчиво.

— Мирной и скорой кончины мнѣ Богъ не пошлетъ! — пояснялъ онъ: — я очень много грѣшилъ мыслями и дѣломъ; но ты чиста и невинна...

— Я ни въ чемъ не виновата, — подтвердила и Евпраксія.

— Ты только искупительная жертва вашего рода,— продолжалъ старикъ: — родъ вашъ умный, честный, но жестокій: прапрадѣдъ твой былъ наказнымъ дьякомъ въ пытной палатѣ... Дѣдъ твой въ двѣнадцатомъ году, на

моихъ глазахъ... я еще молодымъ человѣкомъ былъ... настигъ отрядъ французовъ; тѣ укрылись было съ лошадьми въ церковь деревянную, и потомъ сдавались, просили пощады, но онъ не послушался и всѣхъ ихъ сжегъ за оскорбленіе храма.

Выраженіе лица Евпраксіи какъ бы говорило, что дѣдъ хорошо сдѣлалъ, что сжегъ.

— Я для себя ничего ужь и не желаю, и не прошу, и молюсь только за дѣтей.

— И молись больше!.. Молитва великое дѣло... молитва разрушаетъ и созидаетъ города, и новелѣваетъ стихіями; когда на Устюгъ шла каменная туча, весь народъ по церквамъ молился и колѣнопреклонствовалъ, ничто не отвращало гнѣва Божія; но сталъ молиться преподобный Прокопій, растерзалъ на себѣ ризы, всплакалъ кровавыми молитвенными слезами, Богъ его услышалъ...

Евпраксія слушала: она и сама въ это время врядъ-ли не шептала про себя молитвы.

— Я къ вамъ дня черезъ два опять заѣду, — сказала она и встала, замѣтивъ, что старикъ сильно утомился, такъ что у него лицо какъ бы нѣсколько перекосилось и голова склонилась на подушку.

— Прощай, голубица! — проговорилъ онъ.

Евпраксія поцѣловала у него руку.

Евсевій Осиповичъ перекрестилъ ее.

Въ зальцѣ Евпраксію остановила горничная Евсевія Осиповича, та же самая, которую и мы знаемъ и которая съ тѣхъ поръ только очень пополнѣла...

— Вчера-съ съ нимъ ночью очень дурно было... — Боюсь, чтобъ и сегодня чего не случилось.

— Главное, чтобы причастить и исповѣдать успѣть,— отвѣчала на это спокойно Евпраксія.

— Это-то успѣемъ; священникъ въ нашемъ домѣ живетъ, — сказала горничная.

— Только это! — повторила Евпраксія и съ тѣмъ же печальнымъ лицомъ, какое имѣла, сѣла въ карету и поѣхала. Передъ Казанскимъ соборомъ она начала креститься и продолжала это до самой квартиры.

Дома она нашла: мать, тоже въ черномъ платьѣ и съ печальнымъ лицомъ, сидѣвшую за среднимъ столомъ; мужа, скучающаго вдали на креслахъ, и Варегина, который стоялъ и грѣлся у камина. Послѣдній былъ, попрежнему, спокоенъ и солиденъ...

Евпраксія при входѣ привѣтливо поклонилась ему, почтительно поцѣловалась съ матерью и сѣла; потомъ сейчасъ же, придавъ еще болѣе серьезное выраженіе лицу, позвонила. Вошелъ человѣкъ.

— Позови дѣтей, — сказала она, и черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ старшій, Валерьянъ, ужь въ гимназическомъ сюртучкѣ.

— Что, перевелъ? — спросила его мать.

— Перевелъ-съ!

— Ну давай!

Мальчикъ сталъ переводить.

— А брату изъ ариѳметики показалъ? — спросила Евпраксія тѣмъ же серьезнымъ голосомъ.

— Показалъ-съ! — отвѣчалъ ей мальчикъ тоже серьезно.

— Поди, позови его.

Пришелъ и второй сынишка, совсѣмъ еще капля.

— Знаешь изъ ариѳметики? — спросила его Евпраксія почти строго.

— Знаю-съ, — пролепеталъ ребенокъ.

— Ну, разсказывай!

Мальчикъ началъ отвѣчать, безпрестанно вскидывая на мать большіе голубые глазенки.

— Ну, теперь можете идти гулять, — сказала Евпраксія.

Мальчики солидно вышли.

Из фондов Российской национальной библиотеки

— Славно дѣти выдержаны! — сказалъ Варегинъ, съ удовольствіемъ мотнувъ на нихъ головой.

На лицѣ Евпраксіи при этомъ ничего не выразилось, какъ бы говорилось о совершенно постороннемъ для нея предметѣ, но старуха Сабакѣева, прислушавшись къ ихъ разговору, произнесла:

— Я своего тоже не баловала, да немного толку-то вышло!

Евпраксія посмотрѣла на мать.

— Валерьянъ, maman, еще ничего дурнаго не сдѣлалъ! — сказала она какимъ-то твердымъ голосомъ.

— Что же онъ хорошаго-то сдѣлалъ? — перебила ее рѣзко старуха.

— Валерьянъ Арсеньичъ былъ втянутъ общимъ потокомъ, — вмѣшался Варегинъ.

— Еще бы! — подхватила Евпраксія: — люди постарше и поопытнѣе его въ жизни, Богъ знаетъ, на какія глупости рѣшались.

При этомъ Баклановъ пошевелился въ своемъ креслѣ.

— Скажите, пожалуйста! — началъ онъ, чтобы замять этотъ разговоръ и обращаясь къ Варегину: — вы совсѣмъ ужъ оставили посредничество.

— Думаю!.. Дѣлать становится нечего.

— Вездѣ, значитъ, теперь тихо, вездѣ порядокъ установился?

— Почти!.. Только вотъ, помните, въ томъ имѣньи, гдѣ я усмирялъ у этой госпожи, все неслушаются старика отца ея. Я по этому случаю, ѣхавши сюда, заѣхалъ къ нему, оказывается, онъ умеръ, и представьте себѣ: на столѣ-то лежитъ румяный и бѣлый, какъ живой.

— А мнѣ такъ, — опять поспѣшно перебилъ пріятеля Баклановъ: — изъ деревни пишутъ, что одинъ сосѣдъ мой и немножко родственникъ, Дѣдовхинъ... тотъ такъ отъ досады померъ, что кому ни пожалуется на посредника, никто просьбы отъ него не принимаетъ!

— Да, сильно старики подбираются! «Послѣднія тучки разсѣянной бури!» — заключилъ Варегинъ.

Въ продолженіе всего этого разговора Евпраксія и старуха Сабакѣева замѣтно къ чему-то прислушивались. Наконецъ раздался звонокъ.

— Вотъ, кажется, и онъ! — подхватила первая.

Старуха встревожно посмотрѣла на нее.

Вошелъ знакомый намъ правовѣдъ Юрасовъ, въ настоящее время оберъ-прокуроръ и членъ разныхъ коммиссій.

Евпраксія съ пылающимъ лицомъ пожала ему руку и просила садиться около себя.

Старуха тоже смотрѣла на него, какъ-то моргая носомъ.

Гость, въ свою очередь, хоть и улыбался, но замѣтно былъ несовсѣмъ въ покойномъ состояніи.

— Ну что? рѣшили? — спросила старуха.

Голова ея при этомъ дрожала.

— То есть, проектъ рѣшенія написанъ, — отвѣчалъ уклончиво Юрасовъ.

— Въ каторгу? — спросила старуха.

— Да.

— На долго-ли?

— Вѣроятно, смягчатъ еще, а теперь на двѣнадцать лѣтъ.

Старуха, тяжело дыша, уставила глаза на образъ.

Евпраксія употребила всѣ силы, чтобы совладѣть съ собой; но слезы уже ручьями текли по ея лицу.

— Скажите: не струсилъ-ли онъ? не труситъ-ли по крайней мѣрѣ? — спросила старуха.

— О нѣтъ, напротивъ, — отвѣчалъ Юрасовъ: — онъ встрѣчалъ все совершенно спокойно и на все, кажется, ужь приготовился.

— А что-же эта госпожа? — спросила Евпраксія, и по лицу ея пробѣжала презрительная улыбка.

— Mademoiselle Базелейнъ? — спросилъ Юрасовъ.

— Да!

— Судится тоже.

— За что-же вы ее-то судите? — вмѣшался въ разговоръ Варегинъ.

— По связи и по знакомству ея съ разными господами, да еще за дневникъ.

— За дневникъ?

— Да!

— Что-же она пишетъ въ дневникѣ?

Юрасовъ, кажется, нѣсколько затруднялся отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Пишетъ...— началъ онъ съ разстановкой и довольно тихо: — что, во-первыхъ, она въ Бога не вѣруетъ, что когда родители посылали ее въ церковь, такъ она презрѣніе къ себѣ чувствовала...

— Мерзкая! — произнесла Евпраксія.

— Потомъ говоритъ, что разъ, встрѣтя одного студента, она спросила у него: есть-ли у него диванъ и подушка, и что она придетъ заниматься къ нему; и приходила... Можете судить, какая безнравственность!

— Нисколько, ни капли нѣтъ той безнравственности, которую вы понимаете,— перебилъ его опять Варегинъ.

— Ни капли?

— Нисколько! Тутъ безнравственно совершенно другое: безнравственна ложь, желаніе порисоваться. Я убѣжденъ, что она, при малѣйшей зубной боли, усерднѣйшимъ образомъ молится Богу, что ни къ какому студенту и не ходила, а все это солгала на себя изъ служенія модной идейкѣ, какъ изъ тѣхъ-же побудительныхъ причинъ лжемъ всѣ мы...

— Всѣ? — спросилъ правовѣдъ.

— Всѣ! — сказалъ рѣзко Варегинъ. — У меня есть пріятель въ Москвѣ, кротчайшее существо, всю жизнь

сидитъ около своей любовницы и слушаетъ у себя соловьевъ въ саду, а говоритъ: «*давайте крови!*» Какой-нибудь господинъ, палецъ о палецъ не умѣющій ударить и только дышащій тѣмъ, что ему по девяти рублей съ души будутъ выбивать съ его бывшихъ крестьянъ оброку, и тотъ увѣряетъ: *надо все сломать*. Чиновникъ, цѣлое утро, каналья, подличавшій передъ начальствомъ, вечеромъ придетъ въ гости и засыплетъ сейчасъ фразами о томъ, что *авторитетовъ нѣтъ и не должно быть*.

На этихъ словахъ старуха Сабакѣева, кажется, и не слышавшая, что́ около нея говорилось, снова обратилась къ Юрасову:

— А что, мнѣ можно будетъ съ сыномъ ѣхать?

— Вѣроятно! — отвѣчалъ тотъ.

Она нахмурилась, подумала что-то, встала и пошла. Евпраксія послѣдовала за ней.

— Гдѣ-жъ корень-то всему этому злу? — воскликнулъ Баклановъ по уходѣ жены и тещи.

— Да я думаю, всего ближе въ нравственномъ гнетѣ, который мы пережили, и нашемъ шаткомъ образованіи, которое въ однихъ только декораціяхъ состоитъ, — такъ, что-то такое плаваетъ сверху напоказъ! И для меня рѣшительно никакой нѣтъ разницы между Ванюшею въ «Бригадирѣ», который, желая корчить изъ себя француза, безпрестанно говоритъ: hélas, c'est affreux! и нынѣшнимъ какимъ-нибудь господиномъ, болтающимъ о революціи...

— Неужели-же во всемъ послѣднемъ движеніи вы не признаете никакого смысла? — спросилъ Баклановъ.

Варегинъ усмѣхнулся.

— Никакого!... одно только обезьянство, игра въ обѣдню, какъ дѣти вонъ играютъ.

— Хороша игра въ обѣдню, за которую въ крѣпость попадаютъ, — сказалъ Баклановъ.

— Очень жаль этихъ господъ въ ихъ положеніи, —

Из фондов Российской национальной библиотеки

возразилъ Варегинъ: — тѣмъ болѣе что, говоря откровенно, они плоть отъ плоти нашей, кость отъ костей нашихъ. То, что мы дѣлали крадучись, чему потихоньку симпатизировали, они возвели въ принципъ, въ систему; это наши собственныя сѣмена, только распустившіяся въ букетъ.

— Если подъ движеніемъ разумѣть, — началъ Юрасовъ: — собственно революціонное движеніе, такъ оно конечно безсмыслица; но движеніе въ смыслѣ реформъ...

Варегинъ придалъ какое-то странное выраженіе своему лицу.

Бакланова между тѣмъ видимо что-то занимало и безпокоило.

— Скажите, Петцоловъ взятъ?— спросилъ онъ.

— Взятъ! — отвѣчалъ Юрасовъ и потомъ помолчавъ прибавилъ: — по моему, этотъ господинъ или очень ограниченный человѣкъ, или просто сумасшедшій.

— Что-жъ онъ дѣлалъ такое? — спросилъ Варегинъ.

— Онъ заѣзжалъ въ Австріи къ раскольничьему митрополиту и уговаривалъ того переѣхать въ Лондонъ.

Варегинъ потупился и развелъ руками.

— Потомъ заѣзжалъ къ Гарибальди и просилъ того, чтобъ онъ съ поляками шелъ спасать насъ отъ насъ самихъ.

— Что за мерзости! — произнесъ ужь Варегинъ.

Баклановъ между тѣмъ сидѣлъ насупившись.

— Къ чему-же онъ меня-то собственно приплетаетъ? — спросилъ онъ.

— Къ тому, что вы вотъ въ Лондонѣ съ нимъ видѣлись и что жили въ связи съ одною госпожой, съ которою и онъ послѣ жилъ.

— Къ чему-же онъ это-то говоритъ? — сказалъ удивленнымъ тономъ Варегинъ.

Из фонда Российской национальной библиотеки

— Онъ все говоритъ; объяснилъ даже, какъ эта госпожа сначала его промотала, потомъ англичанина и теперь сама сидитъ въ Клиши.

— Это madame Ленева, — сказалъ Баклановъ, немножко покраснѣвъ, Варегину.

— А! — произнесъ тотъ: — жаль!

— А, скажите, братъ этой госпожи взятъ? — спросилъ Баклановъ Юрасова.

— Нѣтъ, онъ остался за-границей и, какъ вотъ тотъ-же Петцоловъ говоритъ, врядъ-ли не онъ и донесъ на нихъ.

— А Галкинъ что? — продолжалъ Баклановъ.

— Галкинъ ничего, освобожденъ.

— Какъ освобожденъ? — воскликнулъ Баклановъ.

Варегинъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Богатъ-съ! — произнесъ онъ и почесалъ у себя въ затылкѣ.

— Ну, однако, что-же мнѣ-то будетъ? — договорился наконецъ Баклановъ до того, что по преимуществу его безпокоило.

— Ничего! — успокоилъ его Юрасовъ.

— Ужь и потрухиваетъ, а революціонеръ еще! — подхватилъ Варегинъ и сталъ искать шляпы.

— А что къ Евпраксіи Арсеньевнѣ можно? — спросилъ онъ.

— Можно! — отвѣчалъ Баклановъ.

Варегинъ прошелъ.

Евпраксія какъ ни была огорчена, но сидѣла и уже учила дѣтей.

— Учите, учите ихъ хорошенько! — сказалъ Варегинъ: — чтобы лучше были папенекъ и дяденекъ.

— Мнѣ ужь даже и это не вѣрится! И этой надежды не имѣю!

— Страна, гдѣ есть такія жены и матери, какъ вы, не погибла еще! — говорилъ Варегинъ, прощаясь и цѣлуя руку у Евпраксіи.

Она ему ничего не отвѣчала: врядъ-ли она уже и подобное привѣтствіе со стороны мужчины не считала излишнимъ для себя.

Въ гостиной Варегина остановилъ Баклановъ, сидѣвшій тамъ одинъ и, попрежнему, съ печальнымъ и растеряннымъ лицомъ.

— Вы знаете, что жена переѣзжаетъ въ Москву? — сказалъ онъ.

— Вотъ какъ!

— Отговорите ее, Бога ради, какъ-нибудь. Она васъ такъ уважаетъ. Она тамъ окончательно окружитъ себя монахами да богомолками. Теперь почти по цѣлымъ днямъ изъ церкви не выходитъ.

— Сами виноваты, сами разбили это сердце! — сказалъ, чмокнувъ губами, Варегинъ.

Баклановъ только поникъ при этомъ головой.

Варегинъ ушелъ.

«Да, — говорилъ онъ самъ съ собою, идя по Невскому: — одна въ Клиши умираетъ; другая въ крѣпость попала; третья совсѣмъ въ церковь спряталась, а все вѣдь это наши силы, и хорошія силы.»

Да! скажемъ и мы вмѣстѣ съ нимъ: все это наши силы, и много, и всюду мы ихъ чувствовали, проходя рука объ руку съ нашими героями, но что дѣлать? Все это еще не устоялось и бродитъ!

Разсказъ нашъ, на сколько было въ немъ задачи, конченъ. За откровенность нашу, мы напередъ знаемъ, тысячи обвиненій падутъ на нашу голову. Но изъ всѣхъ ихъ мы принимаемъ только одно: пусть насъ уличатъ, что мы наклеветали на дѣйствительность!.. Не мы виноваты, что въ быту нашемъ много грубости и чувственности, что такъ называемая образованная толпа привыкла говорить фразы, привыкла или ничего не дѣлать,

Из фонда Российской национальной библиотеки

или дѣлать вздоръ, что, не цѣня и не прислушиваясь къ нашей главной народной силѣ, *здравому смыслу*, она кидается на первый фосфорическій свѣтъ, гдѣ-бы и откуда ни мелькнулъ онъ, и дѣтски вѣритъ, что въ немъ вся сила и спасеніе!

Въ началѣ нашего труда, при раздававшемся около насъ со всѣхъ сторонъ говорѣ, шумѣ, трескѣ, ясное предчувствіе говорило намъ, что это не буря, а только рябь и пузыри, отчасти надутые извнѣ, а отчасти появившіеся отъ поднявшейся снизу разной дряни. Событія какъ нельзя лучше оправдали наши ожиданія.

Напрасно враги наши, печатные и непечатные, силятся низвести наше повѣствованіе на степень безцѣльнаго сборника разныхъ пошлостей. Мы очень хорошо знаемъ, что они сердятся на насъ за то, что мы раскрываемъ ихъ болячки и бьемъ ихъ по чувствительному мѣсту, между тѣмъ какъ ихъ собственная совѣсть говоритъ за насъ, и тысячекратно повторяемъ имъ, что мы правы.

Трудъ нашъ мы предпринимали вовсе не для образованія ума и сердца шестнадцатилѣтнихъ читательницъ и не для услады задорнаго самолюбія разныхъ слабоголовыхъ юношей: имъ лучше даже не читать насъ; мы имѣли совершенно иную (чтобы не сказать: высшую) цѣль и желаемъ гораздо большаго: пусть будущій историкъ со вниманіемъ и довѣріемъ прочтетъ наше сказаніе: мы представляемъ ему вѣрную, хотя и не полную картину нравовъ нашего времени, и если въ ней не отразилась вся Россія, то за то тщательно собрана вся ея ложь.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ТОМА

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТАГО ТОМА

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

стр.

I. Хоть и прошлая, но не совсѣмъ милая картина . . . 5
II. Что-то вѣетъ другое 8
III. Скука среди семейнаго счастья 11
IV. Праздныя и порочныя мечтанія. 15
V. Акціи. 18
VI. Опьяненіе одного и отрезвленіе другой 20
VII. Сокровища пріобрѣтены 24
VIII. Общество Софи 27
IX. Онъ пошутилъ. 33
X. Бѣдная жертва 35
XI. Собраніе обличительныхъ свѣдѣній 39
XII. Провинціальная гласность. 41
XIII. Сѣтованіе Израильтянъ. 45
XIV. Новая радость изъ Петербурга 47
XV. Бѣдное существо 50
XVI. Начинающееся служеніе идеѣ. 56
XVII. Сорокалѣтній идеалистъ и двадцатилѣтній матеріалистъ 59
XVIII. Обличитель чужихъ нравовъ въ своихъ домашнихъ непосредственныхъ движеніяхъ 62
XIX. Израильтянинъ и русскій 66
XX. Разные взгляды на общественное служеніе 68
XXI. Новый обличитель 72
XXII. На яраго сатира надѣтъ намордникъ 77
XXIII. Разореніе 80
XXIV. Сцена хоть-бы изъ французскаго романа. 83
XXV. Неошибочное предчувствіе Евпраксіи 87
XXVI. Кто такой собственно герой мой 91
XXVII. Выходъ въ ширь и гладь! 93

Из фондов Российской национальной библиотеки

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

стр.

I. Изъ крѣпкаго лѣса вырубленная кочерга 99
II. Баклановъ эстетикъ 105
III. Евсевій Осиповичъ совсѣмъ прелестенъ! 108
IV. Іродіада 118
V. Баклановъ публицистъ 122
VI. Ощипанная вѣтвь благороднаго древа 126
VII. Окончательная перемѣна 129
VIII. Что собственно занимаетъ ее 136
IX. Разсказы Венявиныхъ 140
X. Прежнее Ковригино 143
XI. Староста старый и новый сельскій староста 148
XII. Посредникъ 152
XIII. Бунтъ 156
XIV. Изобличеніе 165
XV. По прежнему добръ и свѣжъ 170
XVI. Одинъ изъ модныхъ вралей 174
XVII. Злой помѣщикъ 178
XVIII. Добрый помѣщикъ 182
XIX. Братскій праздникъ съ народомъ 185
XX. Возвратившаяся любовь 192

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I. Изученіе искусствъ 198
II. Нѣмецкій обѣдъ и нѣмецкій вечеръ 203
III. Другой день въ Дрезденѣ 205
IV. Рулетка 208
V. Восхожденіе на гору Риги 216
VI. Жанъ-Жакъ Руссо, Шильонскій узникъ и Вольтеръ . . 223
VII. Баклановъ и Парижъ 228
VIII. Софи и Парижъ 232
IX. Глупое положеніе 236
X. Конецъ исторіи любви 239
XI. Обращеніе къ болѣе серьезнымъ занятіямъ 241
XII. Красные 244
XIII. Еще новая героиня 249
XIV. Міросозерцаніе новой героини 253
XV. Три женщины 257
XVI. Таинственное посѣщеніе 261
XVII. Заговоръ зрѣетъ 263
XVIII. Агитаторъ и раскольникъ 266
XIX. Прокламація 268
XX. Петербургскій пожаръ 272
XXI. Черезъ полгода 277

ГПБ Русский фонд

18.177.3.41/10

БИБЛІОТЕКА ЗНАМЕНИТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

КНИГА X 1898 ГОДЪ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

САРОЧНАЯ ПЕРЕПЛЕТНАЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ